

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№2 (28) 2011

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. кафедрой языков и литературы Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»
© Лаборатория
межкультурных коммуникаций
© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.03.11
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.
Объем: 11,3 усл.п.л.
Тираж 500 экз. Заказ 319

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.
454084, г.Челябинск,
Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова И. Н.** Характеристика имён существительных, представленных в пейзажных описаниях лирических жанров7
- Буркова О. М.** Художественно-изобразительная роль синего и голубого цветов в поэзии Сергея Есенина и ее переводах на белорусский язык12
- Ваганова И. Ю.** «Внеземные» языки в произведениях художественной фантастики: лингвокреативный аспект18
- Волкова В. Б.** Ассоциативные репрезентации концепта «вода» в романе О. Н. Ермакова «Знак зверя»27
- Трофимова П. В.** Деталь как средство многоаспектного воссоздания эмоционально-чувственного богатства мира и человека в романе «Тихий Дон» М.А. Шолохова35

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Айткалиева А. С.** Поликультурная личность в межкультурной коммуникации49
- Атжанова Н. Е.** Вкрапления со значением «от», «ошак» в межкультурной коммуникации54
- Влавацкая М. В.** Словарь коллокаций как ресурс синтагматического потенциала слова59
- Воронова В. В.** Экотекст как объект лексико-стилистического анализа70
- Демидова Т. В.** Концепт РОДИНА в речевых репрезентациях студентов среднего профессионального образования (СПО)74
- Дубровченко Е. М.** Специфика метакоммуникации как особого типа общения79

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Бажалкина Н. С.** Тематическая группа «власть» в политических афоризмах английского и русского языков83

ЯЗЫК СМИ

- Воронина Л. В.** Жанровая обусловленность функционирования конструкций семантики цели, назначения в языке современных СМИ87

<i>Давыдова С. В.</i> Язык средств массовой информации	93
<i>Дементьева К. В.</i> Процесс сохранения и повторы как метод воздействия прессы на общественное мнение	97
<i>Дьякова Т. В.</i> Основные принципы и структура новостных сообщений	102
<i>Смеюха В. В.</i> Первый отечественный женский журнал: история и типология	106

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

<i>Бакеева Д. А.</i> Цвет в истории: культурно-символический аспект	114
--	-----

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

<i>Анохина М. А.</i> Особенности употребления адвербиальных глаголов в составе полуаналитических конструкций типа “to give a glance” в английском языке	118
<i>Арипина М. В.</i> Лингвистический анализ способов образования терминов сварочного производства в английском языке	122
<i>Малетина О. А.</i> Сравнительный анализ дескриптивности и нарративности	127
<i>Морозова Е. Н.</i> Особенности общезыковой и подязыковой актуализации семантики глагольно-наречных сочетаний в английском языке	136
<i>Ходжаян Т. Р.</i> Кавычки как средство коннотирования в немецком письменном тексте	143

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

<i>Деулина Е. Н., Танцура Т. А.</i> Управление мотивацией в обучении иностранному языку	152
<i>Мятлева М. И.</i> Тестирование на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе: ЗА и ПРОТИВ	160
<i>Рахимова Н. М.</i> Художественные тексты с прецедентными феноменами в учебной коммуникации	164

АННОТАЦИИ	170
------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	177
----------------------------------	-----

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Anisimova I. N. The Characteristic of the Nouns Presented in Landscape Descriptions of Lyric Genres	7
Burkova O. M. Feature-artistic Role of Blue and Light Blue Colors in Poetry by S.Esenin and Its Translations into Belarus-sian	12
Vaganova I. Y. “Outland” Languages in Works of Feature Fan-tasy: Linguicreative Aspect	18
Volkova V. B. Associative Representations of Concept “Wa-ter” in the Novel “Beast’s Sign” by O.N.Ermakov	27
Trofimova P. V. Detail as the Means of Multi-Aspect Creation of Emotional-Feeling World and Man’s Richness in the Novel “Tikhy Don” by M.A.Sholokhov	35

LANGUAGE STUDIES

Aitkalieva A. S. Polycultural Person in Intercultural Communi-cation ...	49
Atzhanova N. E. Droplets with Meaming “от”, “ошак” in In-tercultural Communication	54
Vlavatskaya M. V. Collocations Dictionary as Resource of Sintagmatic Potential of Words	59
Voronova V. V. Ecotext as the Object of Lexical Stylistioc Analyses ...	70
Demidova T. V. Concept “Motherland” in Speech Representa-tions of Secondary Profesional Education (SPE)	74
Dubrovchenko E. M. Specifics of Metacommunication as a Special Type of Fellowship	79

LANGUAGE OF POLYTICS

Bazhalkina N. S. Thematic Group “Power” in Political Aphorisms of the English and Russian Languages	83
---	----

ЯЗЫК СМИ

Voronina L. V. Genre Dependance of Functioning of Purpose and Destination Semantics Constructions in the Language of Contemporary Mass Media	87
Davidova S. V. Language of Mass Media	93
Dementyeva K. V. Process of Saving and Reduplication as the Method of Press Influence on the Mass Opinion	97
Dyakova T. V. Basic Principles and Structure of News Mes-sages	102

Smeuha V. V. The First Woman Magazine of our Country: History and Typology106

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Bakeeva D. A. Color in History: Cultural and Symbolic As-pects114

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Anokhina M. A. Peculiarities of Adverbial Verb Usage in Pol-yanalitical Construction Complexes of “to Give a Glance” Type in English118

Arinina M. V. Linguistic Analyses of Ways of Welding Pro-duction Terms Formation in English122

Maletina O. A. Comparative Analyses of Descriptiveness and Narrativity127

Morozova E. N. Peculiarities of Common Language and Sub-language Actualization of Verb-Adverb Complexes’ Semantics in the English Language136

Khodgayan T. R. Quotation Marks as the Means of Connotation in German Written Text143

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Deulina E. N., Tantsura T. A. The Motivation Control in For-eign Language Teaching152

Myatleva M. I. Tests at Foreign Language Lessons in Non-Linguistic University: For and Against160

Rakhimova N. M. Feature Texts with Precedent Phenomenon in Educational Communication164

ABSTRACTS170

INFORMATION ABOUT AUTHORS177

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЯХ ЛИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0291
«Лингвистический анализ пейзажных описаний» ФЦП «Научные
и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

И. Н. Анисимова

В статье дан анализ семантики субстантивов, составляющих пейзажные описания лирических жанров. Произведено объединение данных лексем в лексико-семантические группы, отмечены семантически преобразованные единицы и средства выразительности. Исследование выполнено на материале текстов русской классической поэзии. Предпринятый анализ позволяет выявить некоторые особенности русского национального мировосприятия в отношении природных объектов.

Ключевые слова: семантика «природа», имя существительное, художественный текст, изобразительно-выразительные средства.

Известно, что только в поэзии (в отличие от других родов художественной литературы) принято выделять так называемую «пейзажную лирику» в качестве своеобразного жанрового образования, например, в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Н.А. Некрасова и некоторых других. Изображение пейзажа в этих текстах занимает основное место. Наряду с ними существуют и такие произведения, в которых изображаются лишь отдельные элементы окружающего человека природного мира. Следует отметить, что чёткую границу между ними провести достаточно сложно, хотя в центр исследования мы ставили именно тексты первого типа.

Функционально-лингвистический подход в рамках лингвистики текста предполагает изучение языковых средств создания пейзажных описаний. На первом этапе необходимо провести функциональный анализ имён существительных, являющихся ключевыми лексемами, с объединением их в лексико-семантические группы.

Нами выделены следующие основные лексико-семантические группы субстантивов в составе пейзажных описаний (на материале русской классической поэзии):

- время года и время суток (*вечер, день, ночь, утро, февраль* и др.);
- рельеф земной поверхности (*дорога, лес, роца, сад* и др.);
- погодные условия (*ветер, гроза, гром, снег* и др.);
- растительный мир (*астра, берёза, дуб, рябина* и др.);
- животный мир (*жаворонок, конь, медведь, муха* и др.);
- источники света (*звезда, луна, месяц, солнце* и др.);
- водоёмы и их атрибуты (*море, озеро, река, ручей* и др.);
- воздушно-пространственная перспектива (*воздух, небеса, туча* и др.);
- запахи (*аромат (цветов), запах (весны)* и др.);
- звуки (*звон, песня, тишина* и др.).

В основном рассматриваемые субстантивы называют реалии типичной русской природы (средней полосы) и вообще русского образа жизни соответствующей эпохи. И только в отдельных редких случаях участвуют в создании экзотических пейзажей других стран, описываемых автором художественного текста, например, в стихотворении К.Н. Батюшкова «*На развалинах замка в Швеции*» или при описании экзотического животного в стихотворении Н. Гумилева «*Жираф*».

Согласно статистическим данным М.Н. Эпштейна, чаще всего упоминаются в лирических произведениях крупнейших русских поэтов XVIII-XX веков среди деревьев и кустарников (в порядке убывающей частоты): *берёза, сосна, дуб, ива, ель, рябина, тополь, клён, липа, сирень, черёмуха, виноград, яблоня, вишня, орех, осина, пальма, кипарис, верба, бузина, вяз, кедр, груша, слива, лимон, апельсин*; среди животных: *конь, лошадь, кобылица, табун, собака, змея, волк, кошка, корова, бык, тёлка, олень, заяц, овца, лягушка, червь, медведь, мышь, тигр, верблюд, лось, слон, лев, белка, лисица* [4].

Присутствие лексем религиозной тематики в пейзажных описаниях (*церковь, светлый праздник*) свидетельствует об отражении в художественных текстах русских традиций в соблюдении православного календаря.

Как показывают примеры, во многих случаях запахи и звуки обозначаются описательно, непосредственным указанием на конкретный источник обонятельного или акустического ощущения (*запах медовый, запах фиалки, шум моря, вой вихря, трели соловья*).

Безусловно, пейзаж поэтического текста не сводится к простому перечислению названий природных объектов и явлений, напротив, хорошо известно, что «художественный текст обладает самой сложной семантической структурой» [З. С. 171].

В силу специфичности поэтической жанровой формы, представляющей собой концентрацию мыслей и чувств автора, лексемы с семантикой «природа» приобретают статус образа (и символа) в рамках художественного текста. Так, всем известны слова-образы: *осень* (А.С. Пушкин), *берёза* (С.А. Есенин), *февраль* (Б.Л. Пастернак), *рябина* (М.И. Цветаева). В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Родина» элементы пейзажа становятся символами родных мест, Родины:

*Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.*

Среди субстантивов, называющих природные объекты и явления, в лирических жанрах достаточно часто встречаются семантически преобразованные лексемы, например: *чета берёз*, *громады гор*, *серп месяца*, *дыханье весны*, *диск луны* и т.п. Многие из подобных сочетаний носят окказиональный, индивидуально-авторский характер: *цепи гор белоголовой / Угрюмо-дикая краса* (Некрасов) – и нуждаются в особом изучении как изобразительно-выразительные средства создания пейзажа, самыми распространёнными из которых нужно признать сравнение и метафору:

- *В искрах катится река, / Словно зеркало стальное...* (Ф.И. Тютчев «В небе тают облака»);
- *Как опрокинутая урна, / Над ним висит небесный свод*, (Н.А. Некрасов «Горы» («Передо мной Кавказ суровый...»));
- *Там соловей, весны любовник, / Всю ночь поёт* (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»);

- *и тихая луна, как лебедь величавый, / Плывёт в серебристых облаках* (А.С. Пушкин «Воспоминания в Царском Селе»);
- *Лежал закат костром багровым* (А.А. Ахматова «О, это был прохладный день...»);
- *Разлетелись, как дым, облака* (А.А. Фет «Вечер»);
- *Пруд как блестящая сталь* (А.А. Фет «В лунном сиянии») и т.п.

Направления, по которым проходят семантические преобразования имён существительных в перечисленных примерах (предмет сравнения > образ сравнения) можно представить следующим образом: *река > зеркало, небесный свод > урна, соловей > любовник, луна > лебедь, закат > костёр, облака > дым, пруд > сталь*. Семантический перенос производится по цветосветовому сходству, сходству формы, строения, очертания, выполняемым функциям сравниваемых предметов и явлений. Но, как правило, главным основанием переноса значений являются трудно определяемые ощущения, впечатления человека от внешнего вида, которые, как известно, во многих случаях индивидуальны, поэтому образ сравнения часто необычен: *Невидимкою луна / Освещает снег летучий* (А.С. Пушкин «Бесы») (*луна > невидимка*); и порой трудно определим: *Ясны далёкие звёзды, / Ясны, как счастье ребёнка* (М.Ю. Лермонтов «Небо и звезды»).

Многие явления природы в составе пейзажных описаний сравниваются с одушевлёнными предметами или им приписываются свойства живых существ, в том числе и человека, в этом усматриваются фольклорные традиции олицетворять природные объекты:

- *Зима недаром злится* (Ф.И. Тютчев);
- *Плачет старый камень, / В пруд роняя слезы* (А.А. Фет);
- *Проплясал, проплакал дождь весенний* (С.А. Есенин.);
- *И зашумит дремучий бор, / Завоет он, как волк голодный* (Н.А. Некрасов).

В последнее время исследования подобных языковых особенностей художественных текстов проводятся в русле лингвопоэтики, такого направления филологии, «в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определённого идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [2. С. 18].

Итак, анализируемые пейзажные описания строятся на основе лексем с семантикой темпоральности, локальности, сезонности и ме-

теорологичности, фитонимы, зоонимы, а также слова, обозначающие источники света, водоёмы, элементы воздушно-пространственной перспективы, обонятельные и акустические впечатления.

Основная масса русских субстантивов, участвующих в создании анализируемых переводных пейзажных зарисовок, представляет собой древний пласт лексики русского языка. Названия, относящиеся к обозначению времени, явлений природы, объектов растительного и животного мира в русском языке в большинстве своём имеют общеславянское происхождение, составляя ядро, важнейшую и древнейшую часть языка [1. С. 30–31].

Большую роль в создании пейзажных зарисовок играют семантически преобразованные лексемы, передающие своеобразие авторского стиля каждого отдельного поэта-классика.

Список литературы

1. Галкина-Федорук, Е. М. Современный русский. М. : Гос. учебно-педагогическое изд. Министерства Просвещения РСФСР, 1957. 408 с.
2. Липгарт, А. А. Основы лингвопоэтики. М. : КомКнига, 2006. 168 с.
3. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М. : изд-во «Ось-89», 2009. 560 с.
4. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк., 1990. 303 с.

List of literature

1. Galkina-Fedoruk, E. M. *Sovremennyy russkij*. M. : Gos. uchebno-pedagogicheskoe izd. Ministerstva Prosveweniya RSFSR, 1957. 408 s.
2. Lipgart, A. A. *Osnovy lingvopojetiki*. M. : KomKniga, 2006. 168 s.
3. Lukin, V.A. *Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoj teorii. Analiticheskij minimum*. M. : izd-vo «Os'-89», 2009. 560 s.
4. Jepshtejn, M. N. «*Priroda, mir, tajnik vselennoj...*» *Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii*. M. : Vyssh. shk., 1990. 303 s.

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ СИНЕГО
И ГОЛУБОГО ЦВЕТОВ В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА
И ЕЕ ПЕРЕВОДАХ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК**

О. М. Буркова

В статье рассматривается художественно-изобразительная роль «синего» и «голубого» цветов в оригинальной и переводной поэзии С. Есенина. Выявлены особенности перевода слов со значением цвета на белорусский язык.

Ключевые слова: «синий» и «голубой» цвет, оригинальная и переводная поэзия, С. Есенин, белорусский язык

Творчество С. Есенина основано на фольклоре. Но традиционные приемы цветописи, даже при умелой обработке их, не всегда удовлетворяют поэта, и он стремится к новым средствам выразительности. Поиски протекают в двух направлениях. Это, с одной стороны, пересмотр художественных возможностей прежнего, хорошо освоенного арсенала поэтической техники и, с другой, – обращение к опыту современников, новаторов слова [1. С. 9].

Наиболее употребимы в поэзии Сергея Есенина цвета синий и голубой. Они в большинстве случаев передаются через эпитеты-прилагательные *синий* и *голубой*. В ранней лирике Есенина как средство стилизации под народную речь употребляется эпитет *лазоревый*. Для усиления цветового образа поэтом используются существительные: *лазурь, синева, синь, голубизна, голубень, глаголы: синеть, голубеть* и причастия: *голубеющий, синеющий*. Оттенки синего цветового тона у С. Есенина обозначаются также метафорически, путем указания на предмет, обладающий соответствующей цветовой окраской (*цветок василек, бирюза, море*).

Словарное значение слова *синий* четко определено, стилистически нейтрально, не рождает эмоционального отклика. А в поэтическом тексте, становясь эпитетом, оно способно обрести новую жизнь. Слова, обозначающие цвета синего тона, несут в себе большой художественный потенциал. Это, прежде всего, обусловлено эмоционально-экспрессивными возможностями синего и голубого цветов, которые, ассоциируясь с цветом неба, моря, рек, озер, ухо-

дящего вдаль пространства, теней и глубин, снега, льда, могут быть созвучны самой сложной и разнообразной гамме чувств и настроений.

Обладая значительным художественным потенциалом, рассматриваемые слова в оригинальной и переводной на белорусский язык поэзии С. Есенина получают особо благоприятные условия для реализации своей скрытой образности. Поэтому в есенинских произведениях, как оригинальных, так и переводных, они почти никогда не выступают в строго номинативном значении. Их основное значение усиливается образными поэтическими значениями, основные смысловые и эстетические оттенки которых характерны для различных периодов творчества поэта.

В оригинале и переводе эмоциональная значимость слов, передающих оттенки синего цвета, заметно усиливается, если они сочетаются со словами чувственного восприятия: «Пусть порой мне шепчет синий вечер, / Что была ты песня и мечта» – «Хай парой мне шэпча сіні вечар, / Што была ты мара і мечта» (Перевод Г. Бородулина), «Хай парой мне шэпча сіні вечар, / Што была ты марай, дзівам з дзіў» (Перевод Ю. Свирки); «Вечером синим, вечером лунным / Был я когда-то красивым и юным» – «Вечарам сінім з поўняй-праходжай / Юны калісьці я быў і прыгожы» (Перевод В. Жуковича), «Вечар быў сіні з месяцам гождым, / Быў я тады малады і харошы» (Перевод А. Глобуса). В приведенных примерах и в оригинале, и в переводе конкретный зрительный образ не является главным. Отходя на задний план, он способствует появлению такого эмоционально-образного значения, которое скорее воспринимается как ощущение чего-то тихого, нежного, как ощущение гармонического состояния духа, слегка окрашенного грустью.

Особую художественную выразительность получает цвет в том случае, когда соответствующие ему эпитеты-прилагательные сочетаются со словами, обозначающими понятия, для которых синяя или голубая окраска не является типичной: «На тропу голубого поля / Скоро выйдет железный гость» – «На сцяжыну блакітнага поля / Госць жалезны выйдзе на скон» (Перевод Г. Бородулина). Действительно, в оригинале и переводе в качестве определяющих были бы более уместны слова *зеленый, желтый, бурый, черный, белый* (цветовая окраска поля в различные времена года). Однако поэт, а вслед за ним и переводчик отдают предпочтение голубому цвету. Но этот внешний зрительный эффект служит лишь фоном, на котором воз-

никает глубоко психологическое внутреннее видение, являющееся отражением драматического разлада в сознании поэта между старым и новым, который он переживал в тот период жизни, когда было написано это стихотворение. Голубым поэт видит родное деревенское поле, на которое неумолимо наступает железный город. В плане общей образности стихотворения слово *голубое* приобретает значение, лишь частично соприкасающееся с номинативным. И это новое, эстетическое значение определяется чувством щемящей нежности и боли, которое человек испытывает при утрате бесконечно дорогого и прекрасного.

Своеобразное поэтическое видение находит отражение и в следующих примерах, где стихия синего и голубого цветов способствует передаче тонкого душевного движения: «*Иду голубую дорожкой*» – «*Блакiтнай iду я дарожкай*» (Перевод А. Кулешова); «*И синю заволокой / Покрыта береза и ель*» – «*Пад сiнню нябёс яснавокай / Бязозы i сосны ў лясах*» (Перевод А. Кулешова); «*Здравствуй, мать голубая осина!*» – «*Добры дзень, мiцi сiняў асiна!*» (Перевод М. Калачинского).

Эмоциональная выразительность слов, передающих цвета синего и голубого тона, в значительной степени определяются и сферой их стилистического употребления. Так, специальными средствами поэтического стиля являются эпитет-прилагательное *лазоревый* и существительное *лазурь*. Например: «*Путник, в лазурь уходящий, / Ты не дойдешь до пустыни*» – «*Тым, хто ў блакiт адыходзiць, / Цяжка дайсцi да пустынi*» (Перевод Е. Миклошевского). Как мы видим, в переводе слово «лазурь» заменено на «блакiт». В оригинале существительное *лазурь*, обозначая «светло-синий цвет, цвет ясного неба», вместе с тем вызывает ощущение первозданной чистоты, душевной просветленности, чего нет в переводе на белорусский язык.

Синий цвет создает впечатление чего-то яркого, светлого, радостного, что вполне соответствует духу тех произведений, в которых используется этот прием. Поэтическая выразительность слов, обозначающих цвета синего тона, в значительной степени определяется их морфологической формой. Так, экспрессивные возможности у существительного *синь* (*сiнь*) гораздо выше, чем у соответствующего ему прилагательного *синий* (*сiнi*). Это объясняется, прежде всего тем, что существительные цветообозначения, будучи в основном закрепленными за книжной речью, вносят в оригинальный и переводной художественный текст определенную стилистическую окра-

ску: «Прощай, Баку! Сень тюркская, прощай!» – «Бывай, Баку! Сень цюркская, бывай!» (Перевод А. Кириковича); «Но в ту ж масть, что с отливом в сень» – «З той жа масцю з адлівам у сень» (Перевод Г. Бородулина); «Вей сильней и крепче, / Ветер сень-студеный» – «Цісне і люцее / Вецер сень-сцюдзёны» (Перевод Г. Бородулина); «Светит месяц. Сень и сонь» – «Свеціць месяц. Сень і змрок» (Перевод А. Кулешова). Образность существительных цвета определяется и тем, что они в отличие от прилагательных, неся в себе цветовой признак, приобретают значение предметности. Происходит как бы сгущение, овеществление признака и в связи с этим усиление цветового зрительного эффекта.

Впечатление яркого синего цвета в оригинальной и переводной есенинской поэзии достигается еще одним приемом – особой смысловой и поэтической заряженностью смежных слов: «Видишь родной / Плетень, / Синий, звенящий / День» – «Родны стары / Пляцень, / Сіні, званлівы / Дзень» (Перевод Г. Бородулина). В приведенном контексте таким словом является эпитет *звенящий* (в переводе на белорусский язык – *званлівы*) – слово, которое в поэзии С. Есенина имеет глубокое художественно-эстетическое осмысление. Передавая чисто звуковое впечатление, оно вместе с тем передает ощущение жизни, движения, солнечного света. Действительно, звенящим день может быть только при ярком солнечном освещении. И этот зрительный образ в значительной степени влияет на эстетический план содержания слова *синий*, как бы высвечивая его первоначальное значение – сияющий, блестящий.

Для поэзии С. Есенина, как оригинальной, так и переводной, наиболее характерным является употребление слов, обозначающие цвета синего тона, при изображении радостных, светлых явлений реальной действительности, что позволяет в художественно-образительном плане осознать этот цвет, как нечто такое, без чего немислимо само понятие молодости, жизни: «Теплая синяя / Весь, / Всякие песни / Есть» – «Сіняе вёскі / Цяпло, / Песня, / Спрабуў крыло...» (Перевод Г. Бородулина); «Предрассветное. Синее. Раннее. / И летающих звезд благодать» – «Прысвітальнае. Сіняе. Раньняе. / І раскоша залётная зор» (Перевод Г. Бородулина), «I дасвецеце. Сіняе. Раньняе. / Толькі зоркі на золку ляцяць» (Перевод С. Гроховского). В приведенных отрывках слово *синий* (*сіні*), оставаясь в пределах номинативного значения, получает соответствующую экспрессивную окрашенность, оттеняет трогательную чистоту и красоту юности.

Голубой свет в оригинальной и переводной поэзии С. Есенина излучают глаза любимых женщин, но не просто любимых, а тех, которые способны наполнить сердце благородным биением, заставить его «летать в зенит». Сияние этих глаз сопутствовало поэту, даже если он был вдали от родины. И, может быть, нежная Шагана стала так близка С. Есенину именно потому, что цветом своих глаз напомнила милых ему девушек севера: *«Я в твоих глазах увидел море, / Польшающее голубым огнем»* – *«I ў тваіх вачах, нібыта ў моры, / Польша блакітнае шугне»* (Перевод Е. Миклошевского), *«Я ў тваіх вачах убачыў мора, / Што блакітам пышна так гарыць»* (Перевод В. Жуковича), *«Я ў тваіх вачах убачыў мора, / Дзе блакітны зіхаціць агонь»* (Перевод М. Калачинского). В глазах любимой, в их голубом цвете поэт увидел все: и любовь, и нежность, и воплощенную мечту о прекрасном.

Ярко образное осмысление взаимосвязанности понятий родины и синего цвета, характерное для всего творчества поэта, отражено уже в ранних его стихотворениях: *«Гой ты, Русь, моя родная, / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края – / Только синь сосет глаза»* – *«Русь, мая ты, дарагая, / Хаты – з богам, дзе ні кінь. / Не відно канца і краю – / Вочы ссе прастора-сінь»* (Перевод Ю. Свирки). В оригинале и переводе синий цвет, переданный через интенсивный выразитель цвета – существительное *синь* (в белорусском переводе – *сінь*), является олицетворением бескрайних русских просторов, где-то на горизонте сливающихся с необъятной синью неба.

Один из тончайших поэтических образцов есенинской цветописы, тоже относящийся к теме «голубой Руси», отмечен в известном стихотворении 1925 года: *«Несказанное, синее, нежное... / Тих мой край после бурь, после гроз»* – *«Невыказнае, сіняе, ўсцешнае... / Сціх прастор пасля грому і сцюж»* (Перевод А. Кулешова). «Несказанное, синее, нежное» – тоже Русь, но уже не та, расцвеченная яркими, разнообразными красками. Зрительный цветовой эффект здесь мягче, он как бы приглушен, что вполне соответствует общей тональности стихотворения. В плане словоупотребления этот зрительный эффект достигается лексическим окружением слова *синее*, то есть соприкасаемостью со словами *несказанное* и *нежное* (в переводе – *невыказнае, ўсцешнае*). Отсвечивая от их семантического и образного содержания, слово *синее* даже в узком контексте воспринимается как их синоним. Это создает впечатление нежности, почти воздушности, усиленное субстантивацией прилагательных, их абстрагированием от конкретных предметов.

В последний период творчества, рассмотренный эстетический план значения слов *синий* и *голубой*, получая дополнительное осмысление, воспринимается как символ новой России: «*Пой песню, поэт,/ Пой./ Синец неба такой/ Голубой*» – «*Кроч з песняй, паэт,/ Кроч./ Неба сініцца ў сінь,/ Збыўшы ноч*» (Перевод М. Калачинского). В общей образной системе баллады яркий голубой цвет неба (яркость усиливается в оригинале указательным местоимением *такой*, а в переводе сочетанием *сініцца ў сінь*) воспринимается как цвет свободной родины, за которую боролись и отдали жизнь 26 бакинских комиссаров.

Таким образом, проследив использование цвета в оригинальной и переводной поэзии С. Есенина на материале слов, обозначающих цвета синего тона, можно сделать вывод, что это интенсивный и очень эффективный художественно-образительный прием. На основе психологического и эстетического осмысления предметного цвета создаются яркие, проникновенные образы, через которые поэт стремится выразить свои самые тонкие, самые сокровенные мысли и чувства.

Список литературы

1. Шелепина, О. Е. Имена прилагательные со значением цвета в поэзии С. Есенина // Вестник Львовского университета. 1966. Выпуск 4. С. 29–34.

List of literature

1. Shelepina, O.E. Imena prilagatel'nye so znacheniem cveta v poezii S. Eсениna // Vestnik L'vovskogo universiteta. 1966. Vypusk 4. S. 29–34.

**«ВНЕЗЕМНЫЕ» ЯЗЫКИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ:
ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

И. Ю. Ваганова

Данная статья посвящена рассмотрению художественного текста в свете лингвокреативной техники моделирования ментальных пространств. В качестве предмета исследования в данной статье выступают «внеземные» языки – окказиональные языковые системы, конструируемые в пространстве фантастического текста.

Ключевые слова: ментальное пространство, языковая игра, художественный текст.

Развитие современной лингвистики характеризуется пристальным вниманием к личностному началу в языке и тексте, в том числе к проблеме языковой ментальности как «отражению в языке разнообразия интеллектуальной и чувственной жизни человека» [4. С. 192]. Одним из проблемных вопросов в изучении национального своеобразия восприятия окружающей действительности, закрепленного в языке, является вопрос о способах отражения в художественном тексте «иной» ментальности, создания образа языковой личности, являющейся носителем другого языка, нежели тот, на котором создан текст. В связи с этим особый интерес вызывает рассмотрение особенностей создания в фантастических текстах образа носителя ирреального языка, представителя фантастической, внеземной цивилизации.

Исследование различных форм языковой ментальности целесообразно соотносить с понятием **ментальных пространств** как особых структур сознания, воплощенных в разных видах речевых дискурсов, в том числе в художественном тексте как авторской проекции мира.

Термин «ментальное пространство», введенный в научных оборот Г. Фоконье (1985 г.), отсылает одновременно к рассмотрению особенностей ментальности как феномена человеческого сознания и к разным способам его репрезентации в виде моделей действительности, «пространств», отражающих многоаспектность картины мира. Г. Фоконье определяет ментальные пространства как «конструк-

ции, отличные от языковых структур, реализуемые в различного рода дискурсах согласно установкам, представленным в языковых выражениях» [5. С. 16]. Подчеркнем в этом определении тот момент, что ментальное пространство в его языковой репрезентации есть реализация некой личностной «установки», диктующей выбор средств оформления мысли в рамках существующих дискурсивных практик. Данное понимание определило вектор изучения ментальных пространств в русле **когнитивного и психолингвистического подходов**.

При **когнитивном** подходе ментальные пространства рассматриваются как способ категоризации действительности в процессе познавательной и мыслительной деятельности человека (Г.Фоконье, Дж. Лакофф и др.).

Психолингвистическое понимание ментальных пространств связано с идеей воплощения мыслей о мире в разных языковых формах (репрезентации представлений о действительности в дискурсивных практиках, речевой деятельности конкретных носителей того или иного языка и культуры) (Б.М. Величковский; В.Ф. Петренко и др.).

При обращении к описанию феноменов языкового сознания ментальные пространства выполняют функцию моделирования механизмов понимания действительности, воплощаемого в языковых выражениях. Иначе говоря, единицы языкового кода при их использовании в речевой деятельности (в процессах речепорождения и речевосприятия) пропускаются через своеобразные когнитивные фильтры, определяющие знания о мире (его категоризацию). Следовательно, в основе интерпретации любого текста лежит знание о мире (точнее, модель миропонимания, транслируемая разными видами ментальных пространств). В этой связи анализ ментальных пространств художественных текстов, рассмотренных сквозь призму их языковой репрезентации, дает возможность понять перспективу авторского художественного замысла.

Ментальное пространство в текстовой репрезентации – это в широком смысле любой знаковый субстрат, посредством которого транслируется мир, отраженный в сознании человека. Ментальное пространство ХТ – это особый вид воплощения авторской эстетической идеи, авторского мировидения. Специфика ментальных пространств, воплощающих модель художественной реальности, определяется как жанровым своеобразием конкретного текста, так и особенностями авторской когнитивной и эстетической установки.

В произведениях художественной фантастики моделируется особая «двойная» реальность, которая, с одной стороны, противопоставляется действительности, репрезентируется как ирреальный мир, а с другой стороны, оказывается соотносительна с реальностью, «таит в себе приметы повседневности» [3. С. 4]. Одной из ведущих тем, разрабатываемых в рамках данного направления, является тема покорения космоса, путешествия на другие планеты, взаимодействия с внеземными цивилизациями. Это определяет необходимость моделирования в тексте образа иной, фантастической ментальности. Поскольку основным средством выражения последней является язык, то возникает вопрос о способах создания и формах существования в тексте «внеземных» языков.

Установка на изображение особенностей иного сознания, иной культуры и, как следствие, иной картины мира определяет актуализацию потенциала языковой системы, использование лингвокреативных механизмов при моделировании ментальных пространств фантастических текстов.

Для изучения ментального пространства художественного текста вообще и фантастического текста в частности релевантным представляется предложенное Т.А. Гридиной понимание языковой игры как формы лингвокреативного мышления, позволяющего моделировать новые лингвистические объекты на основе ассоциативных механизмов соединения известного с чем-то познаваемым [1]. Это дает основания рассматривать языковую игру как когнитивный и психолингвистический феномен, отражающий ментальный ракурс личностного видения мира.

В художественных текстах, относящихся к фантастическому жанру, выделяется разная степень проработанности «внеземных» языков: от маркеров, указаний, ссылок, намеков на существование такового до создания языковых систем, обладающих выраженным фонетическим, лексическим и грамматическим своеобразием.

Наиболее распространенным приемом маркирования «внеземных» языков в фантастических текстах является указание на непонимание, языковой барьер при встрече землянина и жителя другой планеты. Так, в повести А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров» главный герой Максим Камерер в результате аварии космического корабля оказывается на планете Саракш. При встрече с аборигенами он пытается вступить во взаимодействие, но не находит с их стороны понимания: *«Он протянул перед собой прутик с нанизанными*

грибными шляпками, улыбнулся еще шире и произнес с преувеличенной артикуляцией: «Мир! Все в порядке! Все хорошо!». Унылая личность за окном откликнулась на этот лозунг длинной неразборчивой фразой, после чего очистила район контакта». При этом авторы описывают впечатление носителя русского языка от речи саракшанина, которая воспринимается им как неразборчивая. Это связано с особенностями восприятия устной речи: непривычная артикуляция и отсутствие знакомых слов не позволяет герою расчлнить речевой поток на значимые элементы.

В этой же повести описывается акт коммуникации, в котором носителем иной ментальности выступает землянин. В этом случае в качестве языкового кода, используемого саракшанами, выступает русский язык, язык на котором написана повесть. Речь же землянина, носителя русского языка, передается как впечатление от восприятия незнакомого языка: «Он снова показал свои великолепные зубы, похлопал себя по груди, сказавши «максим», ткнул пальцем в бок каторжнику, сказавши «Зеф», и после этого начал говорить – медленно, с большими паузами, показывая то на потолок, то в пол, то обводя руками вокруг себя. Гаю казалось, что в его речи он улавливает некоторые знакомые слова, но слова эти не имели к делу никакого отношения». Авторы описывают процесс восприятия устной речи, связанный со стремлением обнаружить знакомые, значимые элементы в речевом потоке в рамках неизвестного языкового кода. Обнаружение созвучных слов не приводит к пониманию, что обыгрывается, в частности, в описании восприятия имени героя жителями планеты Саракш: имя Максим воспринимается ими как «максим», а в результате соотнесения данного слова с родным языком они «переводят» это имя: «Задержанный улыбнулся еще жутче, постучал себя ладонью по груди и невнятно произнес что-то вроде «максим». Начальник караула гоготнул, караульные захихикали, и господин ротмистр тоже улыбнулся. Гай не сразу понял, в чем дело, а потом сообразил, что на воровском жаргоне «максим» означает «съел ножик»». В дальнейшем имя героя трансформируется, и в фантастическом речевом дискурсе оно разделяется на две самостоятельные части: имя Мак и фамилию Сим.

Другим маркером существования «внеземных» языков в фантастических текстах является указание на переход героев с одного языкового кода на другой. Так, в повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» главный герой Румата Эсторский (Антон – землянин,

сотрудник Института Экспериментальной Истории), использует русский язык либо при общении с коллегами («Дон Кондор пристально смотрел на него, поджав губы. «Ты мне не нравишься, Антон», - **сказал он по-русски**. «Мне тоже многое не нравится, Александр Васильевич», - **сказал Румата**»), либо в состоянии сильного нервного напряжения, («Кира обтирала его губкой, смоченной в уксусе, а он, не открывая глаз, шипел сквозь стиснутые губы и бормотал: «А ведь мог его стукнуть... Рядом стоял... Двумя пальцами придавить... Разве это жизнь, Кира? Уедем отсюда... Это Эксперимент надо мной, а не над ними». Он даже не замечал, что **говорит по-русски**»). Этот же герой при общении с жителями той планеты, где он находится, переводит с русского языка прецедентные тексты на «внеземной» язык: «...*продекламировал перед уходом «Быть или не быть?» в своем переводе на ируканский*».

Гораздо более распространенным, нежели представленные выше, способом представления «внеземных» языков является включение в текст языковых маркеров, тех слов, которые используются для номинации объектов внеземного, фантастического мира и не могут быть «переведены» на язык, на котором написан текст. Самыми частотными маркерами этого типа являются имена героев и названия топообъектов. Так, в повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» создается система окказиональных имен, служащих для номинации персонажей, жителей другой планеты (*Пампа дон Бау, Румата, Рэба, Тамэл, Тоц, Кси, Сатарина, Окана, Ринат, Уно, Пэрта, Синда* и др.). При этом в данной системе наблюдается дифференциация имен по национальному и языковому признаку: в тексте разделяются имена имперские (*Горан, Гаук, Экина, Арима* и др.) и варварские (*Шуш-тулетидоводус, Яиневнивора*). Первые имена составляют основу антропонимической системы повести, поскольку события повести разворачиваются в Арканаре, королевстве, входящем в состав Империи. Имена варваров встречаются эпизодически как указание на существование на данной планете другого, «дикого» этноса. Они представляют собой многосложные, труднопроизносимые конструкции, которые в ментальном пространстве повести противопоставляются именам других персонажей.

При построении системы имен персонажей авторы опираются на имитативный принцип языковой игры, суть которого состоит в «установке на «опознаваемость» прототипных черт в используемом автором речевом коде текста» [2. С. 118]. Прототипической для

данной системы номинации персонажей является установка на указание социального статуса человека при употреблении его имени. Так, для номинации героев, относящихся к дворянскому сословию, используется либо заимствованное из испанского языка слово *дон* в сочетании с родовым именем (*дон Пиф, дона Мидара, дона Рита, дон Рэба* и др.), либо титул в сочетании с именем (*барон Пампа, герцог Экина, принц Хаар*); для номинации представителей церковного сословия используются слова отец / брат (*брат Аба, отец Цупик, отец Гаук* и др.). Для обозначения простолюдинов используется сочетание имени и прозвища (*Фика Рыжий, Пэкор Губа, Вага Колесо, Скелет Бако*). Данная система имен персонажей не только является способом репрезентации «внеземного» языка, но и усиливает ассоциативные связи с эпохой средневековья, характерные для ментального пространства этого текста.

Помимо имен собственных языковыми маркерами «внеземных» языков могут служить идиомы, характерные для данного языка (*Святой Мика, Святая Бара* – восклицания-обращения к почитаемым святым, используемое в повести «Трудно быть богом»); *Масаракш* – идиома, используемая жителями планеты Саракш в повести «Обитаемый остров» и переводимая как «мир наизнанку»), а также культурно обусловленная система сравнений, закрепленная в языке (сравнение с орлом как указание на благородство человека («*Орел наш, благородный дон Рэба*»), с пауком как указание на низость и подлость («*Здесь можно было встретить и беглого раба со смольным клеймом между лопаток - молчаливого и беспощадного, как мохнатый паук-кровосос*»), встречающиеся в повести «Трудно быть богом»).

Значительно более редким является включение в фантастические тексты фрагментов речи на «внеземных» языках. Так, в повести К.Булычева «Сто лет тому вперед» на Землю попадают космические пираты, представители внеземных цивилизаций. Для общения друг с другом они используют «внеземной» язык: «...*Совсем рядом с Колей в темноте зашевелились его соседи. Они шептались на каком-то непонятном языке, который состоял из одних согласных. Получалось примерно так: «Кх-мишиш-фрк-ши-кпрр», — шептал один голос, высокий и тонкий. «Шишиши-впрррр-кттттт-ци», — отвечал другой, глубокий...*». При создании данного языка автором реализуется установка на построение языка отличного не только от того, на котором написано произведение (русского), но и от всех языков,

которые могут быть известны читателю. Это определило основную особенность данного языка: отсутствие в его составе гласных звуков. Такая речь воспринимается читателями, даже обладающими высоким уровнем языковой компетенции, как нечто неизвестное, противоречащее их языковому опыту, а, следовательно, возможное в иной, неземной действительности.

«Внеземной» язык космические пираты используют в тексте для общения друг с другом, при этом автором, как правило, не дается «перевод», что позволяет рассматривать данный язык как выполняющий конспиративную функцию. Включения в текст высказываний на «внеземном» языке в данной повести незначительны и лишь один раз К.Булычев «переводит» речь героев: «...Хлопнула дверь. Весельчак громко крикнул: «**Ширшифк!**» — что означало: «**Попался!**».

Использование лингвокреативной техники при создании данного языка ориентировано на трансформацию, обыгрывание фонетического уровня языка. При этом, помимо отсутствия гласных звуков, этот «внеземной» язык характеризуется преобладанием шипящих звуков, что позволяет говорить об использовании писателем фоносемантического потенциала языка: поскольку носителями русского языка скопление шипящих и свистящих звуков воспринимается как нечто неблагозвучное и угрожающее, то такая речевая характеристика позволяет дополнить и углубить образы отрицательных героев. В ходе психолингвистического эксперимента, участниками которого стали 23 студента и преподавателя Уральского государственного педагогического университета, было выявлено, что большинством испытуемых субъект данной речи воспринимается как *злой, закрытый, агрессивный и импульсивный*. При этом участникам эксперимента не сообщалось, что речь эта принадлежит космическим пиратам из фантастической повести, они ориентировались только на отдельные высказывания на «внеземном» языке, взятые вне контекста.

В качестве наиболее редкого варианта включения в фантастические тексты «внеземных» языков выступает создание автором целой языковой системы, обладающей собственной лексикой, грамматикой и фонетикой. В качестве примера такой системы можно рассматривать язык *на'ви*, созданный для фильма Дж.Кэмерона американским лингвистом Полом Фроммером.

Рассмотрение лингвокреативной техники создания «внеземных» языков позволяет говорить о доминировании имитативного принципа языковой игры, поскольку прототипом (эталонном) при моделиро-

вании окказиональных языковых систем выступают реальные языки, в первую очередь те, на которых написан текст. При этом авторами сохраняются и подвергаются обыгрыванию основные уровни языка: фонетический, лексический, грамматический. И писателями реализуется установка на создание языка, максимально отличного от родного. Безусловно, такая проработка требует от создателя не только высокого уровня языковой компетенции, языковой интуиции, но и определенных познаний в области теории языка. Именно поэтому в качестве создателя языка нами выступил профессиональный лингвист. Конструирование языка такой степени сложности (язык *na'vi* содержит более двух тысяч слов, имеет собственную грамматическую систему, для него определены фонетические нормы, разработан словарь и грамматика) является ярким примером лингвокреативной деятельности. Языковая игра при этом выполняет функцию миромоделирующую, она является основным средством создания ментального пространства планеты Пандора, отражения языкового сознания и языковой ментальности народа *na'vi*.

Таким образом, изучение лингвокреативной техники создания «внеземных» языков в произведениях художественной фантастики открывает широкие перспективы не только в исследовании новых форм функционирования языковой игры, но и в рассмотрении вопросов моделирования языковой личности, языковой ментальности в художественном тексте.

Список литературы

1. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : монография. Екатеринбург : Урал. гос.пед.ун-т, 1996. 214 с.
2. Гридина, Т. А. Языковая игра в художественном тексте : моногр.. – 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2008. 165 с.
3. Куприянова, Е. С. Литературные сказки О.Уайльда и сказочно-мифологическая поэтика романа «Портрет Дориана Грея»: автореф. дис. ... д. фил. наук. Великий Новгород, 2007. 39 с.

List of literature

1. Gridina, T. A. Jazykovaja igra: stereotip i tvorchestvo : monografija. Ekaterinburg : Ural.gos.ped.un-t, 1996. 214 s.
2. Gridina, T. A. Jazykovaja igra v hudozhestvennom tekste : monogr.. – 2-e izd., ispr. i dop. Ekaterinburg, 2008. 165 s.
3. Kuprijanova, E. S. Literaturnye skazki O.Uajl'da i skazочно-mifologičeskaja pojetika romana «Portret Doriana Greja»: avtoref. dis. ... d. fil. nauk. Velikij Novgorod, 2007. 39 s.

4. Омельченко, С. Р. Глагольная репрезентация языковой ментальности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2005. №1. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 192–203.

5. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. New York : Cambridge University Press, 1994. 238 p.

4. Omel'chenko, S. R. Glagol'naja reprezentacija jazykovej mental'nosti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki». 2005. №1. Voronezh : Izd-vo VGU. S. 192–203.

5. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. New York : Cambridge University Press, 1994. 238 p.

**АССОЦИАТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОДА»
В РОМАНЕ О.Н. ЕРМАКОВА «ЗНАК ЗВЕРЯ»**

В. Б. Волкова

В данной статье рассматривается вопрос о функционировании концепта «Вода» в художественном тексте. Данный концепт имеет сложную структуру, поскольку в его периферию включены многообразные, часто ассоциативные значения. Лингвокультурологический подход, избранный в качестве основного, позволяет выявить особенности ассоциативных репрезентаций концепта «Вода», обнаружить параллели с концептом «Рыба». Материалом исследования является роман О.Н. Ермакова «Знак Зверя».

Ключевые слова: концепт «Вода», концепт «Рыба», роман О.Н. Ермакова «Знак Зверя», ассоциативные репрезентации.

Описание концепта является одним из самых сложных вопросов как современной лингвистики, так и литературоведения. Очевидно, что на данный момент обозначились определённые подходы к рассмотрению концепта. В лингвокультурологическом подходе к концепту (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов, Ф.Ф. Фархутдинова) главным дифференциальным признаком является то, что концепт признается атрибутом культуры, «сгустком культуры» в сознании человека. Концепт, по Ю.С. Степанову, структурирован образным, понятийным, ценностным блоками и является не оперативной единицей речемышления, а частью концептосферы, которая имеет свою историю.

Соотнесение компонентов семантического пространства, а также существенных для текстов О.Н. Ермакова когнитивно-пропозициональных структур позволяет исследовать концептуализированные области художественных произведений и выявить базовые для них концепты [6. С. 204]. Согласно такому подходу художественный концепт является основной единицей концептосферы авторского дискурса [2. С. 9].

В романе одним из базовых является концепт «Вода». В художественном дискурсе актуализированы две составляющие концепта «Вода»: с одной стороны, это вода «живая», свежая; с другой

– «мёртвая», протухшая, затхлая, загнившая. Ю.С. Степанов, исследуя концепт «Вода», ссылается на материалы А.Н. Афанасьева, который определяет семантическое содержание понятия: «Мёртвая вода – первая весенняя вода талого снега, она стоняет лёд и снег, но ещё не даёт зелени-жизни; живая вода – вода первых весенних дождей, она пробуждает землю к жизни, от неё просыпаются и начинают зеленеть деревья, кустарники, травы и цветы. И та, и другая вода – активны» [5. С. 299]. Т.е. мёртвая вода – это вода земная, живая – небесная.

В романе «Знак Зверя» вода является, как правило, мёртвой, символом со знаком «минус». Она не только смердит (пахнет хлоркой), но и «болезненно светится» в мечтах Глеба, измученного палящим солнцем и глядящего на бассейн; мучает в миражах и галлюцинациях, заставляя принимать лужи за родник и пить мутную, грязную воду; убивает, когда мулла поднимается на верх полуразрушенного минарета, чтобы выпить воду перед азаном, и башня обрушивается на него. Эта вода, как и пространство, окружающее героя, отчуждает от себя.

В периферию концепта «Вода» включены такие символические составляющие, как «кровь», «болезнь» и «смерть», и они образуют конвергентные связи. Вода превращается в фантом, в мечту, потому что в чужом пространстве её либо вообще нет, либо она непригодна, опасна, либо её мало. Естественное желание искупаться в палящий зной оборачивается самозапретом.

Отчуждение выступает в качестве философской категории в романе: отчуждение тотально, потому что внешний мир воспринимается Черепахой как псевдореальность, как кошмарный сон, в котором естественны метаморфозы пространства и времени; истинная жизнь – внутри героя, в потоке его обострившихся чувств, эмоций, инстинктов, частью которого становятся порождённые миражами или вызванные усталостью и предельным напряжением сил галлюцинации. Ермаков включает рассуждения героев, их внутренние монологи в повествовательный контекст, не устанавливая границ между объективным авторским описанием и субъективным восприятием героя. Это выражено пунктуационно (графически) – отсутствием знаков препинания и стилистически – приёмом парцелляции.

Тревожный сон во время перекура, не позволяющий восстановить силы, являет собой сумбурное смешение фантазии и реальности. Будничный разговор о военном лагере, разбитом у подножия

Мраморной горы, и о солдатских нуждах оборачивается полугаллюцинацией о прекрасном городе, омываемом Средиземным морем. Интенцией выступает желание прохлады и воды, и пунктуация (а в данном случае отсутствие знаков препинания) в таком контексте выявляет семантические отношения между элементами предложения, передавая часть прямо не выраженной в тексте информации [3. С. 31]. Парцелляция как «стилистический приём, состоящий в таком расчленении единой синтаксической конструкции предложения, при котором она воплощается не в одном, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах» [7. С. 176] выступает средством реализации дискретного мышления персонажа, мышления, детерминированного рассогласованием между личностью и окружающим её миром.

Чистая, «живая» вода почти не встречается в художественном пространстве романа. Чаще вода характеризуется как нечистая, грязная, неживая: «горную зеленоватую воду» [1. С. 179], «тяжелая грязная вода» [1. С. 198], «среди грязных облаков» [1. С. 323], «стекает грязная мыльная вода в щели» [1. С. 355], «грязной воды» [1. С. 12], «грязная дымка стелется по долине» [1. С. 113]. Симптоматично, что чужая вода, земная или небесная, одинаково воспринимается Глебом как мёртвая, потому что на неё распространяются ощущения, рождённые осознанием чужого пространства как агрессивного, отчуждающего, мёртвого. Только в единственной сцене солдаты купаются в чистой реке, которая «пылала и слепила» [1. С. 349]. В этой сцене вода приобретает свойство живой, поскольку для Глеба, на мгновение забывшего, где он находится, сближаются чужое и своё пространства. Лёжа на мелководье, герой получает не только эстетическое наслаждение от неба, но и кинестетическое удовольствие от водорослей, мягко щекочущих спину и прохлады воды.

Семантическая наполненность концепта «Вода» определяется особой философской значимостью и в сцене воспоминаний. Трёхкратные повторы и их вариации, связанные с концептом «Вода», вкупе с «ослепительным туркменским днём» и «раскалёнными камнями» [1. С. 78–79] создают инвариантную галлюцинацию: реальное размывается, уступая место подсознательному, доминантой которого выступает отдых. Бурлящая вода вызывает в сознании героя воспоминания о том туркменском дне, когда он пытался скрыться в лазарете, чтобы не идти на войну. Дискретность повествования обуславливает тот ряд значимых для Глеба событий, которые при-

ведут впоследствии героя к убийству Бориса. Глеб вспоминает свою инициацию, когда он «в мраморной бане был умыт своей кровью». Индивидуальный бунт героя, не желающего воевать, не желающего подчиняться «портяночным наполеонам», заканчивается для Глеба примирением с несправедливым мироустройством.

Образ бани вообще символичен в произведении: там Глеб, преданный не поддержавшими его «сынами», был избит дедами; став дембелем, герой в бане берёт себе новое имя. Так или иначе, кровь Глеба проливается именно в бане. Для Ермакова подобный приём не случайность, поскольку магические атрибуты бани стали причиной того, что важные стадии русской жизни – рождение, зрелость, свадьба и смерть – сопровождались ритуалами в бане. В тот момент, когда человек переходит от изведанного к неизведанному, он становится незащищённым от злых сил, которые могут войти в русскую душу и поглотить её. С помощью определённых ритуалов можно было вызвать силы бани, чтобы защитить русского человека во время важных переходов в жизни. Симптоматично, что начало и конец службы в армии для Глеба связаны со своеобразными обрядами в бане – инициация и имянаречение.

Поскользнувшийся в бане, Глеб разбивает голову и смывает с себя грех не только водой, но и кровью. Концепт «Рыба» в таком контексте амбивалентен, поскольку рыба является символом Иисуса Христа. Обкурившийся с другими дембелями анаши, Глеб отправляется «на равнину ловить серебристую жирную рыбу в родниках». Ермаков интертекстуально обыгрывает таинство причастия, которое следует, согласно традиции, за крещением. В романе события представлены в обратном порядке, зеркально отражены по сравнению с христианским обрядом: причастие (символическая ловля рыбы в бане, где её не может быть) предшествует крещению (купанию и провозглашению нового имени). Прямая последовательность (крещение – причастие) – от Бога, обратная – от дьявола. Именно нарушение последовательности ритуала свидетельствует о том, что солдаты отмечены знаком Зверя.

Прежние ипостаси Глеба (Черепуха и Череп) имперсонифицируются, потому что рождается Корректировщик. Императивно герой перемещается из «военного» пространства в «мирное», но теперь он самопровозглашённый Корректировщик, который взял на себя ответственность исправлять чужие ошибки, корректировать наводку ствола. В бане змей сбрасывает шкуру, рождаясь под новым именем,

старая же кожа – черепахи (восточный символ мудрости) – ему не нужна. Этим объясняется созвучие первых слогов слов «черепаха – череп – человек» в хаотичном диалоге между Глебом и Мухобоем. Так рождается новый человек под знаком Зверя – Корректировщик.

Отдельно стоит сказать о ловле рыбы, которая в метафорическом пространстве романа интерпретируется согласно христианской символике. Моделирование концепта «Вода» в романе «Знак Зверя» было бы незавершённым без включения в периферийное поле такой значимой составляющей, как «рыба». Рыба принадлежит водной стихии. Как известно, рыбы – символ христианства, но имеющий глубокие языческие корни. С. Форти определяет этот символ как «знак плодородия», «реинкарнации и жизненных сил», ассоциировавшийся с египетским богом Осирисом, богиней Эфеса и греческим Ихтисом [9. С. 84]. Рождение Иисуса, чьё имя (Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель), написанное по-гречески, образует слово ΙΧΘΥΣ, «рыба», знаменовало приход эры Рыб. Существует также аналогия между ловлей рыбы и обращением людей в новую веру (отсюда и «кольцо рыбака», которое носит Папа Римский). Христос называл апостолов «ловцами человеков», а обращенных – «рыбками». В христианском символе рыб соединились не только астрологические, но и языческие значения.

Еще в древности человек связывал рыбу, обитательницу водной стихии, с зарождением жизни на земле. Рыба могла приносить ил со дна первозданного океана, и из этого ила создавалась земля. А могла служить опорой земле, которая в этом случае держалась на одной, трех или семи рыбах, плававших в мировом океане. Стоило рыбе махнуть хвостом, и начинались землетрясения. Рыба была связана и с миром предков. Многие народы считали, что, умирая, душа человека переселяется в рыбу и, чтобы душа вновь могла воплотиться в ребенке, надо просто съесть рыбу [10]. Такой христианский аспект в романе Ермакова очень значим, поскольку Глеб нуждается в вере, только этот герой действительно боится печати Зверя. Глебу не случайно в бане пригрезилось, что он ловит рыбу на равнине. Это повторившийся сюжет его сна-галлюцинации.

В галлюцинациях-снах Глеба «мёртвая» вода – грязные лужи – кажется родниковой. Метаморфозы, связанные с водой и рыбой, весьма символичны: казавшаяся чистой, бездонной родниковая вода оказывается обыкновенной грязной лужей, свежая рыба – тухлой. Если рыба – это тайное знание, слово Иисуса, то вода – его кровь.

Глеб во сне причащается водой, «смывая грязь, пот и страх», а потом вкушает знание, приобщается к истине, поэтому герой испытывает истинное наслаждение. Но для прозревшего Глеба всё оказывается перевернутым: грязный, он сидит у лужи, а рядом мёртвая рыба с копошащимися в ней червями. Иллюзия выглядит как проделка дьявола. Осмысление двух контрарных полюсов – божественного и дьявольского – у Глеба начинается именно в Афганистане. В мирное время Глеб, наделённый мифологическим сознанием, воспринимал время как циклическое. В одной из ретроспектив герой ловит себя на мысли, что потрошить пойманную в реке щуку ему было неприятно, но герой нашёл оправдание этому.

Это целая модель языческого сознания, и если вспомнить, что в мифологических системах разных народов именно рыба (иногда в виде змея, покрытого рыбьей чешуёй и живущего в океане) держала мир, закусив пастью свой хвост, то закономерно говорить о циклической модели времени, предполагающего полноценную жизнь в настоящем моменте [Савчук]. Но в Афганистане именно в связи с осознанием дьявольского и божественного Глеб начинает воспринимать время линейно, как прямую линию, у которой есть начало и конец. У В.В. Савчука можно найти этому переходу объяснение.

Восприятие времени как линейного, по В.В. Савчуку, связано с неизбежностью жертвы, принесённой не природными дарами – животными, растениями (как это было у язычников), а собою. Это жертва навсегда: приносишь другого в жертву – и ты на полюсе дьявола, приносишь себя – на полюсе Бога. И устойчивой середины, мудро названной Горацием *aurea mediocritas*, не существует. В финале романа напрямую сказано об этом.

Показательно, что Савчук завязывает образ рыбы-змея (времени) с океаном. Но именно к Восточному океану стремится главный герой, именно о нём грезит, читая японца И. Такубоку. Желание достичь побережья Восточного океана для Глеба есть не что иное, как попытка восстановить разорванную цепь времён и событий, вернуть циклическое время, где древнему титану времени Океаносу не приписывали дьявольские свойства. Но к финалу романа герой осознаёт, что в языческом прошлом ему не места (Ср.: «Позади твоя равнина, впереди – Восточный океан, ты там чужой. Куда ты бежишь, Черепаха?» [1. С. 354]), что время навсегда разорвано не крестом Голгофы, а жертвой, принесённой Глебом в Афганистане, – другом Борисом.

В метафорическом контексте романа ловля рыбы интерпретируется как стремление обрести веру, вернуть себе точку опоры, стоя на которой можно ясно представлять, что есть зло, а что добро. Для Глеба размываются границы добра и зла, но он осознаёт, что это не есть норма, что мир без Бога рухнет, как здание без фундамента. Человек в этой реальности не включён в миропроцесс, а исключён из него, поэтому даже жизненные составляющие бытия, например, вода, агрессивны.

Таким образом, концепт «Вода» в романе Ермакова имеет сложную структуру, поскольку в его периферийное поле включены многообразные, часто ассоциативные значения. Вода в романе приобретает определенные координаты видения: взгляд на конкретное явление, например, на дождь зимой или на «крещение» Глеба в бане, являет метафору смыслов и потому в этом своем статусе обнаруживает исключительность.

Список литературы

1. Ермакова, О. Н. Знак Зверя. М. : Эксмо, 2006. 384 с.
2. Огнева, Е. А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. 26 с.
3. Орехова, Н. Н. Пунктуационная система языка: формирование и динамика развития : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2001. 42 с.
4. Савчук, В. В. Режим актуальности. СПб. : изд-во СПбГУ, 2004. 280 с.
5. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2004. 886 с.
6. Степанов, Ю. С. Концепт «Причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // Логический

List of literature

1. Ermakova, O. N. Znak Zverja. M. : Jeksmo, 2006. 384 s.
2. Ogneva, E. A. Kognitivno-sopostavitel'noe modelirovanie konceptosfery hudozhestvennogo teksta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2009. 26 s.
3. Orehova, N. N. Puntuacionnaja sistema jazyka: formirovanie i dinamika razvitija : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Voronezh, 2001. 42 s.
4. Savchuk, V. V. Rezhim aktual'nosti. SPb. : izd-vo SPbGU, 2004. 280 s.
5. Stepanov, Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. M. : Akademicheskij Proekt, 2004. 886 s.
6. Stepanov, Ju. S. Koncept «Prichina» i dva podhoda k konceptual'nomu analizu jazyka – logicheskij i sublogicheskij // Log-

- анализ языка: Культурные концепты / АН СССР. Ин-т языкознания; Редкол.: Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 204 с.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003. 245 с.
8. Топоров, В. Н. Миф о Тантале (об одной поздней версии – трагедия Вячеслава Иванова) // Палеобалканистика и античность / Отв. ред. В. Г. Нерознак. М., 1989. С. 227-284.
9. Форти, С. Символы: Энциклопедия. М.: РОСМЭН, 2005. 256 с.
10. Хаустова, И. Символика Рыбы // Новый Акрополь. 2005. №9(52). URL : http://www.newacropolis.ru/magazines/9_2005.
- icheskiy analiz jazyka: Kul'turnye koncepty / AN SSSR. In-t jazykoznanija; Redkol.: N. D. Arutjunova. M. : Nauka, 1991. 204 s.
7. Stilisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar' russkogo jazyka / Pod red. M. N. Kozhinoj. M.: Flinta ; Nauka, 2003. 245 s.
8. Toporov, V. N. Mif o Tantale (ob odnoj pozdnej versii – tragedija Vjacheslava Ivanova) // Paleobalkanistika i antichnost' / Otv. red. V. G. Neroznak. M., 1989. S. 227-284.
9. Forti, S. Simvolj: Jenciklopedija. M. : ROSMJeN, 2005. 256 s.
10. Haustova, I. Simvolika Ryby // Novyj Akropol'. 2005. № 9 (52). URL : http://www.newacropolis.ru/magazines/9_2005.

**ДЕТАЛЬ КАК СРЕДСТВО МНОГОАСПЕКТНОГО
ВОССОЗДАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОГО
БОГАТСТВА МИРА И ЧЕЛОВЕКА
В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН» М. А. ШОЛОХОВА**

П. В. Трофимова

В романе-эпопее «Тихий Дон» писатель стремится изобразить жизнь во всей полноте ее красок, звуков, запахов, показать всю сложность жизненных коллизий, представить вниманию читателя разнообразнейшие характеры своих ярких персонажей. Шолохов использует различные средства передачи их внутреннего мира. Учи- тывая художественный опыт своих предшественников, М.А. Шолохов активно развивает психологическую поэтику «внутреннего действия».

Ключевые слова: Шолохов М.А., роман «Тихий Дон», деталь, психологизм, синэстетизм.

Исследование сферы художественной детализации в романе «Тихий Дон» представляется нам невозможным без особого внимания к каждому сегменту его поэтики в системе эмоционально-чувственного восприятия мира шолоховскими героями и самим автором произведения. Сенсорно-чувственная образность – это особая сфера художественной детализации восприятия мира с помощью органов чувств.

Задачи данной статьи:

– обнаружение современных научных подходов к проблеме ощущений в психологическом и эстетическом аспектах на стыке таких научных дисциплин, как литературоведение и психология;

– выявление художественно-эстетических функций образов обоняния, звучания, осязания и цвето-визуального восприятия действительности в контексте целостной системы поэтического мира писателя, воплощающей его способность мыслить образами звуков, запахов, цвета;

– определение доминантных сфер эмоционально-чувственного содержания картины мира как основы мироощущения Шолохова и показателя специфики его художественного стиля в произведении;

– рассмотрение поэтики ощущения, восприятия и чувственного представления как средства передачи внутреннего состояния персонажей романа Шолохова, в том числе на уровне психологического подтекста;

– построение типологии одоративных, звуковых, визуальных, вкусовых и осязательных образов романа Шолохова, воплощающих важнейшие особенности мирообраза писателя, выявление психологической и эстетической содержательности данных образов.

В соответствии с современным толкованием восприятие – это отражение человеком предмета или явления при непосредственном воздействии его на органы чувств. В процессе восприятия любой предмет дифференцируется в своих чувственных качествах, отражаясь в различных видах ощущений.

Многие литературоведы указывают на особенность шолоховской поэтики передавать внутреннее переживание через внешнее проявление. С.Г. Семенова подчеркивает: «Внутреннее, душевное при этом чаще всего восстает из внешнего и физического Все – плотяно, материализовано: переживания, чувство, импульс, мысль читаются в чертах лица, в телесном облике, в непосредственной реакции – без прямого душевного обнажения» [15. С. 85].

Неоднократно отмечалось, что шолоховский человек воспринимает мир всеми органами чувств, что создает эффект художественной «стереоскопии» и «синестезии» в поэтике романа. Важно, однако, не только констатировать этот факт, но и определить методологию его исследования.

Использование терминологического аппарата не только литературоведения, но и психологической науки (в частности, такой ее области, как психология восприятия и ощущения), позволяет осуществить анализ психологизированных описаний в романе Шолохова на стыке двух научных дисциплин, двух подходов, и прийти к выводу о сугубо индивидуальной, присущей именно Шолохову иерархии ощущений в эмоционально-ценностной системе писателя.

Вопрос о том, какой признак предмета является основным для его восприятия, в настоящее время остается спорным. Роль, которую играют отдельные формы ощущений в душевной жизни, различна. Ощущения являются в какой-то мере основой для возникновения образов, представлений, переживаний. В различных ситуациях отдельные ощущения принимают неодинаковое участие. Тесным образом с ощущением связано и восприятие, также являясь чувственным

отображением объективной реальности, существующей независимо от сознания, путем воздействия ее на органы чувств.

Для поэтики романа Шолохова характерны оба феномена. «Зрительная фиксация мира у Шолохова значительно расширяется за счет всех человеческих рецепторов: и слуха..., и тех чувственных показаний, которые дают в прямом контакте с предметом самые животно-непосредственные органы чувств: вкус, осязание, но особенно – обоняние», – подчеркивает С.Г. Семенова [15. С. 98].

Иными словами, напрашивается вывод об избирательности человеческих обонятельных: «прекрасное благоухает, а недолжное – смердит».

Интенсивность и качество ощущений могут изменяться под влиянием различных факторов. В процессе нашего исследования шолоховского романа мы пришли к выводу, что содержание и характер восприятия его героев зависят от характера и настроения личности. Нередко человек воспринимает не то, что есть, а то, что ему хочется. Так, герои Шолохова на полях сражений, в землянках чувствуют запахи хлебов, куреней, хозяйственных дворов.

Одной из наших задач явилось выявление доминанты в изображении предметной сферы, превалирующего компонента в детализации предметно-сенсорной образности в «Тихом Доне». Мы попытались определить, какой из сегментов сферы ощущений – визуальный, одоративный, слуховой, вкусовой или осязательный – доминирует в структуре психологических описаний и как это влияет на художественный стиль произведения.

Необходимо отметить, что многие образы и картины действительности Шолохов дает через объемное восприятие, соединяя вместе все виды ощущений. Такой образ целесообразно называть синэстетическим. Для Шолохова характерна синэстетезия – замена ощущений одного органа чувств другим.

Под термином «синэстетезия» в диссертации понимается взаимопроникновение признаков, свойств различных сегментов природной чувствительности. При этом качества одного типа ощущения переносятся на другой («вкусный» запах, «яркие» звуки и т.д.).

Шолохов в своем произведении неоднократно использует синэстетические образы. Межчувственные ассоциации на страницах романа представлены в основном одоративно-вкусовыми модусами. «От слезавшихся в сундуках юбок, сюртуков и шалек пахло нафталином и еще чем-то сладко-тяжелым, – так пахнут старушечьи за-тасканные канунницы» (кн. 1, ч. 1, гл. 21, с. 101) [16. С. 101].

В романе пахнет и «перекисшими хмелинами и пряной сухменью богородицыной травки» [16. С. 22]; и «прелью... пресной» [16. С. 24] и «попынной дорожной горечью» [16. С. 67]; и «кислиной овечьей шерсти» (кн. [16. С. 52]; и «кислым, застоявшимся, паутинным запахом нежилого помещения» [16. С. 122] и «горьковатым плесневым духом нежили» [19. С. 47]; и «сладковатым бабьим потом» [16. С. 59] и пр.

Однако встречаются и другие виды межчувственного взаимодействия.

Персонажи «Тихого Дона» испытывают осязательно-запаховые ассоциации. На страницах романа пахнет «прелью сырой» [16. С. 24], «мокрыми от росы лопухами, влажной землей» [19 С. 35].

Особое внимание обратим на следующее описание. «Вода, растекаясь по зелено-замшелому, заплесневелому днищу корыта, устремилась в накаленный солнцем, пахнущий сырой древесиной угол» [18. С. 350]. В приведенном выше эпизоде наблюдается межчувственная ассоциация с использованием температурного («накаленного»), запахового («пахнущего») и тактильного («сырого») образов.

Отдельно встречаются примеры температурно-запаховых межсенсорных взаимодействий. «Пахнуло полынным теплым ветерком с юга» [16. С. 103]. И еще: «Григорий свернул набок шапку копны, вырыл яму. Слежалое сено ударило горячим запахом прели» [16. С. 34]. «Нежнейший, розовый по краям раструб крохотного цветочка... источник тяжелый плотский запах нагретой солнцем земли» [19. С. 127].

Синкретичность чувственных образов в «Тихом Доне» проявляется в том, что зрительные образы сопровождаются дополнительными ощущениями (например, тепла-холода). «Где-то под курчавым табуном белых облачков сияла глубокая, прохладная пастбищная синь, а над хутором, над раскаленными железными крышами, над безлюдьем пыльных улиц, над дворами с желтым, выжженным сухменем травы висел мертвый зной» [16. С. 77]. «Тепло и приятно ей было, когда черные Гришкины глаза ласкали ее тяжело и иступленно» [16. С. 43].

В романе взаимодействуют также ощущения вкусовые, осязательные, запаховые и слуховые одновременно: «Потом Григорий три раза поцеловал влажные, безвкусные губы жены, в церкви угарно завоняло чадом потушенных свечей, к выходу загоцали выпиравшие в притвор люди» [16. С. 103]. И еще: «Из черной скважины сладко пахнет девичьим, теплым во сне телом и неведомым сладким запахом духов» [16. С. 122].

Встречаются в «Тихом Доне» и более двух взаимодействующих одновременно характеристик ощущений: осязательной, одоративной и вкусовой («мокрое тело, остро пахнущее горьким потом и солонцеватым запахом крови» [18. С. 347].; «... в займище пресно пахнет влажной травой, илом, сыростью» [19. С. 60]; «пресное дыхание согретого солнцем чернозема...» [19, С. 451].

По справедливым замечаниям шолоховедов, мир произведений писателя многоцветен, многозвучен и полон сложных психологических движений. Попытаемся рассмотреть в отдельности и кратко охарактеризовать каждый сегмент этого многоцветного, многозвучного мира.

Большое влияние на психологию восприятия оказывают визуальные, т.е. зрительные детали. Особенно интересна роль психологического воздействия цвета на эмоции человека. Поэтому под визуальной деталью мы будем иметь в виду визуально-цветовую ее разновидность как наиболее выразительную в художественном отношении.

Вопросами визуально-цветового восприятия занимались видные теоретики искусства и художники слова. Так, гениальный немецкий поэт и учёный Иоганн Вольфганг Гёте написал в 1810 г. знаменитый труд «Учение о цветах», который интересен и сегодня. В нем уделено немало внимания цветовому воздействию на психику человека.

В «Учении о цветах» Гёте говорит о «чувственно-нравственном действии цвета»: «... Воздействие цвета на чувство зрения, а через него на душевное настроение... всегда определено и значительно, примыкая непосредственно к области нравственного» [8. С. 293].

Гете считал, что цвет оказывает известное воздействие на настроение человека, независимо от того, что окрашено тем и или иным образом. Тем самым впечатление, вызываемое цветом, определяется прежде всего им самим, а не его предметными ассоциациями. Иначе говоря, определенные цвета вызывают определенные душевные состояния. Согласно этим положениям, Гете ставит в соответствие определенным цветам конкретные психологические состояния человека.

В. В.Кандинский предложил более сложный взгляд на данную проблему. Он отмечал двойное воздействие цвета на человека. В первую очередь, это физическое воздействие, при котором «взгляд очарован красотой цвета или же наоборот – испытывает сильнейшее раздражение. Это впечатление поверхностно и быстро забывается, если речь идет о привычных предметах... Но как физическое ощущение ледяного холода, если оно проникает глубже, вызывает более глубокие чувства и может вызвать целую цепь психических пережи-

ваний, так и поверхностное впечатление от цвета может развиваться в переживание» [9. С. 41]. Как подчеркивает автор, этот процесс во многом обусловлен степенью развития самого человека. Но и при низкой душевной восприимчивости цвет воспринимается неоднозначно. Например, доказано, что светлые краски притягивают наше внимание больше, чем темные.

В то же время В.В. Кандинский отмечает, что при более высоком развитии это элементарное воздействие переходит в более глубокое впечатление [9. С. 41]. Тогда можно говорить о *втором виде воздействия цвета на человека*. Исследователь утверждает, что психическое воздействие цвета вызывает «душевную вибрацию», Автор отмечает связь между ассоциативными переживаниями, вызываемыми определенным цветом, и его значением в природе. Красный цвет, к примеру, Кандинский уподобляет цвету огня.

Бесспорно, что физическое и психическое воздействие цвета во многом определяются личностными характеристиками воспринимающего человека. Индивидуальность восприятия цвета была обоснована в работах немецкого психолога М. Люшера, который доказал, что состояние (содержание сознания, эмоциональность) реципиента в момент контакта с объектом может влиять на его отношение к одному и тому же цвету [11].

Э. Бенц, Ж.-М. Вайс, Н.Н. Волков, Р.М. Ивенс, Ч.А. Измайлов, Е.Н. Соколов, А.М. Черноризов, Л.Н. Миронова, К.Роу, Г. Фрилинг, К.Ауэр, П.В. Яньшин¹ и др. внесли огромный вклад в изучение вопросов эмоционального воздействия цвета на человека. Этот вопрос достаточно сложен, и любая канонизация цвета является вопросом спорным. Тем не менее большинство исследователей природы цвета утверждают, что *цвет имеет смысл*.

¹ См.: Бенц, Э. Цвет в христианских видениях // Психология цвета. М., 1996. С. 79-130; Вайс, Ж.-М., Шавелли, М. Лечение цветом. М. ; Ростов-на-Дону, 1997; Волков, Н.Н. Композиция живописи. М., 1999; Ивенс, Р.М. Введение в теорию Цвета. М., 1964; Измайлов, Ч.А. Психофизиология цветового зрения / Ч.А. Измайлов, Е.Н. Соколов, А.М. Черноризов. М., 1989; Миронова, Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии. М., 1993. С. 172-188; Роу, К. Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире // Психология цвета. М., 1996. С. 7-46; Фрилинг, Г. Человек – цвет – пространство / Г. Фрилинг, К. Ауэр. М., 2004; Яньшин, П.В. Эмоциональный цвет. Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. Самара, СамГПУ, 1996.

Как известно, цвета обладают и психологическим действием. *Психология цвета* конкретна и действует на всех людей одинаково. При встрече человека с тем или иным цветом происходит спонтанное ассоциирование физиологического ощущения с закрепленным за ним в данной культурной традиции символическим смыслом.

У цветов есть эмоциональная сила, которая влияет на людей, радует, пугает, успокаивает, подбадривает, шокирует.

Люди склонны считать цвет объективным свойством самих предметов. Однако очевидно и обратное: цвет представляет собой субъективную характеристику окружающего тем или иным человеком. Более того, восприятие всевозможных красок одними и теми же людьми может быть различным в разное время в зависимости от эмоционального настроения субъекта. Один и тот же оттенок может радовать, а может раздражать, один и тот же предмет в разных ситуациях приобретает противоположные цветовые нюансы. Кроме того, может быть и наоборот: разнообразие цвета оказывают влияние на душевное состояние человека, его настроение. Всевозможные оттенки цвета являются сильной, но все же неуловимой силой, определяющей поведение человека.

Огромное значение придает краскам на страницах своего романа «Тихий Дон» Михаил Александрович Шолохов. Его произведение прямо-таки переливается различными цветами, «сияя невиданными красками» [18. С. 273].

Одна из важнейших функций цветовых деталей в романе – служить знаком того или иного персонажа. Особенно интересен цветовой компонент портрета. Вспомним черные глаза Аксиньи. «Аксинья смеялась, играя из-под платка *черными* глазами» [16. С. 132]; «в затуманенных *черных* глазах... столько... было страдания и немой мольбы» [19. С. 233].

«Говорящая» деталь в облике Митьки Коршунова - желтые кошачьи глаза. «Митька, играет концом наборного пояса. Из узеньких щелок *желто* маслятся круглые с наглинкой глаза. Зрачки - кошачьи, поставленные торчмя, оттого взгляд Митькин текуч, неуловим» [16. С. 18]. И еще: «Митька оправился от минутного смущения и, чувствуя в словах ее неуловимую насмешку, замерцал *желтизною* глаз» [16. С. 22].

Однако, внимательно проанализировав текст романа, нельзя не отметить, что огромное значение для того или иного восприятия цвета имеет внутреннее состояние героя на данный момент, его чувства, переживания в настоящее время. жизни персонажа, которые, казалось бы, никоим образом не связаны

Само описание Шолоховым цветowych изображений позволяет сделать выводы о тех сторонах с характером цветовосприятия и эмоционального отношения к тем или иным предметам.

В «Тихом Доне» большое значение имеет *категория предпочтения*. Порой человек, сам того не подозревая, свидетельствует о тех или иных склонностях, тенденциях и скрытых мотивах собственного поведения, воспринимая некий цвет.

Однако необходимо отметить, что один и тот же цвет может по-разному влиять на персонажа в неодинаковых обстоятельствах.

В начале романа, когда чувство к Аксинье только зарождается, Григорий, смущаясь, любит ее «*березово-белыми*» [16. С. 24] ногами. Однако позднее Мелехову, узнавшему о ее измене с Листницким, неприятны «*белые, отвыкшие от работы руки*» [16. С. 395] героини.

Григорию милы «завитки *золотистого* пуха» [16. С. 80] на шее Аксиньи. В то же время, заметив у Натальи «на родинке два *золотистых* волоска», он чувствует, что ему «почему-то становится мутроно» [16. С. 101].

Иногда визуально-цветовая деталь служит иллюстрацией отношения писателя к происходящему, способом авторской оценки, средством создания эмоционального фона повествования, выполняет функции предварения и композиционного обрамления эпизода.

Предваряя изображение печальных событий, Шолохов особенно часто использует черный цвет. Например, перед эпизодом, в котором Митька Коршунов сообщает отцу о попытке самоубийства Натальи, «небо затянуло *черногрудыми* тучами... темнота давила хутор» [16. С. 193], «закрутела кисельная *чернота*» [16. С. 194].

Большое значение на страницах романа М.А.Шолохова приобретают многочисленные звукообразы. Звуки окружающего мира оказывают особое воздействие на душевное настроение воспринимающего их персонажа.

При этом звукообраз в художественном мире «Тихого Дона» может являться либо составляющей (подробностью) сложного образа, либо выступает в функции концептуально значимой художественной детали.

Ничто не существует в шолоховском мире вне звучания: громкого, мелодичного или тихого, почти «беззвучного». Даже тишина, безмолвие — это тоже область звучания, но особого, которое может потенциально содержать все многообразие акустических проявлений того или иного объекта окружающей действительности. Разнообразии звуков в шолоховском мире бесконечно.

В филологической науке звук как феномен окружающей действительности может изучаться с различных исследовательских позиций.

Так, в языкознании специальным объектом изучения могут становиться целые классы слов с семантикой звучания. Например, существуют исследования, посвященные описанию и интерпретации метафорической лексики, репрезентирующей звучание «как единую когнитивную модель феномена звучания в русской языковой картине мира» [12. С. 5].

Литературоведение также уделяет пристальное внимание звукам, именуемым в этой научной области *звукообразами*. Для многих поэтов и прозаиков звукопись, звуковая образность являются важнейшим средством художественной изобразительности.

Образы звучания, как и другие образы художественной системы, могут обладать философской, эстетической, психологической, религиозной, этической, мифологической содержательностью.

Исследуя мотив звучания на материале романа «Тихий Дон», мы опираемся на следующее его понимание: *образ звучания* - это художественный образ, запечатлевающий разнообразные звуковые проявления, являющиеся органичными элементами единого художественного целого произведения. В качестве синонимов в работе также используются термины «звукообраз», «звуковая деталь».

Звуковое и шумовое оформление – неотъемлемый элемент многочисленных батальных сцен романа. Выстрелы из винтовок, визг казачьих сабель, залпы орудий, грохот взрывов воссоздают трагическую симфонию войны.

В сложную «партитуру» бытовых сцен романа вплетаются другие, вполне мирные звукообразы – например, казачьи народные песни.

Пейзажные картины богато озвучены пением птиц, жужжанием и стрекотом насекомых, шелестом ветра, плесканием донских волн, грохотом гроз, шумом дождей – ведь природа на страницах романа живет своей полной, таинственной жизнью не прекращающегося не на миг естественного круговорота, на фоне которого особенно остро воспринимаются человеческие драмы и трагедии войны.

Однако особо примечательно, что Шолохов активно использует звуковые детали в самые напряженные моменты сюжета. Вспомним, например, одну из начальных сцен романа – рассказ об убийстве жены Прокофия Мелехова:

«Полчанин Прокофия, намотав на руку волосы турчанки, другой рукой зажимая рот ее, распяленный в крике, бегом протаскил ее через сени и кинул под ноги толпе. *Тонкий вскрик просверлил ревущие голоса.*

Прокофий раскидал шестерых казаков и, вломившись в горницу, сорвал со стены шашку. Давя друг друга, казаки шарахнулись из сенцев. Кружа над головой мерцающую, *взвизгивающую шашку*, Прокофий сбежал с крыльца. Толпа дрогнула и рассыпалась по двору» [16. С. 11-12].

Огромное значение для раскрытия внутреннего действия на страницах романа приобретает *образ тишины*. Как справедливо отмечает Н.В. Косинова, в романе «образ тишины многофункционален, проявляет авторскую философскую концепцию» [10. С. 53]. Образ тишины в романе важен, в первую очередь, с точки зрения раскрытия психологического состояния персонажей. Обратимся к сцене свидания Аксины с возлюбленным, на котором Григорий сообщает о предстоящей женитьбе.

Звуковая сторона мира и войны чрезвычайно значима для поэтики романа. Во многом благодаря ей воссоздается эффект «художественной стереоскопии» романа, ощущение богатства и полноты земного бытия, в котором трагизм и гармония сосуществуют неразлучно.

Обонятельно-одоративный компонент образного мировосприятия относительно недавно стал исследоваться литературоведами как самостоятельный объект филологического анализа.

Названная проблема в последние годы активно изучается также в рамках лингвистики [5]; и культурологии [1].

Взаимосвязь разнообразных запахов с эмоциональными реакциями в художественной литературе изучена недостаточно. Поэтому в задачи нашей работы входило рассмотрение самого метода изучения эмоциональной сферы с помощью запахов на примере персонажей романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Ученые установили, что в сфере запахов эмоционально-оценочные реакции преобладают над нейтральными. Восприятие запахов зависит не только от объективных, но и от субъективных факторов, а также от отношения воспринимающего субъекта. Это делает обонятельный фактор столь интересным предметом при анализе шолоховской поэтики.

Запахи, связанные с эмоциями, оказывают влияние на поведение персонажа. В шолоховской картине мира *образы-одоранты* обладают мощным мотивационным воздействием, могут привлекать или отталкивать, давать ощущение счастья или предчувствие горя.

В результате наблюдения над текстом романа нами выявлено, что ароматы оказывают большое влияние на эмоциональную жизнь

героев «Тихого Дона». Определенные запахи вызывают те или иные эмоции, действия и поведенческие особенности конкретного героя, а, кроме того, одинаковые запахи могут оказывать прямо противоположное влияние на одного и того же персонажа при разных обстоятельствах.

На протяжении всего действия романа «Тихий Дон» М.А. Шолохов демонстрирует самый широкий спектр описаний самых разнообразных запахов. При этом писатель существенно расширяет возможности языковой выразительности для более точной передачи обонятельных ощущений как в персонажной, так и в авторской сфере.

Запахи в романе могут не только «пахнуть», но и «течь». «Подрагивая от холода, Григорий прилег рядом. От мокрых Аксиньиных волос *тек нежный, волнующий запах*. Она лежала, запрокинув голову, мерно дыша полуоткрытым ртом.

– Волосы у тебя дурнопахнущим пахнут. Знаешь, таким цветком белым... – шепнул, наклоняясь, Григорий» [16. С. 35].

Одоративные образы нередко у Шолохова сочетают в себе вкусовые и осязательные ощущения, что свидетельствует о *синэстезийности восприятия мира* писателей, уже отмечавшемся выше. Запах может «бить» («*хмелем невыбродившим бьет* в ноздри острый сладковатый бабий пот»: [16. С. 59] и даже «ударить» («Григорий свернул набок шапку копыны, вырыл яму. Слежалое сено *ударило горячим запахом* прели») [16. С. 34].

Во многом запахи являются средством психологической характеристики персонажа, помогают лучше узнать персонажей через их восприятие тех или иных реалий казачьего быта или донской природы.

«Григорий пришел с игрищ, после первых кочетов. Из сенцев пахнуло на него *запахом перекисших хмелин и пряной сухменью богородицыной травки*» [16. С. 22].

Восприятие того или иного запаха приобретает позитивную или негативную оценку в сознании шолоховских персонажей в зависимости от их субъективного отношения к той или иной ситуации. Характерен в этой связи эпизод приезда сватов за ответом к Коршуновым: «Ильинична уселась, шелестя поплином подворачиваемого платья. Мирон Григорьевич облокотился о принаряженный новой клеенкой стол, помолчал. *От клеенки дурно пахло мокрой резиной и еще чем-то*; важно глядели покойники цари и царицы с каемчатых углов, а на середине красовались августейшие девицы в белых шляпах и обсиженный мухами государь Николай Александрович» [16. С. 88]. («Дур-

но пахло» - так ощущает ситуацию сватовства Мирон Григорьевич, который недоволен выбором дочери. Ему неприятно происходящее, поэтому его раздражает запах новой клеенки.) И дальше: «Через час сваты сидели так тесно, что смолянистые кольца мелеховской бороды щупали прямые рыжие пряди коршуновской. Пантелей Прокофьевич дышал *соленым огурцом* и уговаривал» [16. С. 89].

Примечателен «одоративный» фон и в изображении свадьбы Григория и Натальи. Григория все запахи, связанные со сватовством и венчанием глубоко раздражают: «Ели основательно и долго. *Запах смолистого мужского пота мешался с едким и пряным бабьим*. От слежавшихся в сундуках юбок, сюртуков и шалек пахло нафталином и еще чем-то сладко-тяжелым, - так пахнут старушечьи затасканные канунницы» [16. С. 101].

И дальше: «Когда выходили из-за стола, кто-то дыша *взваром и сытой окисью пшеничного хлеба*, нагнулся над ним. Всыпал за голенище сапога горсть пшена: для того, чтобы не сделалось чего с женихом с дурного глаза. Всю обратную дорогу пшено терло ногу, тугой ворот душил горло, и Григорий – удрученный свадебными обрядами – в холодной отчаянной злобе шептал про себя ругательства» [16. С.102].

«Потом Григорий три раза поцеловал влажные, безвкусные губы жены, в церкви *угарно завоняло чадом потушенных свечей*, к выходу загощали выпиравшие в притвор люди.

Держа в своей руке шершавую крупную руку Натальи, Григорий вышел на паперть. Кто-то нахлобучил ему на голову фуражку. *Пахнуло полынным теплым ветерком с юга*. Из степи тянуло прохладой. Где-то за Доном сине вилась молния, находил дождь, а за белой оградой, сливаясь с гулом голосов, зазывно и нежно позванивали бубенцы на переступавших с ноги на ногу лошадях» [16. С. 103]. Здесь, как видим, через одоративные детали воссоздается значимая для романа *антитеза свободы-неволи*, определяющая судьбу Григория, его сложные отношения с Аксиной и Натальей.

Одоративные детали составляют наиболее значимый сегмент в сенсорной сфере художественной детализации романа. Они могут являться средством психологической характеристики персонажа, элементом пейзажного описания, знаком человеческих взаимоотношений, олицетворять красоту мира и ужасы войны, символизировать образ родины, родной земли, любимой писателем и его героями донской степи. «Симфония запахов» – характернейший «маркер» неповторимо-индивидуального стиля писателя, присущий не только «Тихому Дону», но и всему творчеству писателя в целом.

Список литературы

1. Ароматы и запахи в культуре / составитель О.Б. Вайнштейн. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 616 с.
2. Бенц, Э. Цвет в христианских видениях // Психология цвета. М., 1996. С. 79–130.
3. Вайс, Ж.-М., Шавелли, М. Лечение цветом / Ж.-М. Вайс, М. ; Р.-н/Д, 1997.
4. Волков, Н. Н. Композиция живописи. М., 1999.
5. Дроботун, А. В. Лексика обоняния в языке художественной прозы М.А. Шолохова : дис. ... канд. филол. наук: М., 2006. 186 с.
6. Ивенс, Р. М. Введение в теорию Цвета. М., 1964.
7. Измайлов, Ч. А. Психофизиология цветового зрения / Ч. А. Измайлов, Е. Н. Соколов, А. М. Черноризов. М., 1989.
8. Гёте, И. В. Учение о цветах // Лихтенштадт В. О. Гёте: Борьба за реалистическое мировоззрение. СПб., 1920.
9. Кандинский, В. О духовном в искусстве / В. Кандинский. Л., 1990.
10. Косинова, Н. В. Природные образы в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохова и повести «Яр» С.А.Есенина // Студенческие Шолоховские чтения. Сборник научных трудов / Под общ. ред. Ю.Г. Круглова. М. 2007. С. 53.
11. Люшер, М. Цвет вашего характера // Люшер М. Оценка личности посредством выбора цвета. М., 1998.

List of literature

1. Aromaty i zapahi v kul'ture / sostavitel' O.B. Vajnshtejn. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 616 s.
2. Benc, Je. Cvet v hristianskih videnijah // Psihologija cveta. M., 1996. S. 79–130.
3. Vajs, Zh.-M., Shavelli, M. Lechenie cvetom / Zh.-M. Vajs, M. ; R.-n/D, 1997.
4. Volkov, N. N. Kompozicija zhivopisi. M., 1999.
5. Drobotun, A. V. Leksika obonjanija v jazyke hudozhestvennoj prozy M.A. Sholohova : dis. ... kand. filol. nauk: M., 2006. 186 s.
6. Ivens, R. M. Vvedenie v teoriju Cveta. M., 1964.
7. Izmajlov, Ch. A. Psihofiziologija cvetovogo zrenija / Ch. A. Izmajlov, E. N. Sokolov, A. M. Chernorizov. M., 1989.
8. Gjote, I. V. Uchenie o cvetah // Lihtenshtadt V. O. Gjote: Bor'ba za realisticheskoe mirovozzrenie. SPb., 1920.
9. Kandinskij, V. O duhovnom v iskusstve / V. Kandinskij. L., 1990.
10. Kosinova, N. V. Prirodnye obrazy v romane «Tihij Don» M. A. Sholohova i povesti «Jar» S.A.Esenina // Studencheskie Sholohovskie chtenija. Sbornik nauchnyh trudov / Pod obw. red. Ju.G. Kругlova. M. 2007. S. 53.
11. Ljusher, M. Cvet vashego haraktera // Ljusher M. Ocenka lichnosti posredstvom vybora cveta. M., 1998.

12. Мишанкина, Н. А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
13. Миронова, Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии. М., 1993. С. 172–188.
14. Рой, К. Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире // Психология цвета. М., 1996. С. 7–46.
15. Семенова, С. Философско-метафизические грани «Тихого Дона» // Вопр. лит-ры. 2002. № 1. С. 71–122.
16. Шолохов, М. А. Собрание сочинений в 9 томах. Том 2. М. : Художественная литература, 1965. 408 с.
17. Шолохов, М. А. Собрание сочинений в 9 томах. Том 3. М. : Художественная литература, 1965. 368 с.
18. Шолохов, М. А. Собрание сочинений в 9 томах. Том 4. М. : Художественная литература, 1966. 440 с.
19. Шолохов, М. А. Собрание сочинений в 9 томах. Том 5. М. : Художественная литература, 1966. 440 с.
20. Фрилинг, Г. Человек – цвет – пространство. М., 2004.
21. Яньшин, П. В. Эмоциональный цвет. Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. Самара, СамГПУ, 1996.
12. Mishankina, N. A. Fenomen zvuchanija v interpretacii ruskoj jazykovej metafory: dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2002.
13. Mironova, L. N. Semantika cveta v jevoljucii psihiki cheloveka // Problema cveta v psihologii. M., 1993. S. 172–188.
14. Rou, K. Koncepcija cveta i cvetovoj simbolizm v drevnem mire // Psihologija cveta. M., 1996. S. 7–46.
15. Semenova, S. Filosofsko-metafizicheskie grani «Tihogo Dona» // Vopr. lit-ry. 2002. № 1. S. 71–122.
16. Sholohov, M. A. Sobraie sochinenij v 9 tomah. Tom 2. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1965. 408 s.
17. Sholohov, M. A. Sobraie sochinenij v 9 tomah. Tom 3. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1965. 368 s.
18. Sholohov, M. A. Sobraie sochinenij v 9 tomah. Tom 4. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1966. 440 s.
19. Sholohov, M. A. Sobraie sochinenij v 9 tomah. Tom 5. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1966. 440 s.
20. Friling, G. Chelovek – cvet – prostranstvo. M., 2004.
21. Jan'shin, P. V. Jemocional'nyj cvet. Jemocional'nyj komponent v psihologicheskoj strukture cveta. Samara, SamGPU, 1996.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. С. Айткалиева

В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы воспитания поликультурной личности. Особое внимание обращается на необходимость изучения языка и культуры как основного фактора формирования поликультурной личности в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: поликультурная личность, межкультурная коммуникация, патриотические чувства, интернациональное сознание, межнациональное общение, благоприятные социальные условия, многоязычие, жайлау, кыстау, киіз үй, шаңырақ, кереге, босаға, үлкен үй, отау, дружба, единство, уважение, национальная культура, духовное наследие, способ познания окружающего мира, межкультурный диалог.

Комплексная Программа воспитания Республики Казахстан нацелена на воспитание поликультурной личности, индивида с развитым лингвистическим и историческим сознанием; на знание родного и государственного языков; на знание истории, культуры, традиции, быта, духовных качеств своего и других народов, населяющих страну; на знание общечеловеческих ценностей. Решение данных задач возможно лишь при участии самой личности и её активной жизненной позиции, со сформированным мотивом к учению. Личность, которая познала себя, своё место в обществе, свой уровень владения устной и письменной речью, может оказать влияние на других.

Формирование поликультурной личности в условиях межкультурной коммуникации Республики Казахстан предполагает, прежде всего, воспитание у молодого поколения патриотических чувств и интернационального сознания на основе развития и совершенствования двуязычия и многоязычия. В этой связи, безусловно, является актуальным и важным наряду с родным языком обеспечить формирование гармоничного трёхязычия.

Как указывает Библер В.С., одна из актуальнейших задач современного высшего образования – формирование полилингвальной личности [1. С. 16]. Умение осознать принадлежность к собственной национальной культуре и, понимая это, уважать самобытность культуры своего собеседника, т.е. умение участвовать в межкультурном диалоге необходимо для успеха во многих жизненных ситуациях.

В эпоху социальных потрясений, научно-технического переворота, активизирующих общественные отношения, происходят значительные изменения языковых процессов. Язык, как и любое средство коммуникации, находится в постоянном изменении. Необходимость интеграции нашего государства в мировое сообщество создает благоприятные социальные, морально-психологические условия для развития этноязыковых процессов, служит основой формирования культуры межнационального общения. Всё большая открытость нашей страны, развитие и укрепление межгосударственных политических, экономических и культурных связей, интернационализация всех сфер жизни в нашей стране способствует тому, что реально востребованным в нашей стране становится многоязычие. Незнание языков обречёт будущее поколение на потерю конкурентоспособности на рынке труда как за пределами, так и внутри страны, на изоляцию, ограниченную дееспособность, невозможность полноправно участвовать в диалоге культур.

В Республике Казахстан, являющейся многонациональной страной с ярко выраженной поликультурой, ведущее место принадлежит государственному, т.е. казахскому языку. Изучение казахского языка обусловлено двойственной природой языка в целом. С одной стороны, язык – это система знаков и правил, а с другой – речь, речевая деятельность. Вместе с тем изучение языка неразрывно связано с культурой его носителей. Это определяет основные содержательные линии владения данным языком: формирование умения владения языковыми средствами; формирование способности общаться на языке; формирование знаний о реалиях быта, обычаях, традициях казахского народа.

Знание культуры также расширяет кругозор самостоятельно изучающего второй (неродной) язык, развивает любознательность, повышает интерес к объекту изучения. Соизучение языка и культуры – это необходимые факторы повышения мотивации в процессе усвоения любого языка [2. С. 25].

В условиях усвоения казахского языка как неродного он представлен как средство межкультурного взаимодействия, необходимого как

для профессиональной деятельности, так и для интеллектуального развития человека современного информационного общества.

Экстралингвистические единицы предусматривают определённые сферы и ситуации общения, темы, речевые намерения. К этнокультуроведческим единицам относятся слова, словосочетания, фразеологизмы, формулы речевого этикета, тексты. Речевые единицы – это предложения, сложное синтаксическое целое, текст.

Самым ценным, познавательным и мотивирующим средством, на наш взгляд, является познание слов и выражений, относящихся к реалиям быта, традиций и культуры, одним словом, познание духовного наследия казахского народа. В этом плане наибольший интерес представляет понятие «шаңырақ».

Среди астрономов есть понятие, что юрта – обсерватория степняков. Это мнение отчасти связано с такими элементами юрты, как шаңырақ – крыша, түндік – «в общем понимании как верх, потолок». Шаңырақ располагается в юрте в верхней центральной части и символизирует основу дома, семьи.

В центре под самым шаңыраком находился очаг. Почему? Действительно, это было удобно и безопасно. Кроме того, казахи в древности поклонялись огню. Дух огня считался хранителем дома, он и очищал его от злых духов. С огнем связан и обряд очищения животных. Во время кочевки с қыстау (зимовки) на жайлау (летнее пастбище) разводили два больших костра и прогоняли между ними весь скот. Только лошадь не подвергалась этому обряду, так как считалась священным животным. Огонь был символом солнца, потому что раньше солнце и небо были главным божеством, которому поклонялись казахи. Так, весной, когда появлялся первый кумыс, хозяйки, прежде чем налить его и выпить, делали земной поклон солнцу, благодаря его за то, что он согревает землю, дает жизнь растительности, которой питаются лошади. Кумыс - национальный напиток, который готовится из кобыльего молока, по специальному рецепту и, являясь лечебным средством, оказывает на здоровье человека исцеляющее воздействие. Это доказано медицинской наукой и практикой.

Два круга – круг солнца над миром, круг юрты – шаңырақ дополняют друг друга. Ведь и дастархан у казахов тоже имеет форму круга. Даже одно из самых любимых ласкательных слов у казахов «Айналайын». Откуда же произошло это название? Оказывается, когда заболел в семье ребенок, отец ходил вокруг ребенка по кругу, приговаривая «Айналайын», что означало «Я хожу вокруг тебя, замыкая круг,

защищая тебя от всех болезней, изгоняя их». Так, обряд очищения, защиты и помощи превратился постепенно в ласкательное слово.

Мы убедились, что юрта – это очень интересное и уникальное жилище. Китайский поэт Бо – Цзюн, живший в 772 – 846 гг., был настолько поражен юртой, что повез ее к себе на Родину и, поставив его перед дворцом, посвятил ей стихотворение:

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец.
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, светл, удобен и красив.
В северной прозрачной синеве
Воин юрту ставил на траве,
А теперь, как голубая мгла,
Вместе с ним она на юг пришла.
Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя её твердеет пруть.
Нет в ней ни застенок, ни углов,
Но внутри уютно и тепло.
Удалившись от степей и гор,
Юрта прибрела ко мне во двор.

Шаңырақ является главным элементом и основой киіз үй – юрты. Киіз үй является жилищем казахов, духовным наследием, древним памятником и показателем национальной культуры. Киіз үй ассоциирует историю казахского народа, обычаи и традиции, многовековой жизненный опыт, способ познания окружающего мира. Только лишь на примере киіз үй можно увидеть шедевры архитектуры, строительства, художественного искусства, прикладного искусства, резьбы по дереву и т. д. Киіз үй была создана для кочевого образа жизни так, что и складывается быстро, и ставится быстро. Ещё одна особенность киіз үй – в ней зимой тепло, а летом прохладно. Через его покрытия не проходит дождь. Остов юрты и дверь изготавливают из высушенных в тени тонкой березы и тополя. Вышедшие из строя части остова могут быть заменены, а шаңырақ никогда не обновляется, потому что шаңырақ для казаха самое ценное и святое понятие. Оно означает «семья», «род», «поколение». Отчий дом называют «кара шаңырақ», что символизирует в этой «юрте родилось и выросло не одно поколение, нашли место в жизни сыновья и дочери». Когда

создается новая семья, старейшина, благославляя молодых, говорит: «Шаңырағың биік болсын! Босағаң берік болсын! Керегең кең болсын!» Это напутствие к светлому будущему. «Алтын шаңырақ» означает Родину и родные просторы. «Шаңырақ көтерді» означает создали семью. «Үлкен шаңырақ – үлкен үй» - юрта, где живут родители. «Отау үй» - юрта, где живут молодые [3. С. 8].

Шаңырақ изображен в государственном гербе Республики Казахстан. Он символизирует дружбу, единство и взаимопонимание между народами, проживающими в Казахстане.

В современных условиях воспитание поликультурной личности – это прежде всего высокая культура политического мышления, межнационального общения, умение адекватно оценивать события внутренней и международной жизни общества, а также уважительное отношение к истории, культуре и языку всех народов, населяющих Республику Казахстан. Одним из основных законов Казахстана является Закон о языках, где ясно видна политика государства по отношению к языкам. Ежегодно 22 сентября проходит как День языков народов Республики Казахстан. 21 февраля традиционно является Днем родного языка. Современное поликультурное воспитание должно не только опираться на сравнительно – сопоставительный анализ различных этнокультур, но использовать и подход, позволяющий проследить этапы формирования системы духовно – нравственных ценностей, увидеть специфические явления в развитии определенного типа культуры, почувствовать «духовный стиль» и выявить изменения в развитии данной этнокультуры.

Таким образом, мы можем заключить, что соизучение языка и культуры является основным фактором формирования поликультурной личности в условиях межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Библер, В. С. Философско-психологические предположения Школы диалога культур. М., 1998.
2. Дмитриев, Г. Д. Многокультурное образование. М. : Народное образование, 1999.
3. Кенжеахметов, С. К. Жеті қазына. Алматы : «Атамұра», 2006.

List of literature

1. Bibler, V. S. Filosofsko-psihologicheskie predpolozhenija Shkoly dialoga kul'tur. M., 1998.
2. Dmitriev, G. D. Mnogokul'turnoe obrazovanie. M. : Narodnoe obrazovanie, 1999.
3. Kenzheahmetov, S. K. Zheti kazyna. Almaty : «Atamұra», 2006.

**ВКРАПЛЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОТ», «ОШАҚ»
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Н. Е. Атжанова

В настоящей статье производится анализ вкраплений, являющихся единицей межкультурной коммуникации. Значение вкраплений «от», «ошақ» раскрываются употреблением в устойчивых оборотах, в поговорках и пословицах.

Ключевые слова: материальная культура, духовная культура, общечеловеческие ценности, народная мудрость, уважение культуры, слова – реалии, отанасы, отағасы, ошақ, отбасы ошақ қасы, Отан, любовь и уважение к собственному очагу, народная мудрость.

В повседневной жизни мы сталкиваемся с многочисленными проявлениями национально – казахского словоупотребления как из сферы материальной культуры (быт, природа, артефакты), духовной культуры (система верований, ценностей, этических представлений), так и из сферы социальной культуры (модели, нормы поведения, отношения, способ мышления о мире и т.д.)

Существуют следующие элементы культуры народов:

1. Материальная культура:

- основной тип поселений, жилища, основные предметы быта;
- одежда (национальный костюм), украшения;
- национальные блюда;
- транспортные средства;
- орудия труда;
- труд с учетом его специфики.

2. Духовная культура:

- народные обычаи, обряды, праздники;
- язык, народное творчество;
- искусство.

3. Нормативная культура:

- общечеловеческие нравственные качества;
- правила общения между людьми внутри этноса и вне его.

В этой связи одним из межнациональных понятий является слово «огонь». Огонь — в узком смысле, материя, которая образуется

в результате произвольного/непроизвольного нагревания горючего материала до определённой точки, химической реакции, соприкосновения тока высокого напряжения с горючим материалом.

Огонь является основной фазой процесса горения и имеет свойство к самораспространению по затронутым им другим горючим материалам. Собственная температура огня зависит от источника, вызвавшего реакцию воспламенения и от материалов, участвующих в реакции горения.

Открытие способа добывания огня — одно из важнейших приобретений человечества. Огонь вызывал в первобытном человеке страх и благоговение. Обладание огнём давало человеку неоценимые выгоды. Огонь:

- помогал переносить условия сурового климата;
- смягчал пищу, делая её вкусной, легкоусваиваемой;
- освещал ночью;
- отгонял хищных зверей;
- помогал превращать лес в пашню, удобряя её пеплом деревьев;
- с его помощью выжигали из стволов деревьев челноки, обжигали посуду из глины, расплавляли металлы.

Знакомство человека с огнём произошло, возможно, во время лесных пожаров либо извержений вулканов. Тепло, исходящее от пламени, очевидно. Также можно было найти фрукты и животных, пострадавших от огня, вкусовые качества которых и побудили человека искать способ самому добывать огонь.

Огню уделяется большое внимание в ряде мифологий [1. С. 18]. В греческой и римской мифологии с огнём отождествлялось несколько божеств (Гефест, Прометей, Веста, Гестия и другие), в древнеиндийской мифологии олицетворением огня был Агни, в кельтской мифологии богиня огня называлась Бригид. В зороастризме огонь выступает как сугубо священная стихия и воплощение божественной справедливости, Арты. У народов Севера огонь представлялся в виде женского образа — «матери», «хозяйки очага», а у якутов и бурят — в мужском образе «хозяина». В средневековом мистицизме саламандры были низшими духами огня, обитавшими в нём.

Наряду с водой, землёй и воздухом, огонь считается одной из четырёх стихий (первоэлементов) и в связи с этим занимал важную роль особенно в античной философии, например, у Гераклита, а также в алхимии. В западной астрологии элемент огня связан с зодиа-

кальными знаками Овна, Льва и Стрельца, его доминанты — Солнце и Плутон. В китайской астрологии огонь — одна из пяти стихий и связывался с планетой Марс, энергией ци, югом, летом (6 апреля — 17 июня по григорианскому календарю), красным цветом, горьким вкусом и резким, жгучим запахом, числом 7.

Огонь символизирует трансформацию, очищение, дающую жизнь производящую силу Солнца, обновление жизни, оплодотворение, силу, мощь, энергию, невидимую энергию в процессе осуществления, защиту, оборону, видимость, разрушение, слияние, страсть, мольбы, перемену одного состояния на другое, либо переход в него, способ передачи сообщений или приношений Небесам. Пламя олицетворяет духовную силу, трансцендентность и озарение, свидетельствует о наличии божества или души, вдоха жизни; воодушевление и просвещение.

Очаг — устройство для разведения и поддержания огня. Это слово имеет тюркское происхождение, в казахском языке ошақ. У кочевников имеется три варианта ошака: тренога, сложенный из камней и очаг выкопанный в земле. Среди казахских племен имеется племя ошақты, тамга у этого племени представляет собой треугольник, смотрящий одним углом вверх. В древности, - род ошақты относится к племенному объединению уйсун, которые поселились в Жетісу (Семиречье) – во II-I вв. до н.э., треугольная форма тамги могла соответствовать самому названию племени ошақты (ошақ - очаг, то есть – «очажные») и являться графическим изображением треноги, на которой готовили пищу кочевники с древних времен.

Для казахов очаг — основной элемент структуры жилища, связанный с культом огня. Очаг — сакральный центр дома, место совершения обрядовых и магических действий, направленных на обеспечение благополучия дома, здоровья домочадцев и успеха в хозяйстве. По народным представлениям, в очаге обитали домашние духи и предки.

Огонь в очаге никогда не затухал. Пустой очаг без огня терял свою созидательную силу. Не зря казахи говорят: «Ошағыңның отын өшірме» – «Не дай погаснуть огню в очаге» [2. С. 102]. Это выражение означает: «Сохрани семейное благополучие».

У очага осуществлялись многие семейные обряды, именно там проходило приобщение человека к новой семье. Так, у казахского народа издревле существует обряд «отқа май құю – налить масло в огонь». Этот обряд совершается с приходом молодой невестки в дом

мужа и символизирует начала новой жизни для женщины, которая станет хранительницей этого очага, будет разжигать свой огонь в очаге и готовить пищу. Исходя из этого существуют понятие «отағасы» в значении глава семьи и «отана» – мать, т.е. хранительница очага. Часто женщина – казашка, почтительно обращаясь к мужу, называет его отағасы. Первенца в семье или первую невестку в семье называют «отымның басы, суымның тұнығы».

Очаг – источник богатства и изобилия. У казахов принято говорить: «Ошағының оты маздап тұр.- В его очаге горит сильное пламя», «Қазаны оттан түспейді – Казан не снимается с огня». Эти выражения подчеркивают гостеприимство, которое является отличительной чертой казахского народа.

С очагом как священным местом был связан ряд табу. В казахском народе есть запрет: «Тұзды, күлді баспа – не наступай на соль, на золу»; «Отты, күлді шашпа – не рассыпай огонь и золу»; «Отпен ойнама, оттан аттама, ошакқа түкірме – не играй с огнем, не перешагивай через огонь, не плюйся на очаг»; «От басын сабама – не секи камчой место у огня»; «Түнде күл шығарма – не выноси ночью золу».

Там, где огонь и очаг, есть и дым. Казахи о дружной сплоченной семье говорят так: «Түтіні түзу шыққан үй» в переводе буквально означает: «В этом доме даже дым из печи валит ровно».

Таким образом, казахи издревле почитали от и ошак (огонь и очаг). «Отбасы ошак қасында болу» означает «сохранить мир и согласие в семье». Само слово «семья» по - казахски «отбасы», что понимается как «у очага, начало огня».

Любовь и уважение к собственному очагу перерастает в любовь к Родине. Эту мысль подчеркивает народная мудрость «Отан отбасынан басталады. -Родина начинается с семьи (с очага)» [3. С. 7].

В заключение следует отметить, что глубокое знание национальных реалий, связанных с менталитетом, психологией, миропониманием, этническими особенностями, культурой, традицией, бытом и формой ведения хозяйства казахского народа, может служить стимулом для изучения его языка и способствует формированию поликультурной личности в условиях межкультурной коммуникации в Республике Казахстан. Общечеловеческие духовные ценности, духовное наследие, священные понятия «от», «ошак», «отбасы», «Отан» являются фактором взаимопонимания и единства народов многонационального Казахстана.

Список литературы

1. Кун, А. Древнегреческие мифологии. М., 2005.
2. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы : Ғылым академиясы, 2000.
3. Пословицы и поговорки. Серия-народная мудрость. Алматы : «Кочевники», 2007.

List of literature

1. Kun, A. Drevnegrecheskie mifologii. M., 2005.
2. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы : Ғылым академиясы, 2000.
3. Poslovicy i pogovorki. Serija-narodnaja mudrost'. Almaty : «Kochevniki», 2007.

**СЛОВАРЬ КОЛЛОКАЦИЙ КАК РЕСУРС
СИНТАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА**

М. В. Влавацкая

В статье рассматривается понятие коллокации, раскрывается лингвистическая и психолого-педагогическая значимость коллокаций как единиц языка, а также анализируются существующие словари коллокаций английского языка с точки зрения лексикографической интерпретации сочетаемости слов.

Ключевые слова: коллокация, лексикография, синтагматика, корпусная лингвистика.

Много лет назад Дж.Р. Фёрс определил *коллокацию* как ‘the company words keep’ – слова, образующие «компанию». За последние годы *коллокация* приобрела статус значимой единицы лексического состава языка и стала одной из главных единиц описания языкового материала, как в языкознании, так и в лингводидактике.

В корпусной лингвистике под *коллокацией* понимают ‘words which are statistically much more likely to appear together than random chance suggests’, или **последовательность слов, которые встречаются** вместе чаще, чем можно было бы ожидать исходя из случайности распределения. Иначе говоря, *коллокация* – это статистически устойчивое сочетание в тексте.

Существует немало определений коллокации, которые содержат в своей основе идею «**co-occurrence**», т. е. «**совместной встречаемости**» слов.

Коллокация имеет огромное значение с лингвистической точки зрения.

Во-первых, коллокации пронизывают все естественные языки. Это – главная особенность любого языка, которая не уступает по своей значимости грамматике.

Во-вторых, коллокация конкретизирует значение слов, которые в неё входят. Точное значение слова в любом контексте обусловлено окружением данного слова – его распространителями (коллокатами), или словами, которые объединены вокруг него. Коллокационно богатый язык – это, как правило, и более конкретный язык.

В-третьих, путь объединения слов в коллокации фундаментален для всего языкового использования. Слова в языке не произвольны; их выбор ограничен. Например, глагол *endure – suffer something unpleasant over a long period – ограничен выбором относительно небольшого количества существительных: agony, conditions, hardship, horror, pain, misery* и нек. др.

В-четвертых, коллокация важна в языке ещё и потому, что может «предсказать» распространителя главного слова. Например, существительное *drug – an illegal substance that changes the body and mind – имеет предсказуемый набор соотнесенных слов: illegal, illicit, addictive, dangerous, hard, recreational, soft, designer* и т.д.

Важной задачей для изучающих иностранный язык является усвоение большого количества слов. Уже доказано, что большая часть нашего лексикона состоит из так называемых ‘prefabricated chunks of different kinds’, или готовых блоков слов различных типов. Самый важный вид таких «блоков» – коллокации, которые, по мнению многих западных лингвистов и методистов, должны стать приоритетом в обучении языку. Распознать различные типы коллокаций могут только преподаватели и, следовательно, только они могут помочь учащимся усвоить коллокации максимально эффективно.

Ментальный лексикон любого носителя языка огромен; в нём коллокация – самое важное средство в создании и понимании всех естественных текстов. Цель изучающего язык – формирование собственного ментального лексикона, который строится из огромного количества лексики. Как известно, основное различие между учащимися среднего и продвинутого уровня владения языком заключается не в использовании сложных грамматических структур, а в создании достаточно большого ментального словаря, с помощью которого можно легко оперировать языком. Следовательно, одна из главных целей формирования ментального лексикона студента состоит в понимании важности изучения коллокации.

Эффективный способ в изучения коллокаций – уделение особого внимания так называемому коллокационному полю слов, раскрывая различия их значений в сочетаниях. Целесообразно делать акцент на том, как слова сочетаются и используются в действительности, а не на том, что они означают в отдельности. Фокусируя внимание на коллокациях, мы пытаемся доказать, что изучение лексики – это не изучение большого количества новых слов, а изучение слов в их новых комбинациях.

Например, глаголы *make* и *do* употребляются во многих коллокациях: *make a mistake, make a complaint, make a bet, make a list, make a contribution; do a favour, do your best, do test* и т.д. В английском языке есть ряд существительных, которые обладают самым минимальным лексическим значением (*way, point, thing, position* и т.д.), если не используются в коллокациях. В то же время они имеют большие коллокационные поля. Чем меньше слово несёт в себе лексического значения, тем шире его коллокационный диапазон, и тем важнее оно для усвоения учащимися.

Преподавателям следует всеми средствами расширять коллокационную компетентность студентов, обращая особое внимание как на слова, которые они уже знают, так и на новые слова. Студент, усвоивший 2000 слов и обладающий коллокационной компетенцией, одновременно становится коммуникативно-компетентным. Многие носители языка являются коммуникативно-безупречными только потому, что при использовании крайне ограниченного словаря они имеют высокую коллокационную компетентность.

С психолого-педагогической точки зрения изучать коллокации и полезно, и продуктивно. Начнём с того, что роль памяти в обучении языку в принципе недооценена.

Методисты в настоящее время придают большее значение хорошо запоминающемуся и идиоматическому языку. Самый важный способ в усвоении учеником коллокаций – это многократное прослушивание и прочитывание их в тексте. Уже на ранних стадиях обучения перед учащимися следует ставить цель изучать как можно больше коллокаций, т.к. чёткая постановка цели ведёт к получению результатов лучшего качества.

Кроме того, знание коллокаций позволяет учащимся быстрее думать и говорить на иностранном языке. Как известно, носители языка в разговорах используют богатый запас уже готовых единиц, имеющих в их ментальном лексиконе. Следует признать, что использовать готовые фразы гораздо проще, чем строить высказывание слово-за-словом. Главная причина трудности аудирования и чтения для понимания кроется в наличии определённого количества неизвестных коллокаций в тексте. Студенты, усвоившие большой процент коллокаций, говорят на иностранном языке легче и понятнее.

Наконец, знание коллокаций – это главное условие беглости речи, которая приобретается с опытом и способствует вербальному выражению сложных идей просто и ясно. При усвоении большого

количества фраз речь студентов автоматически становится беглой. Однако правильное применение коллокаций зависит от количества и качества их усвоения.

Так, к целям, ориентированным на успешную коммуникацию, относится, во-первых, развитие понимания различных типов коллокаций, во-вторых, расширение ментального лексикона и, в-третьих, внимательное изучение различного рода ситуаций в реальной действительности.

Чтобы достичь ощутимых результатов в овладении иностранным языком, на занятиях преподавателям следует использовать словари коллокаций, представляющие собой относительно новый ресурс в лингвистике и лингводидактике. Эти словари содержат множество контекстов и располагают более широким спектром коллокаций, чем традиционный словарь. По степени устойчивости коллокации делятся на свободные сочетания, устойчивые сочетания и идиомы.

На настоящий момент существует несколько печатных учебных словарей коллокаций английского языка: 'LTP Dictionary of Selected Collocations' [1998], 'The BBI Combinatory Dictionary of English' [1990] М. Бенсона, Э. Бенсон и Р. Илсона, 'Oxford Collocations Dictionary' [2002] и 'Macmillan Collocations Dictionary' [2010] и др.

Цель 'LTP Dictionary of Selected Collocations' – **помочь изучающим язык использовать английские слова, которые они уже знают, более продуктивно. Отобранные коллокации в некоторой степени облегчают работу со словарём, однако без семантического описания они не делают её простой и лёгкой.** По мнению редакторов словаря Джимми Хилла и Майкла Льюиса «many different word combinations are **possible, but some are much more probable than others**», т.е. возможно образовать много различных словосочетаний, однако одни словосочетания являются более вероятными, чем другие. Некоторые пары слов встречаются вместе очень редко, другие же используются вместе настолько часто, что увидев или услышав одно слово, мы можем легко предсказать другое. Такие комбинации имеются во всех языках и диапазон их использования разнится от широко распространённых *private club, empty house* до достаточно устойчивых *to catch a cold, a broken heart*. Самые общие коллокации (свободные комбинации) со словами типа *big, good, new, old, very, rather, quite* и т.д. не включены в словарь, так же как и идиомы. Тем не менее они могут встретиться в словаре, если коллокация очень устойчива, например, *good/bad luck*. Это можно объяснить тем, что 'LTP Diction-

ary of Selected Collocations’ – словарь отобранных словосочетаний, в которых нуждаются учащиеся при ориентации на использование безупречно правильного и точного английского языка. Подача словарного материала осуществляется по синтаксическим моделям: (прилагательное + существительное), (глагол + существительное), (существительное + глагол), (наречие + прилагательное) и (глагол + наречие). Семантика коллокаций не учитывается, что делает словарь менее ценным:

Election *n*

V: call, call for, concede, contest, decide, disrupt, enter, fight, fix, have, hold, lose, organize, postpone, rig, swing, vote in, win ~

V: ~ came round, came up, is pending, loomed

A: close, closely fought, hotly contested ~

P: ~ campaign, fever; run-up to ~

Словарная статья строится по следующей схеме:

V: глаголы, стоящие перед заглавным словом;

V: глаголы, стоящие после заглавного слова;

A: прилагательные;

P: фразы, содержащие заглавное слово.

Как можно заметить, организация словарной статьи по синтаксическому принципу не позволяет обнаруживать семантические особенности главного слова. Следовательно, для студентов в целях достижения наиболее полного понимания значения слов и развития коммуникативных навыков этот словарь не может быть максимально полезным.

‘The BBI Combinatory Dictionary of English’ представляет собой практическое приложение к лексикографическому описанию английского языка и содержит подробную информацию о словарной интерпретации коллокаций. В словарь включены распространённые и устойчивые словосочетания, но исключены свободные словосочетания и идиомы.

Авторы словаря считают, что, так как знание других иностранных языков не помогает в выявлении английских коллокаций, цель комбинаторного словаря заключается в том, чтобы предотвратить ошибки учащихся. Согласно данной концепции во всех языках имеются устойчивые неидиоматические фразы и конструкции. Грамматическое словосочетание называется коллигацией, т.е. фразой, состоящей из доминирующего слова (существительного, глагола или

прилагательного) и предлога или грамматической структуры, типа инфинитива или придаточного предложения. Лексические словосочетания, или коллокации, напротив, состоят исключительно из слов знаменательных частей речи, т.е. существительных, прилагательных, глаголов и наречий.

В лексикографическом описании английского языка выделяется восемь типов грамматических словосочетаний и семь – лексических. ‘The BBI Combinatory Dictionary of English’, помимо существенных грамматических и лексических словосочетаний, при необходимости даёт определения, перифразы, а также объясняет особенности употребления главного слова.

Election *n*

1. to hold, schedule an ~ 2. to carry, win an ~ 3. to decide, swing an ~ (her last speech swung the ~ in her favor) 4. to concede; lose an ~ 5. to fix, rig an ~ 6. a close, hotly contested; rigged ~ 7. a free; general; local; national; primary; runoff ~ 8. smb’s ~ to (her ~ to the senate was welcome news) 9. (misc.) ~ fever (‘excitement before an election’); (BE) the runup to an ~ (‘an election campaign’).

Как можно заметить, в основе словарной статьи лежит синтаксический принцип описания: verb+election, adjective+election, noun+to+election и т.д. Кроме того, в качестве главного средства демонстрации сочетаемости выступают лексические ряды, которые достаточно ограничены, т.к. включают всего несколько коллокатов. В целом ‘The BBI Combinatory Dictionary of English’ представляет собой грандиозный труд с тщательно разработанной лингвистической теорией. Он является очень полезным для учащихся, т.к. большое внимание в нём уделяется как лексическим, так и грамматическим особенностям слов, составляющих разного рода словосочетания.

Цель ‘Oxford Collocations Dictionary’ – также представить спектр словосочетаний от умеренно свободных до умеренно устойчивых. Особое внимание в справочнике уделено академическому языку в целях правильного написания эссе, отчётов, официальных писем в таких областях, как наука, бизнес, политика и т.д. Словарь включает коллокации из некоторых более узких областей: медицины, техники и журналистики, а также содержит частые разговорные фразы.

Словосочетания в словаре разделены на две группы: 1) лексические словосочетания (коллокации), состоящие из знаменательных частей речи, объединённых друг с другом и не способных к каким-либо изменениям: *national flag*, *narrow victory*, и 2) категориальные

словосочетания, когда одно из слов может сочетаться с другим словом или словами из ограниченного списка, которые могут легко заменяться. Например, заглавное слово *drive* может сочетаться с коллокатом *five-minute*, где *five* может заменяться на *seven, eight, ten* и т.д.

Словарь следует синтаксическому принципу введения словосочетаний: adjective+noun, verb+noun, noun+verb, adverb+verb, verb+verb, ver+adjective, adverb+adjective, noun+preposition, verb+preposition и т.д. В конце словарных статей даются распространённые фразы с заглавным словом.

Election *n*

ADJ: fair, free | democratic, multi-party | rigged | direct, indirect | fresh, new | early *The prime minister may decide to call an early election.* | primary, run-off | federal local, municipal, national, regional, state | congressional, council, general, gubernatorial, leadership, legislative, local governmental, mayoral, parliamentary, party, presidential, Senate

VERB + ELECTION: have, hold | call | contest, fight | stand for | lose, win | rig

ELECTION + VERB: take place | be due, be scheduled for *Elections are scheduled for November.*

ELECTION + NOUN: campaign | manifesto, pledge, promise | broadcast | candidate | defeat, victory | day, night, year | fraud

PREP.: **at / in a / the** ~ *in the 2001 general election by ~ Membership of the committee is by election.* | ~ **to** *her election to the Senate*

PHRASES: **the outcome of an election, the run-up to an election** *opinion poll results in the run-up to elections*

Для описания коллокаций в словарь вводится целый набор лексикографических средств. В качестве основного выступает синтаксический принцип, позволяющий делить словосочетания по синтаксическим моделям (adj+election, verb+election, election+noun, фразы с *election*). В качестве дополнительного способа выступает перечислительное представление слов сходной семантики, принадлежащих к одной части речи и составляющих лексический ряд. Иллюстративным материалом служат фразы и предложения, демонстрирующие основные семантические признаки заглавного слова и его сочетаемости.

Универсальный подход, представленный описанием семантики и целым рядом способов отражения синтагматических связей слов, позволяет учащимся легко запоминать коллокации и выявлять их семантическую и формальную составляющие.

‘Macmillan Collocations Dictionary’ [2010] содержит весь набор способов, с помощью которых демонстрируется сочетаемость английских слов. Главная его особенность – разграничение коллокаций по семантическим признакам заглавной лексемы. Каждый ряд слов объединён одной дефиницией, содержит перечень коллокатов, а также примеры, демонстрирующие синтагматические связи заглавного слова в данном значении.

Election *n*

an occasion when people vote

• Adj + N fair **democratic, fair, free** *The Prime Minister was appointed after a democratic election.*

➤ sudden **snap** *The government is keen to call a snap election because there are a whole number of financial scandals which might implicate ministers next year.*

➤ types of election **congressional, council, general, leadership, local, mayoral, municipal, national, parliamentary, presidential, state** *People tend to vote differently in general and local elections.*

• part way through a government’s time in power **midterm** *The Democrats made major gains in the 1930 midterm election.*

• V + N hold an election **conduct, have, hold** *The Committee resigned and elections were held for Committee positions.*

➤ win an election **be elected in, defeat sb in, win** *Labour won the election with the votes of 22 percent of the electorate.*

➤ lose an election **lose** *Mr. Gore lost the 2000 election.*

➤ fight an election **contest, fight, participate in, stand in** *He stood in the election as an independent candidate.*

➤ vote in an election **cast a vote in, vote in** *Fewer than half of the electorate voted in yesterday’s local elections.*

➤ call an election **call** *He resigned as Prime Minister in December and called an immediate election.*

➤ try to influence the result of an election **interfere in, rig** *For over 20 years he has maintained control by rigging elections.*

➤ not take part in an election **boycott** *They urged Nicaraguans to boycott the election.*

➤ see whether an election is fair **monitor** *The Electoral Commission is an independent body set up by Parliament to monitor elections.*

Одна из главных целей словаря – представить лексико-семантические варианты заглавного слова и разграничить по ним коллокации. Подобная микроструктура является самой эффективной

при формирования у учащихся коллокационной компетенции. **‘Macmillan Collocations Dictionary’ является также незаменимым ресурсом** для того, кто использует английский язык в академических или профессиональных целях.

Среди компьютерных словарей сочетаемости можно назвать **‘Collins COBUILD English Collocations on CD-ROM’ [1995], ‘Oxford Phrasebuilder Genie’** и др.

‘Collins COBUILD English Collocations on CD-ROM’ представляет собой уникальный лексикографический ресурс, имеющий в своем распоряжении 150 тысяч словосочетаний и выражений и более двух с половиной миллионов контекстов, взятых из Bank of English Corpus. Тщательное изучение реальных использований языка помогает студентам расширить их словарный запас и добиться определённой беглости речи.

Необходимо отметить, что словари, в которых имеется раздел упражнений для расширения словарного запаса и усвоения лексических связей слов, представляют особую ценность. Именно такой раздел содержит **‘Oxford Phrasebuilder Genie’.** По требованию пользователя словарь не только выдает все дефиниции к значениям слов и демонстрирует контекстные примеры, но и предлагает ряд упражнений на сочетаемость и синонимии. Более того, в словарь включены так называемые *Study pages*, которые содержат упражнения на нахождение распространителей запрашиваемого слова. Таким образом, в процесс обучения включается большое количество лексических упражнений, ориентированных не на отдельное слово, а на его употребление в контексте. Эти упражнения помогают студентам успешно овладевать лексикой английского языка и способствуют появлению уверенности в речевом производстве. Подобные словари являются неоценимыми помощниками в изучении лексики и линейных связей слов иностранного языка.

Возможности Интернета увеличили количество компьютерных словарей, которыми можно пользоваться в режиме реального времени. Сегодня люди, изучающие английский язык в разных странах мира, больше не ограничены занятиями в классе, а имеют безграничную возможность «наблюдать и исследовать язык». Мощь и скорость электронных технических средств способствует наибольшей демонстрации примеров в целях изучения сочетаемости слов.

В заключение необходимо сказать, что словари коллокаций – ценный ресурс, отражающий значения и синтагматические связи

слов. Фокусируя своё внимание на collocационных полях лексем, студенты начинают пользоваться ими как информационными справочниками. На современном этапе словари collocаций становятся одним из самых надежных источников информации о словах языка и их лексических связях. Применение этого вида ресурсов обогащает и совершенствует речь студентов.

Существует много словарей разных типов и жанров, служащих различным целям. С методико-педагогической точки зрения главная цель словарей collocаций состоит в том, чтобы помочь учащимся расширить их ментальный лексикон и таким образом развить собственную collocационную компетентность. Большой потенциал этих справочников стимулирует преподавателей и студентов использовать их для успешного усвоения английского языка.

Список литературы

1. Влавацкая, М. В. Компьютерный словарь как средство обучения синтагматическим связям слов // Материалы межвузовской научно-методической конференции «Иностранные языки в высшей школе: реальность и перспективы». Новосибирск : изд-во НГАВТ, 2005. С. 11–14.
2. Влавацкая, М. В. Применение достижений корпусной лингвистики в обучении лексике и линейным связям слов // Материалы II международного семинара «Информационно-коммуникационные технологии в преподавании иностранных языков» 5–6 июня 2007 г. Омск : Омский госуниверситет, 2007. С.164–175.
3. Benson, M., Benson, E., Ilson, R. The BBI Combinatory Dictionary of English. Moscow : Русский язык, 1990. 286 p.

List of literature

1. Vlavackaja, M. V. Komp'juternyj slovar' kak sredstvo obucheni-ja sintagmaticeskim svjazjam slov // Materialy mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoj konferencii «Inostrannye jazyki v vysshej shkole: real'nost' i perspektivy». Novosibirsk : izd-vo NGAVT, 2005. S. 11–14.
2. Vlavackaja, M. V. Primenenie dostizhenij korpusnoj lingvistiki v obuchenii leksike i linejnym svjazjam slov // Materialy II mezhdunarodnogo seminarara «Informacionno-kommunikacionnye tehnologii v prepodavanii inostrannyh jazykov» 5–6 ijunja 2007 g. Omsk : Omskij gosuniversitet, 2007. S.164–175.
3. Benson, M., Benson, E., Ilson, R. The BBI Combinatory Dictionary of English. Moscow : Русский язык, 1990. 286 p.

4. COBUILD English Collocations Dictionary on CD-ROM, London, 1995.
 5. Lewis, M. Teaching Collocation. LTP, 2000. 235p.
 6. LTP Dictionary of Selected Collocations / П/ред. Дж. Хилла, М. Льюиса. LTP, 1998. 288 p.
 7. Macmillan Collocations Dictionary, 2010. 1748 p.
 8. Oxford Collocations Dictionary, 2002. 987 p.
 9. Vlavatskaya, M. V. Collocations Dictionary as Resource of Successful English / The NOVELTA Almanac. Сборник трудов Ассоциации преподавателей английского языка г. Новосибирска №2. Новосибирск : изд-во НГТУ. 2011. №2. С. 31–37.
4. COBUILD English Collocations Dictionary on CD-ROM, London, 1995.
 5. Lewis, M. Teaching Collocation. LTP, 2000. 235p.
 6. LTP Dictionary of Selected Collocations / П/ред. Дж. Хилла, М. Льюиса. LTP, 1998. 288 p.
 7. Macmillan Collocations Dictionary, 2010. 1748 p.
 8. Oxford Collocations Dictionary, 2002. 987 p.
 9. Vlavatskaya, M. V. Collocations Dictionary as Resource of Successful English / The NOVELTA Almanac. Сборник трудов Ассоциации преподавателей английского языка г. Новосибирска №2. Новосибирск : изд-во НГТУ. 2011. №2. С. 31–37.

**ЭКОТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ Л
ЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

В. В. Воронова

В данной статье рассмотрены экологические тексты как образцы научной прозы. Проанализированы лексико-стилистические особенности данных текстов.

Ключевые слова: экотекст, лексико-стилистические особенности, экологические термины, научная проза, логика построения текста, безличность научного изложения.

В современном обществе владение иностранным языком рассматривается как необходимость для профессионального общения специалистов с зарубежными партнерами и учеными, а также как возможность самостоятельного профессионального совершенствования. Язык специальности – это особая функциональная разновидность литературного языка. Следовательно, предметом обучения в неязыковом вузе должен быть научный стиль речи, основной функцией которого является «передача интеллектуального содержания» [2. С. 321].

Направление подготовки «Безопасность жизнедеятельности в техносфере» включает в себя изучение различных естественно-научных и специальных дисциплин, которые с точки зрения иностранного языка можно условно поделить на ряд разделов: введение в химию, экология и безопасность жизнедеятельности. При изучении раздела «Экология» именно экотекст выступает объектом лексико-стилистического анализа. Чтобы рассмотреть лексико-стилистические особенности экотекстов, проанализируем книгу Dr. Trisha Greenhalgh «Environment Today» [3]. Разнообразная экологическая тематика представлена двадцатью главами текстового материала, по сути своей являющихся отдельными текстами, рассматривающими важнейшие проблемы данной научной области. Например, The destruction of the rainforests, air pollution, industrial pollution and waste disposal, alternative energy и т.д.

Анализируемые профессионально-ориентированные экологические тексты – это образцы научной прозы. Для них характерно сообщение точных сведений из области экологии, т.е. они информативны.

Использование экологической терминологии – это одна из специфических особенностей этих текстов. О.Д. Митрофанова в своей работе «Научный стиль речи: проблемы обучения» отмечает, что содержанию определенной предметной области соответствует «минимальный набор лексических и грамматических категорий и элементов, необходимых для общения в узкой сфере деятельности» [5. С. 16]. Поэтому терминосистему логично считать важным средством, определяющим наиболее полным образом данную отрасль научных знаний. Изобилие экологических терминов, таких как *habitat*, *ecological niche*, *community*, *ecosystem*, *biota* и др. подчеркивают научность излагаемого материала.

Для данных текстов характерно употребление общенаучной лексики, такой как *science*, *quality*, *device*, *source*, *solution*, *to invent*, *to contain*, *to use* и т.д., а также наличие интернациональных слов: *aerosol*, *ozone*, *bacteria*, *organism*, *pathogen*, *method* и др. Следует отметить широкое использование имен собственных – фамилии ученых, географические названия (страны, города, реки, озера, моря), названия экологических документов (например, *Clean Air Act*, *Agenda 21*), частное употребление сокращений (*PCBs*, *CFCs*).

В анализируемых текстах встречаются и виды несловесной научной семиотики: схемы, химические формулы (O_2 , O_3 , N_2O , CH_4).

По мнению И.В. Арнольд, «научный текст <...> отражает работу разума и адресован разуму, следовательно, он должен удовлетворять требованиям логического построения и максимальной объективности изложения» [1. С. 336]. Рассматриваемые тексты отвечают этому требованию. Для них характерна логическая последовательность излагаемого материала.

Как указывает В.П. Копнин, «синтаксические связи формируются, несомненно, в зависимости от логических», поэтому логичность научного изложения наиболее полным образом раскрывается в синтаксической структуре [4. С. 347]. В текстах преобладают сложноподчиненные предложения, поскольку именно они «позволяют устанавливать между мыслями более тесные отношения, нюансировать связи и соотношения между ними, обеспечивая тем самым логически последовательное изложение» [1. С. 9].

Наряду со сложноподчиненными предложениями отмечается преимущественное употребление предложений, осложненных причастными, герундиальными, инфинитивными оборотами.

Например, *The clouds formed by the water vapour also cool the land by reflecting solar radiation back into space.*

Преобладание пассивной формы – также отличительная особенность рассматриваемых научных текстов.

Например, *Power is generated either intermittently or continuously.*

Встречаются немногочисленные короткие простые повествовательные и вопросительные предложения (как правило, в начале абзаца), которые выделяют наиболее существенные мысли, или вводят ряд доводов, способствующих детализированному раскрытию высказанной идеи.

Например, *Extinction is final.*

Why do we need to conserve the rainforests?

В исследуемых текстах используется различные типы определений: препозитивные, постпозитивные, препозитивные определительные группы: *large areas, fragile soils, an important source of raw materials, sulphur-based smog* и т.д.

В предложениях используются прямой порядок слов. Обращает на себя внимание разнообразие союзов и союзных слов: *than, if, that, or...*, встречаются двойные союзы: *both... and, as...as, thereby* и др., вводные слова: *first, second, third, in general, however, fortunately* и т.д.

В текстах также встретились не характерные для научного стиля пословицы и образные сравнения. Например, *A journey of a thousand miles begins with a single step. (Chinese proverb)*

The rainforests are «the lungs of the world».

Для данных текстов также присуще употребление безличных и неопределенно-личных конструкций, что подчеркивает безличный характер излагаемых мыслей.

Например, *It is possible to convert the energy...*

It is important to understand...

Таким образом, рассмотрев основные характеристики экологических текстов, можно сделать следующий вывод. Для экотекстов характерны логичность, проявляющаяся в синтаксическом построении предложений, некатегоричность, на которую указывают безличные и неопределенно-личные конструкции, а также специфическая терминология, отличающая их от текстов других специальностей.

Список литературы

1. Авхачева, И. А. К проблеме отбора языкового материала для обеспечения стилистической адекватности иноязычных вы-

List of literature

1. Avhacheva, I. A. K probleme otbora jazykovogo materiala dlja obespechenija stilisticheskoj adekvatnosti inojazychnyh vyskazyvanij

- сказываний на научные темы / Сб. научных трудов. Вып. 149. М. : МГПИИЯ, 1979. 240 с.
2. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык : Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
3. Greenhalgh, Trisha. Environment Today. Harlow: Longman, 1995. 112 p.
4. Копнин, П. В. Природа суждения и формы его выражения в языке // П. В. Копнин. Мышление и язык: сб. ст. / Под ред. Д. П. Горского. М. : Политиздат, 1957. 407 с.
5. Митрофанова, О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. М. : Русский язык, 1985. 128 с.
- na nauchnye темы / Sb. nauchnyh trudov. Vyp. 149. M. : MGPIIJa, 1979. 240 s.
2. Arnol'd, I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk : Uchebnik dlja vuzov. 4-e izd., ispr. i dop. M. : Flinta : Nauka, 2002. 384 s.
3. Greenhalgh, Trisha. Environment Today. Harlow: Longman, 1995. 112 p.
4. Kopnin, P. V. Priroda suzhdenija i formy ego vyrazhenija v jazyke // P. V. Kopnin. Myshlenie i jazyk: sb. st. / Pod red. D. P. Gorskogo. M. : Politizdat, 1957. 407 s.
5. Mitrofanova, O. D. Nauchnyj stil' rechi: problemy obuchenija. M. : Russkij jazyk, 1985. 128 s.

**КОНЦЕПТ РОДИНА В РЕЧЕВЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ
СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ (СПО)**

Т. В. Демидова

В статье представлена попытка концептуального анализа речевых репрезентаций студентов, полученных в ходе ассоциативного эксперимента в рамках исследования совокупной языковой личности.

Ключевые слова: концепт, номинативное поле концепта, ключевые лексем, слово-стимул, номинация.

Студенты СПО в процессе обучения специальности, воспитания, социализации усваивают целый комплекс научных знаний и обыденных представлений о *большой и малой Родине*, что формирует эмоциональное отношение к ней и ценностно-смысловую ориентацию.

В основе данного исследования находится проблема выявления специфики региональных и возрастных компонентов образа Родины у кубанских студентов СПО.

В качестве базового этического концепта избран концепт РОДИНА, который представлен посредством ключевых лексем, составляющих номинативное его поле, в трех направлениях: *Родина и Россия*; *малая Родина (Кубань, Краснодар)*; *заграница (США, Западная Европа)*.

Подсчет общего количества частотных словесных реакций на данные слова-стимулы позволил выявить общие ассоциаты, которые, по нашему мнению, отражают ближнюю периферию концепта РОДИНА в исследуемом молодежном коллективе (см. таблицу 1, схему 1), которые по значимости распределились следующим образом: *друзья – страна – семья – родители, патриот (-изм) – родная (-ой), грязь, детство – мама, родные – любовь (люблю), водка – гордость, малая Родина.*

Таблица 1. Ближняя периферия концепта РОДИНА (количество идентичных словесных реакций на слова-стимулы)

Слова-стимулы / Реакции	Родина	Россия	Кубань	Краснодар	Всего
Водка	5	25	-	-	
Гордость	5	18	-	-	
Грязь	-	-	-	-	
Детство	-	-	-	-	
Друзья	8			18	
Любовь (люблю)	15		2		
Малая Родина	-	-	14	-	
Мама	12	-	-	-	
Патриот (-изм)	65	11	2	-	
Родители	10	-	-	-	
Родная (-ой)	3	4	5	28	
Родные	5	-	-	-	
Семья	22	-	-	2	
Страна	29	170	-	-	

Из таблицы 1 становится ясно, что в речевых репрезентациях студентов СПО Родина предстает как жизненно-необходимый духовный образ, в котором представлено ближайшее окружение студента СПО – *друзья, семья, родители, мама, родные*, и только за ними – *патриотизм, любовь, гордость*.

Рассмотрим более подробно речевые репрезентации студентов СПО на каждое из предложенных слов-стимулов.

Проведенный анализ показал, что номинации ***Родина*** и ***Россия***, с одной стороны, неразделимы в языковом сознании (так как студенты видят в России Родину и в Родине – Россию), а с другой – наблюдается более критический взгляд к *России* как к государству со всеми его плюсами и минусами. Об этом свидетельствуют отрицательные реакции: Родина – 3%, Россия – 18%; снижение коэффициента стереотипности и соотношения ядрообразующих ассоциатов с общим количеством полученных реакций на слово-стимул *Россия*. Кроме того, в ассоциировании данных слов-стимулов у студентов СПО не

наблюдается ностальгических симпатий по отношению к СССР в отличие от школьников г. Краснодара [Ср.: 1].

Схема 1. Ближняя периферия концепта РОДИНА в речевых репрезентациях студентов СПО

В сравнении с исследованием Т.П. Тарасенко наблюдается положительная смена в ментальных установках описываемых ценностей: у школьников представления о *Родине* находят в языковом сознании ассоциации с *Россией* на 23%, в нашем исследовании – 15%; слово-стимул *Кубань* находит ассоциирование с рекой (речкой) у школьников – 20,27%, у студентов – 12,6% [1]. Такое сравнение позволяет сделать вывод о расширении круга представления данных номинаций в языковом сознании студентов в связи с возрастной динамикой их развития.

Слова-стимулы *Кубань* и *Краснодар* в языковом сознании студентов СПО имеют устойчивую положительную ассоциативную идентификацию, что подтверждается сформированными ядрами частотных реакций (*Кубань* – 44%, *Краснодар* – 50%); высоким коэффициентом стереотипности (*Кубань* – 14,8; *Краснодар* – 15,4). Однако номинация *Кубань* гораздо ближе студентам как компонент малой Родины, о чем свидетельствует соотношение отрицательных реакций (*Кубань* – 3%, *Краснодар* – 12%), что связано, на наш взгляд, с местом жительства студентов: не все являются жителями города Краснодара, который для большей части студентов остается местом учебы.

Ядро ассоциативного поля слова-стимула *США* включило 10 реакций: *Дж.Буш, Б.Обама, война, Макдональдс, гамбургеры, кризис, страна, флаг, доллар(-ы), ножки Буша*, что составило 29% от общего количества полученных реакций.

В результате анализа ядрообразующих ассоциатов в гендерном аспекте и онтогенезе была выявлена разница в представлении предъявленного слова-стимула в языковом сознании девушек и юношей к четвертому курсу обучения:

	Закрепляющиеся ассоциаты в языковом сознании к четвертому курсу обучения	«Размывающиеся» ассоциаты в языковом сознании к четвертому курсу обучения
Девушки	<i>Страна, война, кризис, Макдональдс, имя президента, флаг</i>	<i>Гамбургеры</i>
Юноши	<i>Война, кризис</i>	<i>Гамбургеры, страна, кризис, Макдональдс, имя президента, флаг</i>

Девушки в своих реакциях показали большую лояльность к США, чем юноши. Возможно, это связано с тем, что юноши, как будущие защитники своей Родины, выразили несогласие с той политикой, которую ведет данное государство.

Ассоциативный эксперимент проходил в период накала отношений между Россией и США (2007 – 2009 гг.), тогда же произошли казнь С. Хусейна, непопулярная в мире война в Ираке, позже – военный конфликт между Россией и Грузией и антироссийская интерпретация США данного конфликта. Все это нашло отражение в отрицательных реакциях студентов. Но вместе с этим такое отношение вызывает и озабоченность: наблюдается рост национальной неприязни, культивируемой среди простых людей и активно поддерживаемой в тот период средствами массовой информации (документальными фильмами, выпусками телепередач «Специальный корреспондент», бесконечной трансляцией концертов юмориста Задорнова, подвергающего критике не только политику государства, но и бытовые отношения людей).

Ядро ассоциативного поля слова-стимула *Западная Европа* включило 10 реакций: *Франция, заграница, отдых, футбол, культура, Германия, красота, цивилизация, страны, карта*, что составило 20% от общего количества полученных реакций.

В результате анализа ядрообразующих ассоциатов в гендерном аспекте и онтогенезе была выявлена разница в представлении предъявленного слова-стимула в языковом сознании девушек и юношей к четвертому курсу обучения:

	Закрепляющиеся ассоциаты в языковом сознании к четвертому курсу обучения	«Размывающиеся» ассоциаты в языковом сознании к четвертому курсу обучения
Девушки	<i>Заграница</i>	<i>Франция, отдых, футбол</i>
Юноши	<i>Франция, заграница, отдых, футбол</i>	-

Девушки показали узость представления слова-стимула, его неконкретность и абстрактность в языковом сознании.

Сравним количество отрицательных реакций, полученных по словам-стимулам:

	Девушки	Юноши	Средний показатель
США	36%	51%	44%
Западная Европа	11%	17%	14%

Юноши критичнее, чем девушки, относятся к США и Западной Европе. При этом следует отметить, что количество отрицательных реакций к США проявлено больше. Словарный массив отрицательных реакций отразился в нашей работе лишь в цифровых эквивалентах сводных таблиц, он не вошел в ассоциативное поле частотных ассоциатов по этическим, моральным и нравственным параметрам. К Западной Европе студенты более доброжелательны. Отрицательные реакции не содержат резкости, ненормативной и оскорбительной лексики.

Итак, концепт РОДИНА предстает как жизненно-необходимый духовный образ, в котором отражено ближайшее окружение студента СПО – *друзья, семья, родители, мама, родные*, и только за ними – *патриотизм, любовь, гордость*, а знания студентов СПО о дальнем зарубежье ограничены рамками бытового уровня: информацией из рекламных телепередач, знакомством с импортными продуктами питания, перечислением некоторых стран и городов. О примитивности представлений также свидетельствуют очень низкий коэффициент стереотипности реакций, слабые ядра ассоциативных полей, преобладание единичных реакций.

Список литературы

1. Тарасенко, Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.

List of literature

1. Tarasenko, T. P. Jazykovaja lichnost' starsheklassnika v aspekte ejo rechevyh realizacij : dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2007.

СПЕЦИФИКА МЕТАКОММУНИКАЦИИ КАК ОСОБОГО ТИПА ОБЩЕНИЯ

Е. М. Дубровченко

В данной статье рассматриваются теоретические основы метакоммуникации: приводится определение данного явления, выявляются его составляющие компоненты, а также такие параметры, как мотив, объект и предмет метакоммуникации. В работе выделяются основные отличия метакоммуникации от коммуникации, рассматривается понятие метасообщения и характеризуются базовые конститутивные признаки метакоммуникации, определяющие ее специфику.

Ключевые слова: метакоммуникация, коммуникация, модель коммуникации, метасообщение, мотив, объект, предмет метакоммуникации, аналитический характер, асимметричный характер, субъективный характер, процессуальный характер, рефлексивный характер, интегральный характер.

Метакоммуникация представляет собой коммуникацию о коммуникации, это особый тип общения, предметом которого является коммуникативный процесс. Метакоммуникация – это сложное многоплановое явление, связанное с проблемами восприятия и интерпретации информации, а также с проблемами саморефлексии и межличностных отношений. Наиболее полной нам представляется формулировка, предложенная М. Л. Макаровым. Ссылаясь на зарубежных исследователей (Lanigan, Leech, Stubbs, Brown, Yule и др.), он определяет метакоммуникацию как «часть общения, которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и транзакций – фаз интеракции, меню коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [1. С. 198].

Являясь особым типом коммуникации, метакоммуникация обладает рядом характеристик, свойственных коммуникации в целом.

Как и любая коммуникация, метакоммуникация предполагает наличие отправителя и получателя информации, сообщение, передаваемое адресату, и обратную связь. Эти базовые компоненты входят в состав всех теоретических моделей коммуникации.

Изучая метакоммуникацию в качестве средства, организующего дискурс, Т.Н. Скат пишет о том, что «в процессе метакоммуникации сознательно или бессознательно участвуют в равной степени как отправитель, так и получатель сообщения» [3. С. 5]. Она усматривает задачу отправителя сообщения в инструктировании получателя информации «относительно своего высказывания». Задача получателя сводится к адекватной интерпретации высказывания собеседника в соответствии с его интенциями. Во время этого процесса, как указывает исследователь, «метакоммуникативные инструкции могут носить и эксплицитный, и имплицитный характер» [3. С. 5].

В зависимости от характера взаимодействия между этими компонентами, ученые выделяют следующие основные теоретические модели коммуникации: информационно-кодovou, инференционную, интеракционную (М.Л. Макаров и др.). Мы подходим к анализу метакоммуникации с позиции интеракционного подхода. Интеракция представляет собой совместное творение смыслов. Главным принципом этой модели является взаимодействие, «помещенное в социально-культурные условия ситуации» [1. С. 38].

Анализируя теоретические основы метакоммуникации, необходимо выявить такие важные параметры, как мотив, объект и предмет метакоммуникации.

Мотивом метакоммуникации, по нашему мнению, является стремление упорядочить коммуникативный процесс, осуществить его без сбоев и с наибольшей степенью эффективности.

Объектом метакоммуникации является сам коммуникативный процесс.

В качестве *предмета* метакоммуникации выступает анализ хода общения.

Таким образом, метакоммуникацию можно рассматривать как *вторичную* коммуникацию. Соответственно, отличие метакоммуникации от *первичной* коммуникации заключается в следующем:

1) во время осуществления первичной коммуникации поступление сенсорных стимулов в сознание реципиента происходит в результате взаимодействия коммуниканта с окружающим миром; во время осуществления метакоммуникации стимулы неразрывно *свя-*

заны с первичной коммуникацией и поступают в результате ее анализа;

2) в процессе коммуникации адресант отправляет адресату сообщение; в процессе метакommunikации адресант отправляет *мета-сообщение*.

Рассмотрим соотношение сообщения и метасoобщения.

В теории коммуникации сообщение представляет собой информацию, закодированную соответствующим образом с помощью языка или других знаковых систем [2. С. 143]. В свою очередь, метасoобщение – это сообщение о коммуникативном процессе участников общения. Таким образом, основным отличием сообщения от метасoобщения является их содержание. Сообщение может заключать в себе информацию о любых предметах и явлениях: о погоде, об условиях работы, о новейших технологиях и т. п., в то время как содержанием метасoобщения является информация только о коммуникативном процессе: о поведении собеседников и их отношениях к обсуждаемой теме. Например:

Сообщение: *Министерство транспорта Ирака разрывает все контракты с компаниями Дании, сообщает агентство Рейтер со ссылкой на заявление главы этого ведомства Саляма аль-Маляки. Аль-Маляки назвал это решение «формой протеста» против публикации карикатур на пророка Мухаммеда в датской газете «Юлланд-постен» и дальнейшим перепечатыванием карикатур многими...*

Метасoобщение: ***А теперь перейдем к событиям за рубежом:** министерство транспорта Ирака разрывает все контракты с компаниями Дании, сообщает агентство Рейтер со ссылкой на заявление главы этого ведомства Саляма аль-Маляки. Аль-Маляки назвал это решение «формой протеста» против публикации карикатур на пророка Мухаммеда в датской газете «Юлланд-постен» и дальнейшим перепечатыванием карикатур многими ...*

Сообщение заключает в себе информацию о политике министерства транспорта Ирака. Метасoобщение организует процесс передачи информации, оно вводит тему, информирует о том, что слушателю предстоит услышать о новостях в других странах.

Таким образом, метасoобщения представляют собой особый тип сообщений, характеризующий коммуникативный процесс и выражающий отношение собеседников к этому процессу.

Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных явлению метакommunikации, позволяет нам выделить

следующие конститутивные признаки метакоммуникации, определяющие ее специфику:

1. *Аналитический характер метакоммуникации*, предполагающий препарирование как собственного вербального и невербального поведения, так и поведения собеседника.

2. *Асимметричный характер метакоммуникации*, означающий, что в момент ее осуществления один из ее участников является субъектом, а другой – объектом коммуникации.

3. *Субъективный характер метакоммуникации*, заключающийся в том, что коммуникативный процесс описывается с субъективных позиций говорящего.

4. *Процессуальный характер метакоммуникации*, обозначающий, что ее объектом является процесс протекания первичной коммуникации.

5. *Рефлексивный характер метакоммуникации*, предполагающий объяснение и описание собственного коммуникативного поведения во время общения.

6. *Интегральный характер метакоммуникации*, предусматривающий ее неразрывную связь с первичной коммуникацией.

Список литературы

1. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
2. Основы теории коммуникации : учебник / под ред. проф. М. А. Василика. М. : Гардарики, 2003. 615 с.
3. Скат, Т. Н. Метакоммуникация как средство организации дискурса (на материале оппозитивного диалога) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 18 с.

List of literature

1. Makarov, M. L. Osnovy teorii diskursa. M. : ITDGK «Gnozis», 2003. 280 s.
2. Osnovy teorii komunikacii : uchebnik / pod red. prof. M. A. Vasilika. M. : Gardariki, 2003. 615 s.
3. Skat, T. N. Metakommunikacija kak sredstvo organizacii diskursa (na materiale oppozitivnogo dialoga) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1991. 18 s.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ВЛАСТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ АФОРИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Н. С. Бажалкина

Тематическая группа «власть» является одной из ключевых в политических афоризмах английского и русского языков. В настоящей статье афоризмы с лексико-семантическим содержанием «власть» разделены на несколько соответствующих групп. В статье также рассматривается отношение авторов афоризмов к власти.

Ключевые слова: политический афоризм, политический дискурс, лингвокультурология.

Политические афоризмы представляют собой емкие, краткие, экспрессивные высказывания, внутреннее содержание которых относится к сфере политики. Также политическими считаются афоризмы, произнесенные политиками, но не отражающие реалии политической действительности. Следовательно, политические афоризмы английского и русского языков по лексико-семантическому составу можно разделить на две группы: 1) афористические единицы, отражающие специфику политического дискурса: собственно категория «политика», а также категории, в которые входят лексические единицы, обозначающие такие понятия как «государство», «нация», «идеология», «закон», «общество», «власть», «права», «экономика», «демократия», «выборы», «криминал», «коррупция», «война» и т.д.; 2) афоризмы, обозначающие реалии человеческого бытия, представленные такими подгруппами как: «ценности», «время», «образование», «культура», «абстрактно-философские афоризмы» и т.д.

Подчеркнем, что специфика восприятия действительности в политической афористике не задаётся напрямую использованием в афоризмах лексем, так как в большинстве своем афоризмы имплицитно передают свое содержание. Благодаря употребляемым авторами ключевым словам можно только определить, какие концепты привлекают к себе внимание политических деятелей как авторов

афоризмов. Лексический состав афористических единиц определяет их воздействующий потенциал.

Специфику политической афористики отражают лексемы, образующие семантическое поле «власть» (power). Власть понимается в политологии а) как влияние особого рода; б) как способность к достижению определенных целей; в) как возможность использования тех или иных средств; г) как особое отношение между управляющим и управляемым [2. С. 98]. Е.И. Шейгал делит политические афоризмы посвященные власти на две группы: 1) афоризмы, в которых осмысливается сущность власти, ее философские и психологические аспекты; 2) афоризмы стратагемного типа, в которых декларируются стратегические принципы борьбы за власть [2. С. 106]. Афоризмы первой группы рассматривают стремление к власти как неотъемлемую черту человеческой природы, раскрывают глубинную психологическую мотивацию жажды власти, подчеркивают, негативные морально-этические последствия пребывания у власти. Афоризмы-стратагемы декларируют принципы распределения власти, актуализируют постановку власти во главу угла революционной стратегии постулируют опору власти на силу оружия, подчеркивают несовместимость абсолютной власти и свободы [там же].

Среди проработанного материала были выделены афоризмы обеих групп, в которых власть представлена как:

1) Инструмент поддержания порядка (в том числе правового) в обществе: *All violence, all that is dreary and repels, is not power, but the absence of power (Ralph Waldo)*. В представленном афоризме акцентируется именно отсутствие власти как инструмента, способного поддерживать порядок в стране.

2) Политическое господство: *An honest man can feel no pleasure in the exercise of power over his fellow citizens (Thomas Jefferson); Power consists in one's capacity to link his will with the purpose of others, to lead by reason and a gift of cooperation (Woodrow Wilson)*. В таких афоризмах часто прослеживается отрицательное отношение автора к власти: *Вы знаете, люди склонны западать на разные вещи. Кто-то попадает в зависимость от табака, кто-то, прости Господи, от наркотиков, кто-то становится зависимым от денег. Говорят, что самая большая зависимость, - от власти (В.В. Путин)*.

3) Органы управления, правительство: *Power is not any party's to be inherited. Power is yours to give to whoever you choose (Nick Clegg; Speech to Autumn Conference, 23 September 2009); The problem of*

power is how to achieve its responsible use rather than its irresponsible and indulgent use - of how to get men of power to live for the public rather than off the public (Robert F. Kennedy); Советская власть опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все (А. Платонов); Власть не может требовать уважения к закону, когда сама его не уважает (А. Кони). В последнем примере выражению авторской оценки (опять же негативной) служит олицетворяющая метафора.

4) Право, возможность распоряжаться. В следующем примере автор иронично показывает, что такое «борьба за власть»: *If you were handed power on a plate you'd be left fighting over the plate (Tom Stoppard); Nearly all men can stand adversity, but if you want to test a man's character, give him power (Abraham Lincoln); Большие деньги невозможно заработать. Их можно только сделать – либо из воздуха, либо из власти (Д. Выдрин).* Последние два примера имплицитно мыслят о том, что те, кто имеют власть, теряют свои личностные, духовные качества, а заботятся лишь о ее укреплении. Крайне отрицательное отношение к власти выражает и автор следующего афоризма:

*Дорвавшийся до власти сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела (М. Волошин).*

В следующем примере анализируется оппозиция «власть – отсутствие власти»: *If absolute power corrupts absolutely, does absolute powerlessness make you pure? (Harry Shearer)*

Борьба за власть в политических афоризмах не всегда представлена собственно лексемой «власть» (power). Очень часто афоризмы такого типа передают смысл только своим содержанием, например, в следующем афоризме автор иронично сообщает, что тот, у кого есть оружие, получит власть:

*Whatever happens we have got
The Maxim Gun, and they have not (Hilaire Belloc).*

Вышеприведенные примеры, а также более детальное изучение политических афоризмов показывает, что большинство афоризмов с лексико-семантическим содержанием «власть» имплицитно выражают негативное отношение автора, которое передается посредством соответствующих лексических единиц с отрицательной коннотацией и стилистических приемов, например иронии: *Distrust of authority*

should be the first civic duty (Norman Douglas); Редко власть принадлежит умнейшим, еще реже людям честным. Но людям того и другого рода – почти никогда (А. Никитенко). Авторы, как представители определенной лингвокультуры, передают через свои афоризмы общественные настроения и, таким образом, отражаются реалии политической действительности.

Список литературы

1. Бажалкина, Н. С. К проблеме внутреннего содержания политических афоризмов английского языка // Политическая лингвистика / Под ред. А. П. Чудинова. Екатеринбург, 2010. Вып. 2 (32). 92-97 с.
2. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 434 с.
3. Mick, Farren. Words of Wisdom. GB : Robson Books, 2004. 256p.
4. Oxford Dictionary of Humorous Quotations. Oxford University Press, 2004. 512 p.
5. www.aphorisms-galore.info.

List of literature

1. Bzhalkina, N. S. K probleme vnutrennego sodержanija politicheskikh aforizmov anglijskogo jazyka // Politicheskaja lingvistika / Pod red. A. P. Chudinova. Ekaterinburg, 2010. Vyp. 2 (32). 92-97 s.
2. Shejgal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2000. 434 s.
3. Mick, Farren. Words of Wisdom. GB : Robson Books, 2004. 256p.
4. Oxford Dictionary of Humorous Quotations. Oxford University Press, 2004. 512 p.
5. www.aphorisms-galore.info.

ЯЗЫК СМИ

ЖАНРОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ СЕМАНТИКИ ЦЕЛИ, НАЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Л. В. Воронина

Данная статья посвящена вопросам функциональной семантики и отражает современные тенденции в выражении значения финитива в языке современных средств массовой информации.

Ключевые слова: Семантика цели и назначения (финитив), компоненты семантической структуры, семантические тенденции, сфера функционирования.

Сема «цель» входит в значение многих лексем, отличающихся друг от друга различными смысловыми оттенками: *намерение, назначение, миссия, задача* и т.д. Диапазон целей велик: от более конкретных и предметных до отвлеченных и абстрактных.

Если проанализировать язык современных средств массовой информации как наиболее живо реагирующий на процессы, происходящие в языке с точки зрения частотности употребления в них лексем, реализующих смысл «цель», то следует отметить большую активность тех из них, которые сообщают о более конкретной, предметной и приземленной цели: *В своем приветственном слове Дмитрий Медведев отметил, что важнейшая задача сегодня – преодоление негативных последствий глобального финансового кризиса* (Аргументы и факты 3–9.12.2008); *Смысл какой в них [светских тусовках]?* (Комсомольская правда 6–12.12.2008); *Это план у вас такой – по захвату «всех телевизоров»?* (Комсомольская правда 6-12.12.2008).

Примеров более глобальных и отвлеченных целей очень немного: *– Наша цель – не выработать механизм, а высказать мнение большей части российской интеллигенции* (Собеседник 17–23.03.2010); *Цель одна: сделать максимально много для того, чтобы детям и внукам моим жилось лучше, чем живет сейчас людям сейчас* (Московский комсомолец 25.08–1.09.2010).

Более того, в рамках одной статьи авторы нередко прибегают к сопоставлению (а иногда и противопоставлению) конкретной и отвлеченной целей: *Ассоциация не ставит перед собой никаких коммерческих целей. Наша задача в другом* (Приложение «Комсомольская правда. Ваш дом» 6–12.12.2008).

Лексемы со значением «цель» могут «обрастать» соответствующим оценочным фоном. Обычно подчеркивается актуальность цели: – *Считаете, что милиция свою **сверхзадачу** выполнила?* (Собеседник 7–13.02.2010); – *А вообще **конкретной** задачи из каждого воспитанника воспитать профессионала мы не ставим* (Московский комсомолец 25.08–1.09.2010); *Но постепенно приходит понимание, что не все средства хороши для достижения даже **благой** цели* (Комсомольская правда 26.06.2010); *Врачи посоветовали Анастасии не рисковать и не строить из себя Жанну Д' Дарк, на все готовую ради **великой** цели* (Комсомольская правда 12–19.08.2010).

Цель может получать дополнительные характеристики в аспекте ее достижимости: *Но, как оказалось, собрать знаменитую четверку вместе – задача **не из простых*** (Комсомольская правда 26.06.2010).

Новейшие семантические тенденции в выражении целевого значения средствами синтаксиса обнаруживают себя в каждом компоненте его семантической структуры и, следовательно, могут быть подвергнуты анализу в предметном, аксиологическом, мотивационном, ситуационном и аналитическом аспектах.

С точки зрения содержания – предметного наполнения компонента «цель» – в языке СМИ и рекламных текстах функционируют конструкции, информирующие 1) о целях-действиях (физических, психических и т. д.): *Из Америки к нам приехали **на заработки** около 4 десятков легионеров* (Комсомольская правда №147-т /140); 2) целях-состояниях: ***Чтобы понять, как схема работает в жизни**, «Российская газета» обратилась в один из МФЦ...* (Российская газета 8.10.09); 3) целях-признаках, качествах: ***Чтобы действие крема было максимально эффективным, глубоким и длительным**, в него включают еще экстракты и масла 16 самых сильных антиварикозных лекарственных растений* (Комсомольская правда 18–25.03.2010).

Сфера функционирования конструкций финитива и, соответственно, характер цели определяется тематикой СМИ, которая в свою очередь обуславливает лексико-семантическое наполнение

компонента «цель». В любом случае это область человеческой деятельности и человеческих интересов, а следовательно, и целей, связанных с различными сферами жизнедеятельности человека: социально-политической: – *Им [управленцам] оставалось несколько лет, чтобы встать у руля и соединить жесткое управление... с такими большими территориями* (Комсомольская правда 18–25.03.2010); социально-экономической: *На выход из рецессии выделено 1,5% совокупного ВВП стран союза* (Новая газета 15–21.12.2008); социально-бытовой: *Для того чтобы удолетворить самого изысканного клиента... клиентам доставляют самую разную воду...* (Собеседник 17–23.03.2010); культурной: *Раньше животных брали из Уголка Дурова, ведь для выступления на сцене требуется определенный талант* (Комсомольская правда 18–25.03.2010); научной: *Для того чтобы детально восстановить картину катастрофы, профессор Паттерсон занялся изучением донных отложений* (Мир новостей 23.03.2010).

Современному языку не свойственны глубокомысленные размышления о судьбах человечества, о целях существования и т.д. То, что волнует людей в данное время в данном месте, становится объектом целенаправленной деятельности, поэтому в современных СМИ целевые конструкции чаще сообщают о конкретных, практических целях: *Как нам рассказали организаторы конкурса, лучшие проекты будут рекомендованы органами местного самоуправления для практической реализации в нашем городе* (Комсомольская правда в Рязани 10.10.2009). Глобальные цели в настоящее время, видимо, потеряли свою актуальность: – *И жизнь рассматривается не как подвиг во имя идеала, а как игра.* (Новая газета 15.12.2008).

Как показывают наши наблюдения, информация о тривиальных, социально-бытовых целях, касающихся конкретного человека, также присутствует в языке СМИ, однако это происходит в тех случаях, когда это известная личность или личность, создающая тот или иной прецедент: *Целый год любимый миллионами Шерлок Холмс [Василий Ливанов] мужественно держал удар и не сказал ни слова ни в защиту, ни в обвинение сына* (Комсомольская правда 18–25.03.2010); *Встала [корреспондент, проводящий журналистское расследование] к девушкам, которые выбрали песню «Про любовь», третьей по очереди, чтобы на меня выпал припев* (Собеседник 17–23.03.2010).

Часто цели, о которых сообщают СМИ, носят неличный, обобщенный характер. Они актуальны для определенной социаль-

ной группы людей, находящихся в иерархических, деловых, профессиональных отношениях. Такая цель не может принадлежать типическому субъекту целеполагания. Ее субъектом часто становится обобщенный субъект, принадлежность которого к определенной социальной группе может быть лексически обозначена (обычно подлежащее или словоформа с субъектным значением в страдательных конструкциях): *Можно вспомнить, что еще совсем недавно **ФСБ** требовало внесения поправок в закон о судебной экспертизе с тем, чтобы экспертизой... занималось само **ФСБ** или Министерство Обороны* (Новая газета 15–21.12.2008); *У некоторых из вошедших в список есть повод для огорчения* (Собеседник 17–23.03.2010), *А 23 марта будет москвичам еще чуть-чуть счастья – закончатся работы по замене эскалатора и реконструкции вестибюля станции метро «Площадь революции»* (Собеседник 17–23.03.2010) или чаще не обозначена (неопределенно-личные предложения): – *Фермерам заплатили, чтобы они посадили «что-нибудь зеленое»* (Комсомольская правда 18–25.03.2010).

Один из этапов целеполагания – мотивационный – предполагает объяснение актуальности цели для субъекта. Обычно в семантической структуре финитива этот компонент имплицитен. Однако в языке СМИ, в силу информативно-воздействующего характера жанров, таких конструкций немало, впрочем, как и средств выражения мотивации: *Жилищным компаниям дано распоряжение подготовить трапы для перехода через огромные лужи, которые в этом году грозят превратиться в мини-речки.* (Собеседник 17–23.03.2010); *И чтобы голод не превратил Ваш вечерний отдых в пытку, всегда держите под рукой жевательные таблетки «Турбослим контроль аппетита», который быстро устранил чувство голода* (Комсомольская правда 18–25.03.2010).

В то же время актуальность тенденции языковых средств к структурно-семантической компактности обуславливает включение мотивирующего компонента в компонент «цель»: – *А лаборанты просят указывать в направлении диагностики, чтобы, не тратя реактивы, писать анализ* (Мир новостей 23.03.2010).

Компонент «ресурсы» в современном языке прессы сообщает о наличии более или менее произвольных и осознанных действиях агенса, если представлен глаголом целенаправленного действия: – *Я на улице выхожу в пояске, чтобы не надыхаться* (Комсомольская правда 12–19.08.2010); *В Кремле пригрозили опубликовать сте-*

нограммы *Батюкиных обещаний, чтобы всем стало ясно, кто из двух президентов непоследователен* (Мир новостей 17.08.2010); *А 23 марта участники акции отправляются в Екатеринбург, чтобы найти там «своих» детей* (Мир новостей 23.03.2010).

Зачастую перед сказуемым находится другая глагольная лексема, сообщающая дополнительную информацию о качестве ресурсов, например, о способности агенса производить действия: – *Могу спеть* колыбельную, чтобы быстрее заснул [сын] (Комсомольская правда 12–19.08.2010), о его готовности к этим действиям: – *Вы знаете, я готов работать в разных должностях, лишь бы это было полезно стране...* (Российская газета 1.10.2009), о характере усилий: *Поэтому все разведки стараются «записать» шум лодки другой стороны, чтобы вовремя зафиксировать ее появление у своих берегов* (Комсомольская правда 12–19.08.2010). В том случае, если средства каузации представлены глагольно-именными словосочетаниями, целевое значение получает дополнительные смысловые составляющие (атрибутивные, объектные): – *Мы провели серьезную работу по реализации инвестиционной программы* (Российская газета 10.11.2009); *Оно [соглашение] открывает дорогу к дальнейшему сотрудничеству* (Комсомольская правда 29.04.2010).

Тенденцией стало использование конструкций, в которых позицию обуславливающего компонента занимают сочетания глагола и типизированной лексемы: – *Нам пришлось обратиться к французским коллегам, чтобы подать совместную заявку на наблюдение* (Российская газета 8.10.2009); *После полива яму обязательно надо укрыть скошенной травой, чтобы влага не испарялась* (Комсомольская правда 12–19.08.2010).

Современному языку прессы привычны модели, когда лексема со значением долженствования обуславливает не глагол-сказуемое, а имя существительное как в рамках союзной конструкции, так и в пределах словосочетаний: – *Обладаю достаточной информацией для того, чтобы понимать, кем были мои предки до конца XIX века* (Собеседник 17–23.03.2010); *...Актуальность обсуждаемых событий... запас времени дает, необходимый для учета замечаний руководства при монтаже* (Собеседник 17–23.03.2010).

Стилистически и жанрово объяснимо широкое распространение разнообразных страдательных конструкций (особенно на уровне словосочетаний): *Вот были призваны союзные войска восстановить законный порядок и территориальную целостность республи-*

ки (Комсомольская правда 10.10.2009); 25 ноября 2008 года данное уголовное дело **направлено для рассмотрения** в Московский районный суд г. Рязани (Приложение «МК в Рязани» 3–10.12.2008).

Самым актуальным аспектом финитива в языке современных СМИ стало назначение предмета. Известна лексико-грамматическая обусловленность развития данного значения.

Так, семантика «овеществленной» цели в более или менее чистом виде развивается в конструкциях, где компонент «ресурсы» представлен:

1) именами существительными: а) конкретными: *Вот тогда и появились **агентства по работе с животными*** (Комсомольская правда 8–14.10.2008); б) отвлеченными: *Значит, есть еще одна **тема для плагиага*** (Собеседник 17–23.03.2010);

2) именами прилагательными: – *В стране существует крайне ограниченное число линий эмбриональных клеток, **пригодных для медицинских целей*** (Комсомольская правда 26-06.05.2010); *На восьмой год службы, в 2003 году, военно-врачебная комиссия признала Никитенко **негодным к плаванию*** (Новая газета 15.12.2008).

Выбор каждого из названных средств каузации действий агенса обусловлен или жанрово (в частности, страдательные конструкции позволяют автору максимально абстрагироваться от сообщаемой им информации в аналитической статье на политическую или экономическую тему и подать материал более или менее объективно), или субъективно авторской установкой (конструкции с модальными лексемами не столько информируют о цели и условиях ее достижения, сколько выражают отношение агенса к его действиям, направленным на результат) либо определяется традицией (если нужно информировать об актуальных, потенциальных или «овеществленных» целях).

Таким образом, большинство тенденций семантического плана при выражении семантики финитива связано с очевидной зависимостью языка от уровня развития общества, с глобальными событиями, происходящими в современном мире, с темами, актуальными для определенных социальных групп в частности и для всего населения России в целом, с развитием деловых экономических и политических отношений разного уровня, наконец, с общей прагматической направленностью жизни людей. Именно эти социальные тенденции определяют такие характеристики цели, как предметное содержание, сфера функционирования, принадлежность субъекту, и обуславливают в свою очередь тенденции функционально-семантического характера.

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

С. В. Давыдова

Язык средств массовой информации (далее СМИ) играет большую роль в развитии самого языка. Влияние массмедиа на современное речепотребление требует тщательного изучения. В данной статье, во-первых, выделяются три наиболее распространенных значения языка СМИ. Во-вторых, изучается язык различных типов медиаречи. В-третьих, рассматривается демократизация СМИ в наше время. В результате, с одной стороны, в СМИ отображаются все последние языковые изменения, а с другой стороны, СМИ и влияют на языковые изменения и развитие.

Ключевые слова: язык СМИ, медиаречь, медиатекст, речепотребление, язык радио, язык телевидения, язык Интернета, язык печатных СМИ, демократизация СМИ.

Если язык – это язык общества, то язык средств массовой информации – это лакмусовая бумажка состояния самого языка, не говоря о том, что это и важнейшее средство идеологической, политической и т.п. борьбы. Практически все то, что касается проблем языка как феномена, в наиболее полной и острой форме отражается в языке СМИ [1. С. 81].

Совершенствование информационно-коммуникационных технологий привело к значительному росту общего корпуса текстов, циркулирующих в сфере массовой коммуникации. Превращение массмедиа в одну из ключевых сфер современного речепользования как в плане количественных показателей, так и в плане качественно-воздействия на протекание языковых процессов способствовало концентрации академического интереса на проблемах функционирования языка в области массовой коммуникации.

Активное изучение свойств медиаречи началось во второй половине 20 века, когда внимание отечественных и зарубежных ученых стали привлекать самые различные аспекты использования языка в СМИ – от лингвостилистических и прагматических до функционально-семиотических. Вопросы языкового обеспечения массовых коммуникационных процессов рассматривались в работах Г.В. Степанова, Д.Н. Шмелева, В.Г. Костомарова, О.А. Лаптевой,

Г.Я. Солганика, Ю.В. Рождественского, А.Н. Васильевой, С.И. Сметаниной, Т.Г. Добросклонской, Теуна Ван Дейка, Алана Белла, Мартина Монтгомери, Номера Фейерклафа. Структура и содержание медиаречи изучались в рамках самых различных школ и направлений: с точки зрения социолингвистики, прагматики, семиотики, психолингвистики, функциональной стилистики, дискурсивного анализа, контент-анализа, когнитивной лингвистики и др.

Говоря об основных особенностях использования языка в СМИ, исследователи сходятся в том, что влияние массовой коммуникации на современное речеупотребление огромно и требует тщательного, систематического изучения [3. С. 39].

Прежде всего, анализ контекстного употребления словосочетания «язык средств массовой информации» позволяет выделить три наиболее распространенных значения:

Язык СМИ – это, во-первых, весь корпус текстов, производимых и распространяемых средствами массовой информации; во-вторых, устойчивая внутриязыковая система, характеризующаяся определенным набором лингвистических свойств и признаков; и, наконец, в-третьих, особая знаковая система смешанного типа с определенным соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, специфическим для каждого из средств массовой информации – печати, радио, телевидения, Интернета.

Следует отметить, что в последние годы растет количество исследований, посвященных анализу именно языка отдельных средств массовой информации, а также изучению различных типов медиатекстов – новостей, аналитики, публицистики, рекламы. Например, в известной работе О.А. Лаптевой «Живая русская речь с телеэкрана» рассматриваются свойства телевизионной речи, особенности речеупотребления в Интернете.

Детальное изучение отдельных языков СМИ привело к расширению самого понятия «язык массовой информации», что, в частности, выразилось в выделении в нем уровня вербального и уровня медийного, или аудиовизуального. В свою очередь, рассмотрение языка СМИ как знаковой системы смешанного типа, сочетающей в себе вербальные и аудиовизуальные коды, позволило определить языковую специфику каждого конкретного средства массовой информации [2. С. 11].

Так, главной особенностью языка радио является сочетание словесного и звукового ряда. Использование широкого спектра широкого аудиоряда – музыки, шумовых эффектов, фонетических и пара-

тембральных свойств речи (интонация, темп, узнаваемые акценты, индивидуальные голосовые качества) – делает язык радио мощным средством воздействия на массовую аудиторию.

Язык телевидения представляет собой еще более совершенную систему кодифицированного воздействия, поскольку к уровням вербального и звуковому прибавляется уровень визуальный, а именно движущееся цветное изображение. Поэтому телевидение считается самым эффективным в плане воздействия на общественное сознание средством массовой информации.

Развитие Интернет-технологий привело к дальнейшему совершенствованию языка СМИ как средства информационно-психологического воздействия. Язык Интернета – это сложная многоуровневая мультимедийная система, вобравшая в себе достижения всех традиционных средств массовой информации. Вербальный текст в Интернете приобрел новое «сетевое» измерение, позволившее разворачивать текст не только линейно, но и с помощью ссылок в глубину межтекстовых связей.

Наконец, специфика языка печатных СМИ состоит во взаимодействии вербальных и графических компонентов. Тип и размер шрифта, наличие иллюстраций, использование цвета, качество бумаги, расположение материалов на полосе – все это тесно соединяется со словесным рядом, образуя единое целое – синкретический язык прессы [2. С. 13].

В настоящее время происходит демократизация языка печатных СМИ. Произошедшая в последние десятилетия демократизация общественной и бытовой жизни, революционные изменения в отношениях между полами и внутри полов, в положении женщины, изменения точки зрения на брак, семью и т.д. сильно содействовали демократизации языка СМИ, приходу в него слов и выражений, которые раньше считались грубыми, редко употребляемыми и просто немислимыми в сфере публичных отношений [1. С. 83].

Все-таки, возможно, именно язык СМИ играет наибольшую роль в развитии языка.

Во-первых, язык СМИ первым реагирует на новации, которые способствуют прогрессу общества, при том, что он настолько ускорился, что объем знаний удваивается каждые десять лет. Трудно представить, как бы шел прогресс, если бы СМИ не вводили в широкий оборот новые явления, понятия, названия и пр.

Во-вторых, через язык СМИ, в первую очередь идет обогащение словарного запаса языка.

В-третьих, обогащение словарного запаса происходит подчас настолько стремительно, что не каждый грамматический строй языка, образно говоря, справляется с новыми нагрузками, и это может вызвать конфликт между лексиконом и грамматикой. И если это действительно происходит, то это является объективным показателем того, что язык нуждается в реформе.

В-четвертых, процесс демократизации языка (сопутствующий процессу демократизации общества), неотделимый от наплыва в него сомнительной и откровенно грубой лексики, в том числе и жаргонов, специфического языка криминального мира и т.д. в конечном итоге работает на расширение границ литературного языка. И английский сленг, и местные жаргоны, и блатной язык – это порождение не только определенной социальной среды. Это часто вызов официальному (литературному) языку. Современный язык СМИ, особенно молодежных, удовлетворяет запросы тех, кого не устраивал литературный язык.

Из вышесказанного можно сделать вывод: язык средств массовой информации влияет на речевой портрет современного поколения. Демократизация СМИ влечет неизбежное изменение повседневного, обыденного лексикона.

Список литературы

1. Аветисян, Н. Г. Язык СМИ как фактор развития языка // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. №4. С.80–86.
2. Добросклонская, Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. №3. С.38–54.
3. Добросклонская, Т. Г. Язык СМИ: становление и содержание понятия / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. №4. С. 9–15.

List of literature

1. Avetisjan, N. G. Jazyk SMI kak faktor razvitija jazyka // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2002. №4. S.80–86.
2. Dobrosklonskaja, T. G. Rol' SMI v dinamike jazykovyh processov // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2005. №3. S.38–54.
3. Dobrosklonskaja, T. G. Jazyk SMI: stanovlenie i sodержanie ponjatija / T.G. Dobrosklonskaja // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2007. №4. S. 9–15.

**ПРОЦЕСС СОХРАНЕНИЯ И ПОВТОРЫ
КАК МЕТОД ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРЕССЫ
НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ**

К. В. Дементьева

Память человека носит избирательный характер, выражающийся в лучшем запоминании той информации, что интересует индивида. В результате анализа газетных текстов мы выяснили, что лучше запоминается эмоционально окрашенный материал, чем эмоционально нейтральный, но в одних случаях лучше будет запоминаться приятное, в других – неприятное, в зависимости от того, что в данном конкретном случае более значимо. Та информация, которая появляется на страницах прессы неоднократно, особенно активно влияет на формирование общественного мнения.

Ключевые слова: газетный текст, процесс запоминания, формирование общественного мнения.

Воспринятая информация, через которую человек познает окружающую действительность, не исчезает бесследно, она закрепляется, сохраняется и воспроизводится в дальнейшем в форме узнавания, воспоминания. Отражение и воспроизведение прошлого опыта в памяти не пассивно, оно включает в себя отношение личности к воспроизводимому, которое, в свою очередь, может быть более или менее осознанным. Само сохранение материала не является пассивным процессом. «Сохранение – это динамический процесс, совершающийся на основе и в условиях определенным образом организованного усвоения, включающий более или менее выраженную переработку материала, предполагающую участие различных мыслительных операций» [5. С. 258]. Рассмотрим, каким образом процесс сохранения используется в материалах региональной прессы.

Память человека носит избирательный характер, выражающийся в лучшем запоминании значимой информации, той, что интересует индивида. Т.е. можно утверждать, что роль установки в процессе запоминания играет значительную роль, соответственно установка влияет и на такую функцию памяти как забывание. Установка может

влиять не только на сам факт запоминания, но и на его длительность. Различные установки как бы включают запоминаемый материал в различные контексты, закрепляют его в разных системах, взаимопроницающие друг в друга.

На характер запоминания также влияет эмоциональная составляющая информационного материала. Так, эмоционально окрашенный материал запоминается лучше, при прочих равных условиях, чем эмоционально безразличный.

В психологической литературе неоднократно обсуждался вопрос о том, что лучше запоминается – приятное или неприятное. По данным одних исследователей, запоминается по преимуществу приятное (З. Фрейд), по данным других – неприятное (П. П. Блонский). Разноречивость полученных результатов может свидетельствовать о том, что постановка проблемы в данном случае не допускает однозначного толкования. Что касается региональных изданий, то эмоционально окрашенные материалы чаще всего можно встретить в газетах «Маяк» и «Столица С».

Газета «Маяк» Ардатовского района редко публикует сухие информационные заметки. На всех материалах еженедельника лежит отпечаток стиля районной прессы. Журналисты газеты часто пишут о лучших людях Ардатова, «открывая» их на страницах газеты, будь то самородок, начинающий поэт, тракторист, фермер или солист местного ДК. Практически ни один номер не обходится без одного-двух материалов, рассказывающих о конкретном жителе района, конкретной семье, коллективе. Для публикации может быть интересен каждый человек уже просто потому, что он живет в Ардатовском районе. В этом смысле издание полностью соответствует характеристике данной Я. Засурским: «Местные газеты более человечны. В принципе человек хочет иметь свою семью, жить своим домом. Можно, конечно, пропагандировать холостяцкую жизнь. Но нормальному человеку нужны дети, семья. Малая газета создает ощущение семьи. И это крайне важно в наше жестокое коммерциализированное время» [1. С. 276]. Таким образом, в этом проявляется отличие районной прессы от городской. Материалы газеты создают хорошее настроение, позитивное отношение к жизни, надежду на то, что все проблемы удастся преодолеть – и все это на примере конкретных, близких, знакомых людей. «Маяк» оказывается пропагандистом, но пропагандирует вечные ценности, оптимизм. На страницах издания появляется много материалов, призывающих следовать

здоровому образу жизни. Кроме того, на страницах «районки» очень мало криминала – а это уже формирует положительное отношение к жизни.

Еженедельник «Столица С» также старается эмоционально окрасить каждое свое сообщение. Используются яркие экспансивные заголовки, часто прямые цитаты героев интервью без цензурной правки. Только в отличие от предыдущей газеты, здесь чаще печатается все-таки неприятная информация. В издании публикуется много сообщений криминального характера, либо рассказывается о происшествиях, также редко содержащих приятные известия. Корреспонденты не скупятся на эмоциональные подробные описания преступлений, аварий, острых ситуаций в судебных залах, использование комментариев самих преступников или пострадавших и т. д. Такая информация привлекает внимание, заставляет прочитать публикацию или даже купить газету из-за яркого экспансивного заголовка. И, несомненно, способствует лучшему запоминанию материала.

Однако в газете также можно встретить и эмоционально окрашенные статьи, содержащие положительную информацию. Это в основном материалы о культуре, спорте и, конечно, публикации на социальную тематику. В статье «Мужа ревновала только к работе» газета цитирует такие строки от супругов, отпраздновавших золотую свадьбу: «Нас часто спрашивают: счастливы ли мы? А что такое счастье? Для нас – это каждый день, проведенный вместе, – говорят Зина и Эвир. – Единственное, о чем мы мечтаем и хотим, чтобы счастливы были наши дети, внуки, правнуки. Чтобы род Боксимеров долго жил на ЗЕМЛЕ» [4]. В другом материале о самом высоком человеке в Мордовии также приводятся слова героя публикации: «Дядей Степой в Кадошкине меня давно не дразнят – привыкли уже, – улыбается Александр Дергунов. – ... Нет, никаких комплексов по поводу своих размеров не испытываю. Какая разница, высокий ты или низкий, главное, чтобы человек был хороший» [2].

По данным С. Л. Рубинштейна, лучше запоминается эмоционально окрашенный материал, чем эмоционально нейтральный, но в одних случаях лучше будет запоминаться приятное, в других – неприятное, в зависимости от того, что в данном конкретном случае более значимо и актуально в силу своего отношения к личности человека. «Во всех случаях существенную роль при запоминании играют установки... Эти установки могут быть неосознанными или

сознательными... в первом случае имеется непроизвольное запоминание, во втором – активное запоминание...» [5. С. 325]. Тем не менее, в независимости от личного отношения к материалу, лучше всего запоминается то, что было предьявлено несколько раз. Поэтому, та информация, которая появляется на страницах прессы неоднократно, особенно активно влияет на формирование общественного мнения. Региональные газеты пользуются этим в тех случаях, когда нужно заострить внимание на определенной проблеме или сформировать устоявшееся мнение по какому-либо вопросу. В данном случае можно привести в пример периодически появляющиеся на страницах республиканских изданий материалы, явно или неявно агитирующие население вступить в ТСЖ («В Саранске ТСЖ поддержат за счет средств бюджета», «Страшилки про ТСЖ не имеют под собой оснований!», «Власти Саранска будут стимулировать жителей к созданию ТСЖ»). Как правило, в таких публикациях говорится о плюсах товариществ, но не затрагиваются отрицательные стороны: «Товарищество создано в бывшем общежитии, в котором года полтора назад царил полная разруха. Разбитые двери в подъезде, отвалившаяся штукатурка на стенах – в общем, набор коммунальных «красот», вполне привычный для общаги. Зато сегодня этот дом просто не узнать – подъезд отремонтирован, установлены новые железные двери, детская площадка немецкого производства, домофон и даже светодиодные светильники, которые есть сегодня далеко не в каждой новостройке» [3].

Таким образом, эксплуатируя особенности человеческого восприятия, региональные массмедиа помогают своей аудитории в восприятии актуальной социально-политической информации, той информации, которая впоследствии формирует информационную картину окружающей действительности широкой общественности.

Список литературы

1. Богданов, В. Аз, буки, веде... : энциклопедия жизни современной российской журналистики. В 2 т. Т. 2 / В. Богданов, Я. Засурский. М. : Издание Союза журналистов России, 2007. 379 с.
2. Куприкова, Е. 2.30 / Столица С. 28.09.2009.

List of literature

1. Bogdanov, V. Az, buki, vedi... : jenciklopedija zhizni sovremennoj rossijskoj zhurnalistiki. V 2 t. T. 2 / V. Bogdanov, Ja. Zasurskij. M. : Izdanie Sojuza zhurnalistov Rossii, 2007. 379 s.
2. Kuprikova, E. 2.30 / Stolica S. 28.09.2009.

3. Мазина, И. «Управдом – друг человека» / Известия Мордовии. 20.12.2010.
4. Нестерова, А. «Мужа ревновала только к работе» / Столица С. 26.04.2010.
5. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. СПб: «Питер», 2009. 713 с.
3. Mazina, I. «Upravdom – drug cheloveka» / Izvestija Mordovii. 20.12.2010.
4. Nesterova, A. «Muzha revnovala tol'ko k rabote» / Stolica S. 26.04.2010.
5. Rubinshtejn, S. L. Osnovy obwej psihologii / S. L. Rubinshtejn. SPb: «Piter», 2009. 713 s.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И СТРУКТУРА НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ

Т. В. Дьякова

В статье рассматриваются основные принципы новостной заметки как основного жанра информационных агентств. Анализируются структура и составляющие новостного сообщения.

Ключевые слова: новостные сообщения, периодическая печать, СМИ.

Современный человек живет в мире высокоразвитых информационных технологий. Имея доступ к потоку информации, общество испытывает потребность в постоянном получении новых сведений о событиях и явлениях действительности.

Заметка – простейшая форма оперативного сообщения, в основе которой лежит общественно значимый факт [1. С. 66]. Является основным жанром в информационных агентствах и на лентах новостей Интернет СМИ. В печатной периодике заметка – главный носитель новостной информации.

Новостные агентства за более чем 150-летнюю историю выработали собственный лаконичный и точный стиль представления событий в виде целой системы информационных заметок.

Программы новостей или новостные агентства должны предлагать зрителям и читателям информационный ряд, который позволит им сформировать собственные взгляды. Репортер или специальный корреспондент могут выразить профессиональное журналистское суждение, но не личное мнение. Это суждение должно быть четким и беспристрастным. Зрители не должны воспринимать из программы личные взгляды ведущего или корреспондента по любой спорной проблеме [2].

Новостные заметки должны соответствовать определенным принципам:

Точность. Информация должна подвергаться полной проверке. В данном аспекте важно различать первичные и вторичные источники. Информация должна соответствовать реальности и не вводить в заблуждение. Это требует осторожной и полной оценки и четкого использования слов.

Краткость. Жанр требует работы в очень жестких временных рамках, без каких-либо условий для творчества. Человек тратит около получаса на получения новой информации, поэтому новостной блок должен быть максимально кратко и лаконично составлен.

Целостность. Информация должна выстраиваться логически, при этом недопустимо опущение существенных деталей.

Справедливость. Зритель полностью информируется обо всех фактах и существующих точках зрения, при этом охватывается как можно более широкий диапазон мнений. Национальная специфика не должна влиять на трактовку того или иного события.

Объективность. Сообщение не должно быть упрощено до такой степени, чтобы слушателям преподносилась единственно возможная трактовка проблемы. **События должны отражаться на фоне всего общества.** Необходимо поддерживать баланс между общенациональными, региональными и местными интересами. Нельзя придавать доминирующее значение позициям какого-либо одного региона страны. В информационных материалах, как правило, сообщаются лишь сами факты, без выводов и политических обобщений: читателю предоставляется самому сделать необходимые выводы [Там же].

Новость – это сообщение о каком-либо событии или явлении, о котором не было известно раньше, имеющем значение для аудитории. Новость всегда отвечает на вопрос – что произошло или что произойдет.

Главной чертой новостного сообщения, является ясность содержания, всегда однозначно отвечающего на вопросы, что, где и когда случилось. Англоязычные журналисты назвали это правилом трех «W»: what, when и where (что, когда и где) [3. С. 67].

В современных СМИ правило трех «W» должно строго выполняться. Одним из требований к журналисту является отделение информации от комментария. Это требование исходит из необходимости удовлетворять интерес по возможности максимально широкой аудитории к происходящим событиям.

Общим для большинства новостей является их внутренняя структура:

Slugline. Первой, но не главной составляющей новости является слаглайн {англ. – slugline). Согласно «Reuters Style Guide», слаг – это комбинация слов или цифр, появляющаяся первой строчкой любого сообщения, помещенного на ленту. Слаг является индивидуальным идентификатором новости, в течение 24-часового периода не долж-

ны появляться два сообщения с одинаковыми слаглайнами. Типичный слаглайн в «Интерфаксе» и *dra* не содержит служебных пометок и сразу начинается с первой содержательной части – названия страны.

Название страны будет вторым словом, помещаемым в слаглайне у Reuters или AP. После названия страны в слаглайне указываются существенные, характеризующие события, к примеру: ИРЛАНДИЯ-ПОВСТАНЦЫ-ПЕРЕСТРЕЛКА.

Dateline. Следующим за слаглайном обязательным элементом новости идет дейтлайн (*dateline* – англ.). В нем кратко сообщается, где и когда происходит событие, а также добавляется имя агентства. К примеру, «Москва, 15 января (Reuters)». Дейтлайны не только позволяют идентифицировать, когда и где произошло событие, но и какое конкретно агентство сообщило новость.

Headline. Перед дейтлайном находится одна из самых важных частей новости – заголовок, (*headline* – англ). Reuters определяет заголовки как: « строку сверху новости, которая говорит, о чем идет речь» [4]. Заголовок должен быть не длиннее 50–70 знаков. Все заголовки являются изъявительными предложениями и начинаются с существительного. В заголовках почти не используется пассивный залог. В русскоязычных источниках не рекомендуется начинать заголовки с предлогов и цифр.

Lead. Самая главная часть новости **lead** содержит основное, самое главное сообщение в новости. Этот первый абзац новости называется лидом (от англ. *lead*). Лид почти всегда заканчивается ссылкой на источник сообщения. Вслед за лидом сообщаются подробности, проясняющие то, что было сказано в первом абзаце. Подробности располагаются по мере их значимости. В качестве подробностей могут выступать комментарии.

Background. Новость не считается полной, если она не завершается справочной информацией о событии или так называемым «бэкграундом» (от англ. *background*). Бэкграунд предназначен для сообщения исторической или статистической информации, которая позволит читателю оценить происшедшее, сравнив его с другими событиями.

Таким образом, в новостном блоке событие излагается по закону «перевернутой пирамиды», а не в порядке поступления дополнительной информации. То есть, в начале сообщается суть новости, а ближе к его концу подаются подробности, по мере их значимости.

Список литературы

1. Ворошилов, В. В. Журналистика : учебник. М. : КноРус, 2009. 156 с.
2. Рэйн, М. Редакционное руководство Си-Би-Эй (телерадиовещательной ассоциации стран Британского содружества). URL : <http://evartist.narod.ru/text3/83.htm>.
3. Погорельый, Ю. А. Информационное агентство: стиль оперативных сообщений / Под ред. Г. Ф. Вороненковой. М. : РИП-холдинг, 2000. 189 с.
4. Reuters.com: Россия и страны СНГ. URL : <http://ru.reuters.com>.

List of literature

1. Voroshilov, V. V. Zhurnalistika : uchebnik. M. : KnoRus, 2009. 156 s.
2. Rjejn, M. Redakcionnoerukovodstvo Si-Bi-Jej (teleradiovewatel'noj asociacii stran Britanskogo sodruzhestva). URL : <http://evartist.narod.ru/text3/83.htm>.
3. Pogorelyj, Ju. A. Informacionnoe agentstvo: stil' operativnyh soobwenij / Pod red. G. F. Voronenkovej. M. : RIP-holding, 2000. 189 s.
4. Reuters.com: Roscija i strany SNG. URL : <http://ru.reuters.com>.

**ПЕРВЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ:
ИСТОРИЯ И ТИПОЛОГИЯ**

В. В. Смеюха

Статья посвящена первому отечественному женскому журналу. Автор рассматривает причины, условия его появления, выявляет типологические, тематические аспекты издания.

Ключевые слова. Женская пресса, литературный журнал, история развития прессы, типологические характеристики, тип издания, структура журнала, сентиментализм.

Отечественная женская пресса насчитывает более двухсот лет существования, за этот период были представлены различные типы и модели женских журналов, а сами издания становились предметом изучения ученых. История появления первого отечественного женского журнала – тема, остающаяся по-прежнему актуальной. Существует ряд научных публикаций, рассматривающих проблемно-тематические характеристики данного издания, биографию и творчество его создателя [1]. Однако важной стороной в изучении истории отечественной женской периодики остается выявление условий и факторов, способствующих появлению типа женской прессы, изучение комплекса типологических особенностей первого издания.

Основателем отечественной прессы «для дам» стал Н. И. Новиков. В январе 1779 г. он выпустил в свет первый номер журнала «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета».

К этому времени уже стала формироваться система отечественной периодической печати, издания дифференцировались на газетные и журнальные типы, наблюдалась тематическая и аудиторная классификация прессы, стали выходить литературные, сельскохозяйственные, музыкальные, театральные, детские и другие издания.

Именно в этот период открылось и первое периодическое издание для женщин. В. С. Ключевский в «Курсе русской истории» дает описание женщины второй половины XVIII в., представительницы высшего общества, и называет ее «кокетка», поясняя, что за этим определением стоит образ «великосветской дамы», подчинявшейся строгим нормам поведения и морали, а именно, она должна была

получить образование с помощью гувернеров-иностранцев, владеть несколькими иностранными языками, соблюдать этикет, следить за модой и посвятить себя семье [2. С.154-156]. В. Михневич в исторических этюдах «Русская женщина XVIII столетия» пишет о появлении нового типа женщины – «любительницы наук и искусств» и приводит сведения о писательницах, поэтессах, переводчицах [3]. Следовательно, в данный период в обществе сформировался образ женщины, проявлявшей интерес к чтению.

Деятельность Н. И. Новиков, известного писателя и журналиста, была тесным образом связана с отечественным просвещением и образованием. Николай Иванович организовывал типографии, школы, книжные магазины, издавал и распространял литературу по всем отраслям знаний, при этом считал, что личность формируют обстоятельства и среда, и именно литература и периодическая печать играют в воспитании первостепенную роль. В просвещении нуждались все слои российского общества, потому Н. И. Новиков стремился сделать книгу общедоступной, процесс распространения книгопечатной продукции и приобщения к чтению широкой аудитории способствовал развитию информационных вкусов читателей и совершенствованию их знаний.

Выпуск женского журнала можно рассматривать как способ привлечения внимания одной из многочисленных потенциальных читательских групп. Как напишет в начале XX в. одно из отечественных феминистских изданий, именно «энергичный просветитель-филантроп Н. И. Новиков» оказался «первым смельчаком, имевшим дерзость «выделить» интересы <...> женщин-читательниц» от запросов прочей читающей публики» [4. С. 24.]. Однако надо заметить, что еще до создания «Модного ежемесячного издания» журналист неоднократно обращался к читательницам на страницах «Трутная», «Пустомели» и «Кошелек», описывал интересы «прекрасной половины», но использовал при этом только сатирические образы. Европеизация русской женщины коснулась в первую очередь ее внешнего вида, семьи выписывали зарубежные журналы мод, по которым заказывались наряды для столичных и провинциальных «модниц». Интересы «прекрасной половины» очень часто ограничивались лишь приобретением модной одежды, посещением балов, светских мероприятий, что отражалось на быте, культурном уровне общества. Журналы Н.И. Новикова рассказывали о «модницах» и «щеголихах», о чрезмерном подражании женщин иностранным

веяниям, о грубости женских нравов, то есть издатель с помощью сатиры старался помочь светским дамам увидеть себя со стороны, что, как считал автор, способствовало формированию моральных и этических норм.

Первый номер «Модного ежемесячного издания» вышел в Петербурге, в связи с переездом Н. И. Новикова с пятого номера журнал стал выходить в Москве. Журнал был *литературным*, как и другие последующие издания данного типа, он издавался в виде сборников поэтических и прозаических произведений, впоследствии и публицистических.

Первый номер открывался «Предуведомлением», в котором автор и редактор писал следующее: «Свободные от упражнений наших часы, посвящаем мы Прекрасному полу, изданием сего Ежемесячного Сочинения. Намерение наше исполнится, когда несколько минут, минут может быть праздных при Туалетах наших дам употребятся на прочтение листков наших, и труды наши вознаградятся, когда оные приятны будут Прекрасному полу» [5. С. б/н.].

По замыслу Н. И. Новикова журнал должен был выполнять две основные задачи. Первая определялась функцией развлечения, редактор отбирал для публикации только те материалы «кои приятны и забавны». Вторая задача – воспитание аудитории, повышение ее культурного уровня. Для Новикова именно эта задача являлась главной, так как он намеревался предложить аудитории литературные произведения не столько развлекательного направления, а способствующие, в первую очередь, духовному, нравственному совершенствованию читательниц, потому журналист с особой тщательностью подходил к планированию каждого номера журнала и «отбирал произведения, переводимые из наилучших авторов и на российском языке сочиненные» [5. С. б/н].

Тематический отбор публикаций производился в соответствии с популярными тенденциями сентименталистского направления. В большей части литературных работ, помещенных в «Модном ежемесячном издании», речь идет о возвышенных чувствах во взаимоотношениях мужчины и женщины: «Елена возвращенная Менелаю», «Элоиза к Абеларду», «Любовь Дианы», «Ревность юноши», «К Эроту» (1779. Ч. I. Январь, февраль, март) и др.; описывается жизнь героев и их чувственный мир: «Чрезвычайное приключение некоторой шотландки», «История Молли-Сиблы, славной лондонской красавицы», «Приключения молодой деревенской девушки»,

«Приключения прекрасной мусульманки» (Ч.IV. Октябрь, ноябрь, декабрь) и др.

Произведения чувственно-эмоциональной тематики относились именно к тому разделу литературы, который был интересен женской аудитории конца XVIII в., популяризация любовного романа и любовной лирики вела к широкому спросу на данный вид изданий, среди книг, предлагаемых в книжных лавках и магазинах, было довольно много произведений невысокого качества. Новиков посредством выпуска женского журнала пытался формировать литературный вкус читательниц, приобщить их к чтению высокохудожественных произведений.

Но воспитательная функция, которую стремился реализовать в издании редактор, не ограничивалась формированием у аудитории представлений о качественной литературе. Для «Модного ежемесячного издания» была характерна дидактическая направленность, в нем публиковались материалы воспитательного характера. В журнале, адресованном «прекрасному полу», редактор-издатель не мог не затронуть такие темы, как излишнее подражание моде и западным традициям («Сказочка», «Куры». Ч.I. Февраль), неуважительное отношение младшего поколения к старшему:

«Красавицам смешно старуха коль ворчит:

Не смейтесь! Время вас ко старости примчит.

Все то, что мило в вас, прелестно и приятно,

Исчезнет, пропадет и будет невозвратно...» [6. С. 233].

Н. И. Новиковым публиковались произведения, в которых не просто излагалась интересная сюжетная линия, а присутствовал философский, морально-нравственный аспект. Например, вечная тема физической красоты в «Сказочке» связана с красотой духовной:

«... а сказка учит нас, что мы себя теряем,

Коль нам премудрости невнятен будет глас,

И прелестьми пленяясь, на душу не взираем» [7. С. 215].

Несколько раз при обращении к читательницам в журнале встречается указание на группу, занимавшуюся подготовкой «Модного ежемесячного издания», - «издатели». Кто входил в эту группу, кроме самого Новикова, определить трудно, как нельзя полностью обозначить и авторский состав по причине отсутствия подписей к публикациям. Исследователь В. П. Семенников называет только трех авторов: Я. Б. Княжнин (перевод в стихах «Письмо графа Комменжа к матери его» и «Фредина ошибка» (1779. Ч. I. Январь)), В. И. Май-

ков (перевод из «Превращений Овидия», «Песнь «Любовь Дианы» (1779. Ч. III. Июнь. Ч. I. Февраль)), А. П. Сумароков (стихотворения). Из обещанных известных зарубежных авторов журнал познакомил читателей с Ж. Расином, был опубликован отрывок из поэмы «Федра» (1779. Ч. I. Февраль) [8].

Н. И. Новиков планировал к работе над выпуском журнала привлечь его читательниц, ведь в это время многие «светские дамы» пробовали свои силы в литературе: сочиняли стихи, рассказы, вели дневники, потому редактор предположил, что женщины будут присылать в редакцию собственные литературные работы, лучшие из которых были бы опубликованы: «Мы просим и приглашаем всех быть нашими сотрудниками: сообщаемые сочинения и переводы, стихотворные и прозаические, поместятся в местах наших со удовольствием» [9. С. б/н.]. Но, к сожалению, за год выхода издания в свет в нем не было помещено ни одного материала автора-женщины, что, можно предположить, произошло не из-за нежелания женщин сотрудничать с женским журналом, а по причинам отсутствия среди немногочисленной читательской аудитории писательниц и поэтесс.

Для журнала было характерно широкое жанровое разнообразие, на что указывал и сам издатель: «Сюда включаются эклоги, элегии, идиллии, песни, эпиграммы, загадки и прочие мелкие стихотворения..., сказочки, анекдоты, повести» [10. С. 217].

В название периодического органа Н. И. Новиков вынес слово «модное». Однако, не одобрявший чрезмерного увлечения модой, он, по всей видимости, не собирался открывать в своем издании отдел мод. В каждом номере помещался рисунок, выполненный литографическим способом: «Прелестная простота» (Ч. I. Январь), «Раскрытие прелести» (Ч. I. Февраль), «Щеголиха на гулянье» (Ч. I. Июнь), «Нынешняя уборка по прихоти» (Ч. IV. Октябрь) – таковы пояснительные подписи под «модными» картинками. С помощью рисунка Новиков попытался увеличить и разнообразить возможности воздействия журнала на женскую аудиторию. Е. Щепкина, активная участница женского движения начала XX в., расценивала введение в название журнала определения «модное» в качестве «уловки», с помощью которой редактор хотел заставить дам взяться за чтение русской литературы [11. С. 157]. С ней можно не соглашаться. Слово «модное» здесь, скорее всего, употреблено в значении «современное», «популярное». Именно таковым видел свое издание его основатель, что подтверждает высказывание редактора, содер-

жащееся в «Предупреждении»: «Мы всевозможно стараться будем сделать им [читательницам] угодное, а от них зависит сделать наше издание модным» [12. С. б/н.].

Н. И. Новиков надеялся привлечь в авторский состав редакции женщин, публикации которых расширили бы проблемно-тематический спектр издания, добавив в него актуальные для современниц темы и идеи. Несмотря на неосуществление данного проекта, его автору удалось реализовать на практике модель «модного» – современно-го для рассматриваемого исторического периода издания, оправдав тем самым его название. Это выразилось, во-первых, в выборе аудитории. Особенностью прессы на данном этапе была ее дифференциация, издателями определялись различные читательские группы. Новиков выделением новой аудиторной прослойки поддержал конструктивное направление журналистики. Во-вторых, определение родовой принадлежности журнала отражало наиболее распространенную тенденцию отечественной прессы второй половины XVIII в. – большинство изданий было либо полностью литературными, либо в большей или меньшей степени тяготели к данному типу, включая в свою структуру стихотворные и беллетристические материалы. Новиков определил свое издание как литературное и, знакомя аудиторию с новым для нее видом периодики – женским литературным журналом, в первом номере сообщил, что будет публиковать «сочинения и переводы стихотворные и прозаические».

Вышло всего четыре части «Модного ежемесячного издания» (по три номера в каждом). В качестве причин столь короткого периода существования первого российского женского журнала выдвигаются различные предположения. Так, Е. Щепкина указывает на недостаточное количество подписчиков, что, действительно, могло послужить важным аргументом в решении издателя о закрытии журнала. В майском номере был опубликован список «особ подписавшихся» на издание, включавший всего 58 фамилий, среди них не более 9 женских. Читатели женского журнала были уже не только в Петербурге и Москве, но в Твери, Пскове. Выпускать издание для столь малочисленной аудитории представлялось весьма не целесообразным и затратным предприятием. В данный период Н. И. Новиков был одновременно занят редактированием «Московских ведомостей» и управлением типографии, что, вероятно, побудило его отказаться от продолжения работы над изданием «для дам».

Широкому распространению первого женского журнала помешал и низкий уровень грамотности населения, «обучение наукам» в данный период было доступно преимущественно представителям высшего сословия, а проблема женского образования станет актуальной лишь во второй половине XIX в.

Итак, подготовленный и выпущенный Н. И. Новиковым первый женский журнал заложил тематические и типологические основы женской прессы, в частности были определены следующие характеристики женского периодического издания: функционально-целевые особенности – развлечение и воспитание аудитории, тематика – отображение чувственно-эмоциональной сферы (в том числе любовная тематика), авторский состав – в число авторов рекомендовалось включать женщин, жанровое разнообразие, оформление, именно эти типологические критерии будут иметь решающее значение в определении типологических характеристик последующих отечественных женских журналов.

Список литературы

1. Пирожкова, Т.Ф. Журнал для «прекрасного пола» // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10. Журналистика. 1994. №6. С. 26–37, Семенников, В. П. «Модное ежемесячное издание», журнал 1779 г. // Русский библиограф. 1913. №6. С. 32-54; Западов, А. В. Русская журналистика XVIII века. М., 1964.
2. Ключевский, В.С. Курс русской истории. Собр. соч. : в 9 т. Т. 5. М., 1989.
3. Михневич, В. Русская женщина XVIII столетия // Русские женщины. М., 1997.
4. Союз женщин. 1909. № 5–6.
5. Предупреждение // Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. 1779. Ч. I. Январь.

List of literature

1. Pirozhkova, T.F. Zhurnal dlja «prekrasnogo pola» // Vestn. Mosk. un-ta. Ser.10. Zhurnalistika. 1994. №6. S. 26–37, Semennikov, V. P. «Modnoe ezhemesjachnoe izdanie», zhurnal 1779 g. // Russkij bibliograf. 1913. №6. S. 32-54; Zapadov, A. V. Russkaja zhurnalistika XVIII veka. M., 1964.
2. Ključevskij, V.S. Kurs ruskoj istorii. Sobr. soch. : v 9 t. T. 5. M., 1989.
3. Mihnevich, V. Russkaja zhenwina XVIII stoletija // Russkie zhenwiny. M., 1997.
4. Sojuz zhenwin. 1909. № 5–6.
5. Preduvedomlenie // Modnoe ezhemesjachnoe izdanie, ili Biblioteka dlja damского туалета. 1779. Ch. I. Janvar'.

6. Совет молодым красавицам // Модное ежемесячное издание. 1779. Февраль. С. 233.
 7. Модное ежемесячное издание. 1779. Февраль.
 8. Семенников, В.П. «Модное ежемесячное издание», журнал 1779 г. // Русский библиограф. 1913. № 6.
 9. Предупреждение // Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. I. Январь.
 10. Известие // Модное ежемесячное издание. 1779. Март.
 11. Щепкина, Е. Из истории женской личности в России. СПб., 1914.
 12. Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. I. Январь. Предупреждение.
6. Sovet molodym krasavicam // Modnoe ezehemesjachnoe izdanie. 1779. Fevral'. S. 233.
 7. Modnoe ezehemesjachnoe izdanie. 1779. Fevral'.
 8. Semennikov, V.P. «Modnoe ezehemesjachnoe izdanie», zhurnal 1779 g. // Russkij bibliograf. 1913. № 6.
 9. Predupredomlenie // Modnoe ezehemesjachnoe izdanie. 1779. Ch. I. Janvar'.
 10. Izvestie // Modnoe ezehemesjachnoe izdanie. 1779. Mart.
 11. Wepkina, E. Iz istorii zhen-skoj lichnosti v Rossii. SPb., 1914.
 12. Modnoe ezehemesjachnoe izdanie. 1779. Ch. I. Janvar'. Predupredomlenie.

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

ЦВЕТ В ИСТОРИИ: КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д. А. Бакеева

В статье рассматривается смысл и значение цвета в истории мировой культуры. С давних времен в культуре всех народов и различных обществ начала складываться определенная гамма любимых цветов. Автор полагает, что эстетика цвета органична всему творческому процессу и вытекает из тонкого осмысления людьми окружающей действительности, в первую очередь природы, являющейся кладовой цветочных сочетаний.

Ключевые слова: культура, семантика, символ, цвет, цветовой тест, феномен цвета.

Люди воспринимают окружающие цвета привычно, не задумываясь о том, что они (цвета) воздействуют на их самочувствие, настроение. Цвет – это всегда символ, несущий определенный смысл, и человек, сам того не замечая, прекрасно его «считывает». Многие недооценивают роль цвета в создании имиджа. Наукой давно доказано, что та или иная цветовая гамма оказывает огромное влияние на эмоциональный фон человека: бодрит, успокаивает, делает его веселым или агрессивным, увеличивает чувствительность к внешним воздействиям или притупляет ощущения. Цвет – это обширнейшая тема, включающая в себя исследования психологических реакций людей на тот или иной цвет, смысловых значений комбинаций цвета, цветовых кодов и т.п. Так, многие исследователи цветовой семантики с сожалением констатируют, что сегодня мы ее практически не знаем. И наши познания в основном исчерпываются весьма скудными сведениями о том, например, что белый цвет для невест, черный – траурный, а красный – символ революции. Но наши предки воспринимали цвета и их оттенки гораздо тоньше. С самых древних времен цвет завораживал людей. Уже тогда цвету приписывали силу воздействия на человека. По словам В. В. Драгунского, «древние эзотерики, средневековые герметики и современные парапсихологи

– сотни поколений ученых пытались разгадать загадку глубинного влияния цвета на внутреннюю жизнь человеческого микрокосма. Так, древние индусы считали человека «светоносным» («теджаси»), подразумевая под этим фундаментальное единство цветовых энергий тела» [1. С. 4].

Происхождение значения цветов неслучайно. Макс Люшер пишет, что у древних людей жизнь определялась двумя основными факторами – днем и ночью. Это связано с тем, что ночью прекращалась любая деятельность, а день, наоборот, создавал все условия для того, чтобы работать. Следовательно, ночь приносила с собой покой, пассивность, а день – возможность действовать. С этим связаны такие цвета, как ярко – желтый (день) и темно – синий (ночь). Происхождение таких цветов, как красный и зеленый связано с деятельностью первобытного человека [3]. Деятельность первобытного человека представлялась одной из форм: это охота и, следовательно, нападение, либо это защита от нападения. Нападение, покорение – это красный цвет, а самосохранение – зеленый. Исследователь Н. В. Серов учитывает и цвет в истории моды. Например, в Древнем Египте на протяжении тысячелетий лица обоих полов носили преимущественно белые одежды, тогда как женщины (танцовщицы, плакальщицы и др.) – нередко и одежды голубых оттенков. Тела богов и мужчин изображались красно-коричневыми, а богинь и женщин – светло-желтыми. Единственное исключение представлял Осирис – бог плодородия, тело которого на фресках канонически изображалось зеленым. Одежду белого цвета закрепили за собой аристократы. Преобладание белого цвета в одеяниях аристократов античности легко объясняется тем, что таким образом сословие желало подчеркнуть свою исключительность, свободу от физического труда. Ведь заниматься земледелием или скотоводством и сохранить белый цвет одежды невозможно. В Древнем Риме полоса пурпура на тоге свидетельствовала о принадлежности ее владельца либо сословию всадников, либо сословию сенаторов. Одежда, затканная пурпуром была исключительной прерогативой императорской семьи. В крито-микенской культуре (III-II тысячелетие до нашей эры) и, в частности, на прекрасно сохранившихся до наших дней фресках кносского дворца одежда жриц выполнена в голубых тонах. Раскраска тел оказалась также дифференцированной по полу: желтые тела женщин и красные – мужчин. В Древней Иудее голубым оказывается подир, который практически все специалисты по исторической

антропологии связывают, прежде всего, с женским одеянием первых жриц. Красным в Торе характеризуются сугубо мужские одежды воинов Израиля; зеленым же – сыны Израиля, как трава. В Традиционном Китае одежды характеризовались дуалистической системой категорий инь-ян. При этом женственная инь обладала белым, черным, желтым, голубым и пурпурными цветами, тогда как ян – красным, зеленым и фиолетовым. В Древней Индии любимец женщин и самый мужественный творец из мужей Вишну наделялся сине-фиолетовыми тонами, тогда как разрушитель мира Шива (с санскрита – темно-серый) – красными. Богини же преимущественно – белым и черным цветами. Античная Греция наделяла Хаос (божество всех первоначал) серым цветом, бога войны Ареса – красным, бога эмоциональной свободы Диониса – красным, зеленым и фиолетовым цветами. В тоже время богиня изначальной жизни Кибела, как и богиня цикличности Кора изображались в черном, богиня любви Афродита – в светло-золотых тонах и белых одеяниях, богиня мудрости Афина – в желтых [2. С. 467]. Таким образом, цвет является неотъемлемым элементом в культурном контексте моды. Огромнейший интерес представляет цветовой тест Макса Люшера. Человек, сам того не подозревая, сообщает о своих склонностях, тенденциях и скрытых мотивах поведения, просто совершая выбор и предпочитая один из нескольких стимулов. Это позволяет получить огромный объем информации о структуре, динамике и развитии состояний бессознательного человека на разных уровнях (физиологическом, психодинамическом, культурном и др.), а также грамотно выбирать полезный и эффективный режим влияния на организм с целью коррекции психического состояния и самочувствия.

Таким образом, цветовые градации на протяжении человеческой истории не сохраняли своей семантики. Она сильно менялась в зависимости от религиозных, политических или идеологических представлений, господствующих на данный момент в том или ином обществе.

Список литературы

1. Драгунский, В. В. Цветовой личностный тест : практическое пособие. М. : Харвест, 2007. 448 с.

List of literature

1. Dragunskij, V. V. *Cvetovoj lichnostnyj test : praktičeskoe posobie.* M. : Harvest, 2007. 448 s.

2. Серов, Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб : Речь, 2003. 672 с.
3. Шишова, А. Роль цвета в создании имиджа ювелирной компании Tiffany & Co. URL : http://www.taby27.ru/studentamaspirantam/image_wse /imidzhelogija_sdacha_rabot/402.html.
2. Serov, N. V. Cvet kul'tury: psihologija, kul'turologija, fiziologija. SPb : Rech', 2003. 672 s.
3. Shishova, A. Rol' cveta v sozdanii imidzha juvelirnoj kompanii Tiffany & Co. URL : http://www.taby27.ru/studentamaspirantam/image_wse /imidzhelogija_sdacha_rabot/402.html.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОСТАВЕ ПОЛУАНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА “TO GIVE A GLANCE” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Анохина

В статье раскрываются особенности употребления адвербиальных глаголов в рамках конструкции “to give a glance”. Данная конструкция широко распространена в английском языке.

Ключевые слова: адвербиальные глаголы, конструкция, качественная характеристика действия

Для описания качественной характеристики действия употребляются т.н. полуаналитические конструкции с широкозначными глаголами типа *to give* или некоторыми адвербиальными глаголами (*to cast, to shoot, to steal*), и существительными, образованными по конверсии от глаголов.

Качественная характеристика действия передается при этом как самим существительным, так и адвербиальным глаголом, а также препозитивными и постпозитивными определениями в составе данных конструкций. Наиболее частотно в составе подобных структур представлены отглагольные существительные, передающие специфику зрительного восприятия и говорения. Например:

(1) *Mr. Warburton gave him a sharp glance, but the boy was looking down, and their eyes did not meet* (W.S. Maugham).

Подобного рода конструкции, по мнению В.Н. Телия, «вызваны к жизни не только потребностью языка в необходимых для его коммуникативных нужд средствах наименования, но и самой структурой данного языка, а, кроме того, еще и прагматическими факторами» [1. С. 254].

К средствам качественной характеристики действия могут также относиться прилагательные и существительные, которые находятся

в постпозиции. Именно они несут основную информативную нагрузку, выражая тончайшие детали описываемой ситуации и предоставляя информацию о полноте и характере протекания действия, а широкозначный глагол, выступая предикатом, выполняет структурную функцию.

В основе образования отглагольного существительного лежит механизм реификации, суть которого заключается в том, что отглагольное существительное приобретает значение «кванта» действия [2. С. 190]. Маркером единичности или кратности действия выступают неопределенный артикль, числительные и другие квантификаторы. В качестве показателя глагольности в составе таких конструкций обычно употребляются широкозначные глаголы.

В составе данных конструкций вместо широкозначных глаголов могут употребляться адвербиальные глаголы, ингерентно выражающие разнообразную качественную характеристику действия. Это такие глаголы, как *to bear, to breathe, to cast, to dart, to dash, to flash, to inhale, to lance, to shoot, to slant, to steal, to throw* и др. Например:

(2) *She flashed him a surprised look, as if she hadn't expected such frankness; then smiled away again* (J. Fowles).

При использовании адвербиальных глаголов в составе субстантивных сочетаний может наблюдаться редупликация в выражении качественной характеристики действия.

(3) *She stole a quick glance at his profile* (K. Gregory).

В данных примерах в адвербиальных глаголах и отглагольных существительных содержится сходная по своему значению сема «быстро». Подобное употребление конструкций акцентирует внимание на особенности протекания действия, в данном случае профилируется компонент «скорость брошенного взгляда».

Редупликация также имеет место при употреблении адвербиального глагола и существительного, образованного от глагола этой же лексико-семантической группы (ЛСГ).

(4) *Beatrice uttered a little cry and put her hand to her mouth* (D. du Maurier).

За счет повторения идентичных сем конструкция становится тавтологичной, малоинформативной, по этой причине определение к отглагольному существительному носит облигаторный характер, обеспечивая информативность конструкции.

Отглагольные существительные входящие в данную конструкцию, могут быть образованы от адвербиальных глаголов различных

ЛСГ: движения (jump, shake, nod, bow и др.), визуальной семантики (look, stare, notice, glare, glance и др.), ментальных действий (survey, study и др.), говорения (call, yell и др.), мимических действий (chuckle, grin и др.). Например:

(5) *The squaw gave a loud and plaintive yell, dashed the torch to the earth, and buried everything in darkness* (J.F. Cooper).

Данные конструкции подробно описывают обстоятельственные характеристики действия и обладают, по сравнению с глагольной лексемой, более разнообразными сочетаемостными и экспрессивными возможностями. Эта возможность характеристики действия обогащается за счет введения атрибутивных и адвербиальных элементов в структуру конструкций.

Попытка заменить данные конструкции коррелятивными глаголами (to give a withering look – to look, to cast a despairing glance – to glance) приводит к потере экспрессивности, поскольку существительные в составе подобных конструкций передают более тонкие нюансы действия, чем коррелятивные им глаголы.

Таким образом, по сравнению с синонимичными глагольными сказуемыми, глагольно-субстантивные конструкции могут значительно раздвигать возможности характеристики действия для детального его описания. Они обладают значительным семантическим потенциалом для передачи качественной характеристики действия.

Список литературы

1. Телия, В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М. : Наука, 1980. С. 250–320.
2. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 2. Descriptive Application. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1991b. 608 p.

List of literature

1. Telija, V. N. Semantika svjazan-nyh znachenij slov i ih sochetajemosti // Aspekty semanticheskikh issledovanij. M. : Nauka, 1980. S. 250–320.
2. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 2. Descriptive Application. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1991b. 608 p.

Источники

цитируемых примеров

1. Cooper, J.F. The Last of the Mohicans. Moscow : Foreign Lan-

Cited Examples

1. Cooper, J.F. The Last of the Mohicans. Moscow : Foreign Lan-

- Language Publishing House, 1959. 462 p.
2. Fowles, J. The Ebony Tower. Eliduc. The Enigma. Moscow: Progress Publishers, 1980. 246 p.
3. Gregory, K. Christmas Charade / From the Book "Christmas Journeys". Toronto, New York : Harlequin Books, 1994. Pp. 285-376.
4. Maugham, W.S. The Outstation / From the Book "English Story". Vol. 3. Moscow: Manager, 2000. Pp. 229–272.
5. Maurier, du D. Rebecca. London, Sydney: Pan Books Ltd, 1975. 397 p.
- guage Publishing House, 1959. 462 p.
2. Fowles, J. The Ebony Tower. Eliduc. The Enigma. Moscow: Progress Publishers, 1980. 246 p.
3. Gregory, K. Christmas Charade / From the Book "Christmas Journeys". Toronto, New York : Harlequin Books, 1994. Pp. 285-376.
4. Maugham, W.S. The Outstation / From the Book "English Story". Vol. 3. Moscow: Manager, 2000. Pp. 229–272.
5. Maurier, du D. Rebecca. London, Sydney: Pan Books Ltd, 1975. 397 p.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ
СВАРОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

М. В. Аринина

В статье рассматриваются семантический, морфологически и синтаксический способы образования терминов в терминологической системе сварочного производства в английском языке. Представлены наиболее продуктивные синтаксические и морфологические модели образования терминов в указанной терминосистеме.

Ключевые слова: термин, терминообразование, терминология сварочного производства.

В современной лингвистике актуальным направлением исследований является изучение проблемы формирования научной терминологии, систематизации терминологических систем различных отраслей науки и производства, изучение способов образования терминов. В нашей статье мы рассмотрим некоторые продуктивные способы терминообразования в английской терминологии сварочного производства.

Английская терминология сварочного производства является самостоятельной упорядоченной системой, имеет определенную структуру и отражает уровень развития данной отрасли. Под терминами понимаются слова и словосочетания, обозначающие понятия и объекты специальной области знания [1. С. 9]. В отраслевых терминологических системах используются существующие в языке способы и модели словообразования, однако они подчиняются основным требованиям и функциям конкретной терминологической лексики и языка науки в целом [3]. К основным способам образования терминов в английском языке, в том числе в области сварочного производства, относятся морфологический, синтаксический, семантический.

В состав рассматриваемой терминологии входят семантически переосмысленные слова общелитературного языка, используемые в одном из значений (*brittleness* – хрупкость, *arc* – (электрическая) дуга). Для терминологии сварочного производства в английском языке также характерно заимствование терминов или терминоэлементов из других сфер профессиональной деятельности. Так, наряду с узкоспе-

циализированными терминами, английская сварочная терминология включает общетехнические термины, а также химические термины, в основном названия химических соединений, включенные в состав узкоспециализированных терминов сварочного производства. Чаще всего это названия видов сварки: carbon arc welding (дуговая сварка угольным электродом), gas tungsten arc welding (дуговая сварка вольфрамовым электродом в защитном газе). Значительную часть сварочной терминологии составляют термины материаловедения, такие как виды металлов, сплавы и другие свариваемые материалы: wrought iron (кованое железо), mild steel (малоуглеродистая сталь), ferrous metal (черный металл), plastic (пластик). К общетехническим терминам в сварочной терминологии можно отнести accumulator (аккумулятор), alternative current (переменный ток), hertz (герц) и другие.

Рассматриваемая терминология в английском языке включает как однокомпонентные, так и многокомпонентные терминологические единицы. Значительное количество однокомпонентных сварочных терминов в английском языке образовано морфологическим способом. Внутри морфологического способа в рассматриваемой терминологии можно выделить аффиксацию, т.е. образование лексической единицы с помощью префикса, суффикса или одновременно префикса и суффикса.

В английской сварочной терминологии наиболее распространенным суффиксам, участвующим в образовании терминов можно отнести суффиксы *-ing* (*bonding, brazing, refining.*), *-ed* (*welded, shielded, submerged*), *-er* (*filler, laser*), *-tion, -sion* (*deformation, induction, diffusion*), *-ity* (*hardenability, weldability*). *-ment* (*weldment*), *-ance* (*resistance*) *-ic* (*martensitic*). Особенностью английской специальной терминологии является четкая специализация суффиксов, т.е. закрепление их за определенными категориями понятий. В данной терминологии можно выделить следующие категории:

-суффикс *-er* представляет категорию профессий, материалов (*welder* – сварщик, *filler* – наполнитель);

-суффиксы *-ing, -ment* в данной терминологии обозначают категорию процессов и действий (*reconditioning* – восстановление, *reinforcement* – усиление);

-суффиксы *-ed, -less, -able, -ity, -ness* употребляются для обозначения качественных характеристик или свойств материалов или процессов (*welded* – сварной, сваренный; приваренный, *stainless* – нержавеющей, *weldable* – свариваемый, *porosity* – пористость,

susceptibility – восприимчивость, brittleness – хрупкость, ломкость).

В английской сварочной терминологии используются и такие малопродуктивные префиксы как, например, префикс, non- (non-destructive, non-ferrous).

Менее распространенными в рассматриваемой терминологии являются безаффиксные термины, характеризующиеся отсутствием каких-либо аффиксов (flux – флюс, feed – питать). В том числе следует выделить конверсию – образование новой единицы без использования каких бы то ни было словообразовательных аффиксов, но с переходом одной части речи в другую. Примером могут служить такие термины как weld (сварной шов, сваривать), composite (композит, композитный).

В английской сварочной терминологии широко используется такой способ словообразования, как словосложение, т.е. образование нового слова путем соединения основ двух или трех слов (blowpipe, electrosag flux-cored).

Синтаксический способ терминообразования (образование терминов путем словосочетаний различных типов) – один из наиболее распространенных в терминологической системе сварочного производства в английском языке. Наличие большого числа сложных терминов в английском языке, как пишет С.Н. Гореликова, связано с тем, что значение сложного слова более точно специализировано [1. С. 133]. Такие термины относятся к лексически ограниченным словосочетаниям. Среди многокомпонентных терминов можно выделить двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные единицы. Двухкомпонентные термины образуются по следующим структурным моделям:

- 1) Noun + Noun (weldability test – испытание на свариваемость);
- 2) Noun+Prep+Noun (accuracy to size – точность размеров);
- 3) Adj + Noun (thermal spray – нанесение покрытия напылением металла при высокой температуре);
- 4) Adj+Ving (ultrasonic welding – ультразвуковая сварка);
- 5) Verb+Adj (weld overhead – сваривать в верхнем положении, weld autogenously – варить автогеном);
- 6) Ved+Noun (welded joint – сварное соединение);
- 7) Ving+Noun (shielding gas – защитный газ).

Трехкомпонентные единицы образуются посредством комбинации опорного компонента – существительного и двух препозитивных или постпозитивных определений. В английском языке можно выделить следующие модели образования трехкомпонентных сварочных терминов:

1) (NN) N (welder's protective screen – сварочный щиток, weld temperature distribution – распределение температур в сварочной бане, weld splashes protection – защита от брызг (расплавленного металла) при сварке);

2) (Ved N) N (coated metal electrode – металлический электрод с покрытием, **compressed gas cylinder – баллон со сжатым газом, submerged arc welding** – дуговая сварка под флюсом);

3) (Ving N) N (welding electrode holder – электрододержатель);

4) (N Ving) N (pressure indicating head – индикатор давления);

5) (Adj N) N (plain carbon steel – нелегированная углеродистая сталь);

6) (Adj N) Ving (hot pressure welding – сварка давлением с подогревом);

7) (N N) Ving (laser beam welding – лазерная сварка).

Четырех и более компонентные термины менее распространены и чаще всего употребляются для обозначения вида сварки (*gas tungsten arc welding* – дуговая сварка вольфрамовым электродом в защитном газе, **metal inert gas welding** – дуговая сварка плавящимся металлическим электродом в среде инертного защитного газа). В многокомпонентных терминах словообразовательные аффиксы несут определенную информацию, в связи с этим, в образовании терминов сочетаются синтаксический и морфологический способы словообразования.

Еще одним способом образования терминов в английской сварочной терминологии является компрессия, которая используется преимущественно для образования многокомпонентных единиц. В частности, инициальные аббревиатуры – сложения начальных букв слов, входящих в словосочетание. Это могут быть как сокращения из общетехнической терминологии (DC – direct current, ah – amber-hour, accessory – приспособление), так и специальные сварочные термины (NDT (**nondestructive testing**) – **неразрушающее испытание**, AC (arc cutting) – дуговая резка) [7]. Часто это сокращения многокомпонентных терминов, обозначающих виды сварки (MMA (Manual Metal) Arc или MMAW (Manual Metal Arc Welding) – ручная дуговая сварка штучными покрытыми электродами, PAW (Plasma Arc Welding) – плазменная сварка, AAW (air acetylene welding) – ацетилено-воздушная сварка) [4].

Подводя итог, необходимо отметить, что средства словообразования в английской терминологии сварочного производства представляет собой определенную систему. К наиболее продуктивным

способам образования терминов сварочного производства в английском языке относятся синтаксический и морфологический (в частности, суффиксация, конверсия, аббревиация), а также междисциплинарные заимствования.

Список литературы

1. Гореликова, С. Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // Вестник ОГУ. 2002. №6.
2. Кирсанов, У. Англо-русско-английский словарь по сварочному производству. 46000 терминов.
3. Литвиненко, Г. И. Способы словообразования как фактор системности в терминологии (на материале терминов химического машиностроения) // Вестник СумДУ. Серия Филология. 2007. №1. Т.1. 163 с.
4. Райский, В. Г. Международные обозначения сварочных процедур и сварочная терминология. URL : <http://www.intertehno.ru/articles/c4/30/>
5. Электронный словарь ABBY Lingvo 12: Большой англо-русский политехнический словарь. 200 тыс. слов и словосочетаний.
6. Cary, H. B. Modern Welding Technology. NY. : Prentice-Hall, 1998.
7. The world of welding. A quarterly publication of the Hobart Institute of welding technology. 2008. URL : <http://www.welding.org>.

List of literature

1. Gorelikova, S. N. Priroda termina i nekotorye osobennosti terminoobrazovanija v anglijskom jazyke // Vestnik OGU. 2002. №6.
2. Kirsanov, U. Anglo-russko-anglijskij slovar' po svarochnomu proizvodstvu. 46000 terminov.
3. Litvinenko, G. I. Sposoby slovoobrazovanija kak faktor sistemnosti v terminologii (na materiale terminov himicheskogo mashinostroenija) // Vestnik SumDU. Serija Filologija. 2007. №1. T.1. 163 s.
4. Rajsikij, V. G. Mezhdunarodnye oboznachenija svarochnyh procedur i svarochnaja terminologija. URL : <http://www.intertehno.ru/articles/c4/30/>
5. Jelektronnyj slovar' ABBY Lingvo 12: Bol'shoj anglo-russkij politehnicheskij slovar'. 200 tys. slov i slovosochetanj.
6. Cary, H. B. Modern Welding Technology. NY. : Prentice-Hall, 1998.
7. The world of welding. A quarterly publication of the Hobart Institute of welding technology. 2008. URL : <http://www.welding.org>.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕСКРИПТИВНОСТИ И НАРРАТИВНОСТИ

О.А. Малетина

Статья посвящена анализу дескриптивности и нарративности. Мы пытаемся проанализировать различия между двумя типами речевых форм в тексте. Объекты описания включают различные вещи, процессы и т.д. Описание запечатлевает черты объектов и субъектов и оно статично. Повествование описывает последовательность действий и оно динамично. Существуют различные лексические, грамматические и стилистические средства, которые помогают создать повествование и описание.

Ключевые слова: дескриптивность, нарративность, описание, повествование, лингвистические экспликаторы.

Дескриптивность или описание – это композиционно-речевая форма, объектами которой служат предметы, явления действительности, процессы и многое другое. Дескриптивность фиксирует признаки объектов и субъектов действий и состояний, поэтому является преимущественно статичным. Вербальными **маркерами дескриптивности** являются имена прилагательные (rich, light, open, heavy, delicate, Persian, innumerable, honey-sweet, tremulous, fantastic, long, huge, momentary, Japanese, pallid, immobile, sullen, monotonous, dusty, oppressive, dim, distant); **определения, выраженные существительными** и причастиями I и II (summer, pink-flowering, honey-coloured, tussore-silk, flame-like, jade-faced, unmown, gilt, straggling, bourdon), перечисление (odour of roses, wind, the trees of the garden, door, scent of the lilac, perfume of the thorn, saddle-bags, cigarettes, gleam, blossoms of a laburnum, branches, the burden of a beauty, shadows of birds in flight, curtains, window, effect, painters, murmur of the bees, grass, insistence, horns of the woodbine), статичные глаголы (to be filled, to seem, to be stretched, to be):

The studio was filled with the rich odour of roses, and when the light summer wind stirred amidst the trees of the garden, there came through the open door the heavy scent of the lilac, or the more delicate perfume of the pink-flowering thorn.

From the corner of the divan of Persian saddle-bags on which he was lying, smoking, as was his custom, innumerable cigarettes, Lord Henry Wotton could just catch the gleam of the honey-sweet and honey-coloured blossoms of a laburnum, whose tremulous branches seemed hardly able to bear the burden of a beauty so flame-like as theirs; and now the fantastic shadows of birds in flight flitted across the long tussock-silk curtains that were stretched in front of the huge window, producing a kind of momentary Japanese effect, and making him think of those pallid jade-faced painters of Tokio who, through the medium of an art that is necessarily immobile, seek to convey the sense of swiftness and motion. The sullen murmur of the bees shouldering their way through the long unmown grass, or circling with monotonous insistence round the dusty gilt horns of the straggling woodbine, seemed to make the stillness more oppressive. The dim roar of London was like the bourdon note of a distant organ (PDG, p.7).

Нарратив же в отличие от дескриптивности представляет собой последовательность упорядоченных предложений, передающих временную последовательность событий посредством этой упорядоченности. Лингвистическими экспликаторами нарратива являются:

➤ придаточные предложения, соответствующие временной последовательности событий;

➤ структурные компоненты наличия места, времени действия и персонажей:

1) One evening in the spring of 1936, when I was a boy of fourteen, my father took me to a dance performance in Kyoto (M, p. 1).

2) ... he and I were the only Westerners in the audience; we had come from our home in the Netherlands only a few weeks earlier ... (M, p. 1)

3) I wasn't even born in Kyoto. I'm a fisherman's daughter from a little town called Yoroido on the Sea of Japan (M, p. 7).

Элементами **сюжетодвижения в приведенных примерах** является обозначение персонажей (I, a boy of fourteen, he, my father, we, a fisherman's daughter, Westerners), топонимы (Kyoto, Yoroido, the Sea of Japan), определяющие **художественное пространство произведения**, темпоральные указатели (one evening in the spring of 1936, a few weeks earlier), которые вместе с глаголами (to take, to come, to be born) указывают на развитие действия.

Последовательность действий и событий является важной характеристикой нарратива, поскольку это позволяет создавать единое целое – сюжет: история имеет начало, середину и конец. Нарративное упорядочивание идет путем увязывания отдельных событий во

времени, указания последствий, которые одни действия имели для других, связывания событий и действий во временной образ (<http://www.gestaltlife.ru/forum/index.php?showtopic=490>). Повествование или нарратив характеризуется темпоральностью, так как в нем уделяется особенное внимание той последовательности, в которой происходят действия и события. Нарратив является способом постижения времени, выделяя различные моменты во времени и устанавливая связь между ними, он позволяет увидеть смысл в самих временных последовательностях, указывает на финал. Объяснение событий в нарративе дается ретроспективно: с помощью прояснения их значения, вытекающего из последовавших за ними других событий и результатов действия, что позволяет распознавать, как они функционируют в качестве частей целого.

Нарратив обладает следующими функциями:

- *упорядочивающая, информирующая, убеждающая, развлекающая, отвлекающая внимание;*
- *трансформирующая и темпоральная;*
- *основная* («диспетчерские пункты текста», определяющие завязывание сюжетных узлов, либо создавая, либо разрешая напряженную ситуацию: герой совершает выбор) и *вспомогательная* (заполнение промежутков между узлами, создавая в тексте «зоны безопасности, спокойствия, передышки», описывая, как именно какое-то действие было совершено) (http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/courses/narratology.html).

Дескриптивность содержит описание свойств и характерных черт предмета, персонажа, обстановки и т.д. Она не является элементом сюжетодвижения, но помогает автору описать детали, имеющие существенное влияние на восприятие сюжета. Художественное описание внутреннего вида помещений играет важную роль в характеристике героя, в создании атмосферы, необходимой для воплощения авторского замысла (<http://shkola.lv/?mode=lsntheme&themeid=23>):

1) The rooms were comfortably enough furnished. There was a good Brussels carpet on the floor, rich in dull red and lemon shades, and representing large jardinières filled with gorgeous, impossible flowers. There was a large pier-glass mirror between the two windows. A large, soft, green, plush-covered couch occupied one corner, and several rocking-chairs were set about. The whole place was cosy . . . (SC, p. 119)

2) The walls of the rooms were discordantly papered. The floors were covered with matting and the hall laid with a thin rag carpet. One could

see that the furniture was of that poor, hurriedly patched together quality sold by the instalment houses (SC, p. 33).

3) The corridor was lit like an aquarium. Weak neon bounced off green linoleum and green-washed walls. There was the same smell of polish as in the lobby, but here it was spiced with lavatory disinfectant and stale cigarette smoke. Twenty doors of frosted glass lined the passage, some half open. These were investigators' offices (F, p. 12).

4) ... but the entrance was so elegant I was afraid to set foot in it. The walls beyond the little curtain that hung in the doorway were a soft orange hue, trimmed in dark wood. A path of polished stone led to a huge vase holding an arrangement of twisted branches from a maple tree with their brilliant red leaves of fall. Near the vase, a spacious entryway opened to one side, with a floor of coarsely polished granite (M, p. 92).

Мебель и внутреннее убранство отражают вкусы, привычки, пристрастия персонажей, и тем самым выполняют характерологическую функцию. Первый пример – это описание квартиры Керри. Оно состоит из прилагательных (enough, good, Brussels, rich, dull, red, **lemon, large, gorgeous** (эпитет), **impossible, soft, green, cosy**) и параллельных конструкций (**there was**), **которые подчеркивают, что хозяйка этой квартиры обладает хорошим вкусом**. Здесь упоминается, что у Керри имеется несколько кресел-качалок. Керри очень любила сидеть в кресле-качалке и думать, мечтать, размышлять. Видимо автору очень нравится квартира героини, поэтому он использует такое количество определений и перечисление. Читатель, следуя за взглядом героини, регистрирует разные характеристики предмета в определенном порядке – то есть в данном случае в беспорядке. Во втором примере дается описание квартиры Минни. В этом примере отмечается использование очень маленького количества прилагательных (thin, rag, poor), что свидетельствует о бедности Минни и о том, что ее совсем не интересует интерьер квартиры, и она не стремится внести в него какие-либо изменения; здесь также присутствуют параллельные (пассивные) конструкции в первых двух предложениях. С помощью интерьера автор показывает значительные изменения, которые происходят с персонажами за определенный промежуток художественного времени. В третьем примере дается описание места, где находятся комнаты следователей: сравнение (like an aquarium), прилагательные (weak, green, green-washed, same, stale), а также существительные в качестве определения (lavatory, cigarette), причастие II (**frosted**). **Вышеперечисленные средства соз-**

дают негативный образ, вызывают у читателя неприятное ощущение и страх оказаться в данном учреждении.

Основной функцией дескриптивности является фиксация признаков объектов и субъектов действий и состояний:

1) 'But I believe the apprentice geisha of Gion is perhaps the most brilliant coloured primate of all (M, p. 193)!'

2) 'I can see you have a great of water in your personality. Water never waits. It changes shape and flows around things, and finds the secret paths no one else has thought about – the tiny hole through the roof or the bottom of a box. There's no doubt it's the most versatile of the five elements. It can wash away earth; it can put out fire; it can wear a piece of metal down and sweep it away. Even wood, which is its natural complement, can't survive without being nurtured by water (M, p. 144)'.

В русском языке слово «**primate**» имеет значения «**примат, архиепископ**» (primate – any animal belonging to the same group as humans, which includes monkeys and apes; the name in some religions or churches for a priest of the highest rank in a particular region or country [NWD]). Ученица гейши называется раскрашенным приматом с целью привлечь внимание читателя к необычному виду, который вызывает удивление и ассоциацию с обезьянами, любящими все блестящее и яркое. Во втором примере в характере героини присутствует такая черта, как вода (water – the clear liquid that falls as rain and is used for such things as drinking and washing [NWD]), что говорит читателю о том, что Саури – сильная, стойкая, нетерпеливая, энергичная. Вышеприведенные примеры содержат информацию о гейше (описание через метафору) и ее характере, и это описание статично, поскольку фиксирует лишь признаки.

Итак, в повествовании событие предстает в его временном развитии, что раскрывает основное сюжетное содержание художественного произведения, то есть в его основе находится какая-либо событийная ситуация, которая связана с сюжетом произведения. Динамика сюжетного развития определяет акциональный характер повествования, так как события и действия изображаются в последовательном развитии, в темпоральной соотнесенности (Кухаренко 1988). Как правило, в повествовании излагаются развивающиеся действия, события и состояния, делающие его акциональным, динамичным. В повествовании изображаются ситуации, которые происходят в определенный момент времени, и регулярные, которые периодически повторяются: маркеры единичных событий – обстоя-

тельства времени (one afternoon); маркеры регулярных событий – наречия рекурентности (**from time to time, frequently, sometimes**), обстоятельства времени (most mornings, twice a month, for the past few months, during the week, nearly seven days of the week, for ten years):

1) I run here most mornings (F, p. 5).

2) It happened twice a month – derelicts and failed businessmen, reckless kids and lovelorn teenagers; accidents and suicides and murders; the desperate, the foolish, the sad (F, p. 8).

3) For the past few months he had slept badly (F, p. 8).

4) ... during the week, breakfast was just about the only time he saw them (F, p. 9).

5) March had been coming here, nearly seven days of the week, for ten years. As his ex-wife had frequently complained, it had become more familiar to him than home (F, p. 11).

6) ... she could sometimes restore dramatic situations ... (SC, p. 186)

7) ... she had been moved to secretly imitate it, and many were the little movements and expressions of the body in which she indulged from time to time in the privacy of her chamber (SC, p. 186).

8) Then one afternoon I was sitting on the pitted floor of our dark front room, singing to a cricket I'd found that morning ... (M, p. 11)

Повествование сообщает адресату о развивающихся действиях, что позволяет получить информацию о том, что герои делали, куда ходили:

1) Into this important commercial region the timid Carrie went. She walked east along Van Buren Street through a region of lessening importance ... (SC, p. 38)

2) March, a cup of black coffee in either hand, retreated to his office and slammed the door behind him as loudly as he could with his foot (F, p. 14).

Маркерами повествования в этих примерах являются обозначение персонажей (March, Carrie), указание места, где происходило событие (Van Buren Street, office), употребление акциональных глаголов (to go, to walk, to retreat, to slam), стилистическая инверсия (обстоятельство «into this important commercial region» стоит перед подлежащим «Carrie»).

Поскольку основная сюжетная нагрузка приходится на повествование, то оно может быть развернутым (цепочка предложений со значением развивающихся действий) и неразвернутым (одно повествовательное предложение). Развернутое повествование представляет

целое контекстуальным сообщением, содержащее ряд последовательных действий (to leave, to see, to run, to inform, to return, to wait):

At 05.30 this morning, I left for my regular training run. I prefer to run alone. My normal route takes me west through the Grunewald Forest to the Havel, north along the lakeshore to the Lindwerder Restaurant, then south to the barracks in Schlachtensee. Three hundred metres north of the Schwanenwerder causeway, I saw an object lying in the water at the edge of the lake. It was the body of a male. I ran to a telephone half a kilometre along the lake-path and informed the police. I returned to the body and waited for the arrival of the authorities. During all this time it was raining hard and I saw nobody (F, p. 14).

Неразвернутое повествование в форме отдельной реплики в диалоге или в микротематическом контексте выполняет роль введения к описанию или рассуждению:

1) March leaned back in his chair and studied the young man as he signed his statement. There were no hard lines to his face. It was as pink and soft as a baby's, with a clamour of acne around the mouth, a whisper of blond hair on the upper lip. March doubted if he shaved (F, p. 15).

2) Jost shook his head. 'Nothing. I swear.' Tears were welling in his wide, pale eyes (F, p. 17).

3) 'I guess I better go', she said, offering to rise, but Thérèse held out a detaining hand (AF, p. 84).

В первом примере неразвернутое повествование выполняет роль введения перед описанием, а во втором примере – перед диалогом в третьем примере – слова автора в диалоге. Динамика действия в повествовании выражается с помощью глаголов со значением последовательности действий, изменения временного плана.

Что касается дескриптивности, то она также может быть развернутой (описание группы признаков) и неразвернутой (описание одного признака). Развернутое **описание представляет целое контекстуальным сообщением, содержащее ряд признаков** (a roundness of figure; fair, with a warm, whiteness; waving blonde hair, abundant coil on top of her head, a pretty sweep from the temples; the low forehead and nape of white neck; her eyes were blue, as certain gems are; they were intense only with expectancy and the colour was in her cheek like the blush in a shell), характеризующих объект описания:

Thérèse was of a roundness of figure suggesting a future of excessive fullness if not judiciously guarded; and she was fair, with a warm, whiteness that a passing thought could deepen into colour. The waving blonde

hair, gathered in an abundant coil on top of her head, grew away with a pretty sweep from the temples, the low forehead and nape of white neck that showed above a frill of soft lace. Her eyes were blue, as certain gems are; that deep blue that lights, and glows, and tells things of the soul. When David Hosmer presented himself, they were intense only with expectancy and the colour was in her cheek like the blush in a shell (AF, p.7).

Неразвернутое описание может вкрапываться в повествование или рассуждение:

1) Mrs. Lafirme, a clever enough business woman, was moved by undue haste to give her answer (AF, p. 9).

2) 'I really can't see any resemblance between you, with your rugged strong face and your coal-black hair, and this young Adonis, who looks as if he was made out of ivory and rose-leaves. Why, my dear Basil, he is a Narcissus, and you – well, of course you have an intellectual expression, and all that. But beauty, real beauty, ends where an intellectual expression begins. Intellect is in itself a mode of exaggeration, and destroys the harmony of any face. The moment one sits down to think, one becomes all nose, or all forehead, or something horrid. Look at the successful men in any of the learned professions. How perfectly hideous they are! Except, of course, in the Church. But then in the Church they don't think. A bishop keeps on saying at the age of eighty what he was told to say when he was a boy of eighteen, and as a natural consequence he always looks absolutely delightful. Your mysterious friend, whose name you have never told me, but whose picture really fascinates me, never thinks. I feel quite sure of that. He is some brainless, beautiful creature, who should be always here in winter when we have no flowers to look at, and always here in summer when we want something to chill our intelligence (PDG, p. 9).'

Таким образом, сравнительный анализ дескриптивности и нарративности показал следующее:

	Вид	Функция	Свойство
ДЕСКРИПТИВНОСТЬ	композиционно-речевая форма	фиксация признаков объектов и субъектов действий и состояний	статичность

НАРРАТИВ-НОСТЬ	композиционно-речевая форма	сообщение о развивающихся действиях и состояниях в темпоральном развитии	акциональность, динамичность
-----------------------	-----------------------------	--	------------------------------

Итак, дескриптивность, являясь наряду с повествованием композиционно-речевой формой, отличается от нарративности своими функциями и свойствами, поскольку дескриптивность не акциональна и не глагольна.

**Список названий
использованных сокращений**

1. AF – Chopin, K. At Fault. New York : Penguin Books, 2002.
2. SC – Dreiser, Th. Sister Carrie. Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1968. 594 p.
3. M – Golden, A. Memoirs of a Geisha. New York : A Division of Random House, Inc., 2006. 502 p.
4. PDG – Wilde O. The picture of Dorian Gray. London : Penguin Books, 1994. 256 p.
5. F – Harris R. Fatherland. London : Arrows Books, 2008. 386 p.
6. NWD - New Webster's Dictionary. Delhi : Surjeet Publications, 1988. 1824 p.

**ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕЯЗЫКОВОЙ И ПОДЪЯЗЫКОВОЙ
АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛЬНО-НАРЕЧНЫХ
СОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Е. Н. Морозова

Статья посвящена проблеме семантики глагольно-наречных сочетаний в английском языке. В работе рассматриваются особенности языковой и подъязыковой актуализации их лексико-семантических вариантов. Также представлены результаты, полученные в ходе исследования лексико-семантических вариантов в подъязыках художественной литературы, медицины, компьютеров и информационных технологий, права и прессы.

Ключевые слова: глагольно-наречное сочетание, семантика, лексическая единица, лексико-семантический вариант, подъязык.

Основополагающим в современной лингвистике является принцип системного подхода к изучению языка, позволяющий выделить определённые наборы элементов языка, которые связаны системными отношениями и образуют определённые подсистемы, представляющие собой часть соответствующего уровня языка [9]. Системное изучение языка даёт возможность перейти «от простого описания непосредственно наблюдаемых фактов к их классификации, а далее <...> к познанию глубинных свойств объекта и принципов его организации» [10. С. 8].

Лингвистами неоднократно подчёркивалась важность изучения языка и его отдельных элементов как системы. В.В.Виноградов указывал, что слово является системой сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединённых форм, из которых каждая связана со строго определёнными, оправданными структурой языка контекстами употребления. Все формы слова связаны в одно целое и представляют собой соотносительные звенья единой смысловой структуры [4].

Язык, активно реагируя на все изменения в жизни общества, наследует свой материал от предшествующих эпох, подчиняет его новым задачам выражения или вводит новые единицы, в том числе и лексические. Исследование лексического состава языка как системы

представляет трудность в силу его неоднородности, многомерной природы лексических единиц, огромных возможностей сочетаемости слов, существования подсистем в системе языка и речи, оказывающих взаимное влияние друг на друга. В своей работе «Лексика русского языка и принципы её описания» П.Н.Денисов отмечал, что лексика представляет «в большей мере связанную между собой систему систем, чем единую систему» [5. С. 52].

Одной из задач современного языкознания является изучение проблем семантики языковых единиц лексико-семантической системы языка и системных отношений между её элементами. Проблема значения слова уже давно привлекает внимание исследователей в разных областях – языкознании, философии, психологии, логике. Но она особенно актуальна в современной общей и прикладной лингвистике в связи с постановкой и решением ряда важных теоретических и практических задач. В работах, посвящённых этой теме, семантика изучается как явление системы языка с учётом всего набора значений и их возможной реализации в текстах.

Семантика лексических единиц является предметом исследования ряда лингвистических школ и направлений как у нас в стране, так и за рубежом. Общим вопросам значения слова посвящены работы К. А. Аллендорфа [1], Дж. Лайонза [15], Ст. Ульмана [16] и других. Неизменный интерес лингвистов вызывают проблемы, связанные с лексическим значением полисемантических слов. Различные подходы к проблеме структуры значения многозначных слов определены в работах, написанных в последние десятилетия [2; 12; 14].

Нужно заметить, что многими зарубежными и отечественными лингвистами, исследовавшими лексику английского языка, неоднократно изучались многозначные комплексы, состоящие из глагола и второго компонента (предлога или наречия) [3; 6; 7; 13]. В связи с неоднозначностью в определении их статуса эти комплексы получили в лингвистике разные названия: комплексные, фразовые, двусловные, составные глаголы, сочетания глагола с частицей, глагольно-постпозитивные образования, глагольно-наречные сочетания (это название мы используем в нашем исследовании) и др. Актуальность проблемы изучения глагольных комплексов состоит в том, что они являются характерной чертой английского языка, поскольку занимают значительное место в его лексике (более 3000 из них зафиксированы словарём *Collins Dictionary of Phrasal Verbs* и более 5000 – словарём *Longman Phrasal Verbs Dictionary*) и широко используются в

языке и речи благодаря развитой полисемии как самого глагола, так и второго компонента (представлены практически в каждом функциональном стиле языка).

Несмотря на многочисленные исследования в области глагольных комплексов, их семантика ещё недостаточно изучена. В частности, не получил научного освещения вопрос функционирования словозначений глагольных сочетаний. Поэтому определённый интерес вызывает исследование различных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) глагольно-наречных сочетаний (ГНС), анализ их представленности в языке в целом и в отдельных его подсистемах, или подъязыках, в частности, с целью определения особенностей функционирования ГНС. Нами была предпринята попытка изучить характер взаимодействия ЛСВ в семантической структуре ГНС в разных подъязыках, проследить, как они накладываются на общую структуру системы языка и выявить возможные изменения словозначений ГНС, которые могут иметь место в языке, отдельном подъязыке в тот или иной период времени.

Мы разделяем точку зрения Потарчук Г. Я., которая утверждает, что «обладая системным характером, язык на всех уровнях своей структуры подчиняется общим диалектическим законам, определяющим функционирование любой системы и её компонентов и предусматривающим наряду с интеграцией элементов дифференциацию их функций» [11. С. 2], что в конечном итоге приводит к тому, что в определённом подъязыке лексические единицы ведут себя по-разному. Подобные различия могут касаться степени реализации семантической структуры в том или ином подъязыке по сравнению со степенью её реализации в языке вообще или изменения самой семантической структуры.

Нельзя не согласиться с точкой зрения М. П. Ивашкина о том, что изменениям в структуре языка предшествует изменение в речи [8]. Поэтому для изучения языковых явлений необходимо, с одной стороны, обращаться к лексикографическим справочникам, которые отражают результаты многовекового функционирования языка в различных сферах общения, а с другой стороны, рассматривать речевую реализацию того или иного явления в конкретной сфере общения, или подъязыке.

Исследуя глагольно-наречные сочетания в общеязыковом плане и выбранных нами подъязыках авторской и диалогической речи, медицины, информационных технологий, права и прессы, мы проводили

анализ их словозначений, используя общие и специальные лексикографические справочники. Разделяя мнение М. П. Ивашкина о том, что «подъязыки обладают диалектически противоречивым свойством быть одновременно не только источником инноваций для речи индивида и языка в целом, но и своеобразными хранителями преемственности ближайших исторических отрезков» [8. С. 48], мы обратились к крупным текстовым массивам из английских и американских художественных произведений, учебников и учебных пособий, газет, технических описаний и журналов, правовых документов (как английских, так и американских), ограниченных хронологическими рамками: 2-ая половина XIX века – XX век, т.е. исследовали глагольные сочетания через проведение трёх синхронических срезов.

В ходе нашего исследования мы проводили семантический анализ глагольно-наречных сочетаний в общезыковом и подъязыковом плане. Сначала мы наблюдали за представленностью (т.е. реализацией) всех ЛСВ глагольно-наречных сочетаний в исследуемых подъязыках, далее определяли представленность всех ЛСВ в каждом подъязыке, после чего проводили анализ отдельного ЛСВ глагольно-наречного сочетания в исследуемых подъязыках.

Нашему анализу подверглись 397 ГНС, реализованных не менее, чем в четырёх подъязыках. Из них 158 (39%) отмечены во всех исследуемых подъязыках и представляют собой устойчивый лексический слой. К ним относятся, например: *bring about*, *cut down*, *get on*, *go back*, *leave off*, *pass over*, *point out*, *set up*, *take away* и др. Наряду с этим выделяется группа из 8 ГНС, представленных лишь в одном подъязыке, что указывает на узкоспециализированный характер их употребления. Так, *log in*, *log on* «входить в систему», *print out* «распечатывать» употребляются только в подъязыке информационных технологий, *deliver up* «официально передавать», *enter up* «приобщать к делу» – в подъязыке права, *bid up* «набавлять цену», *play down* «преуменьшать» – в подъязыке прессы, *peel off* «лупиться, шелушиться» – в подъязыке медицины и являются абсолютно специфическими единицами.

В результате проведённого статистического анализа нами были выявлены глагольные сочетания, которые можно отнести к области «сквозной» лексики, поскольку они характерны практически для каждого из исследуемых подъязыков в текстах каждого из трёх синхронических срезов: *come back*, *find out*, *look back*, *make up*, *take up*.

ГНС, подобно полисемантическим глаголам, могут иметь от 2 до 20 и более ЛСВ. Исследовав 1743 ЛСВ глагольно-наречных сочетаний,

мы обнаружили, что 130 (7,4 %) из них встречаются во всех подязыках и составляют нейтральный слой лексики. Среди них, например: «отказаться» (*give up*), «указывать» (*point out*), «выбрасывать» (*throw away*), «возвращаться» (*go back*), «входить» (*come in*), «основывать, учреждать» (*set up*) и др. ЛСВ, отмеченными в каждом исследуемом нами подязыке в текстах каждого синхронического среза являются следующие: «вспоминаться», «возвращаться» (*come back*), «выяснить» (*find out*), «обращаться к прошлому» (*look back*), «составлять», «восполнять» (*make up*), «отнять (время)», «заняться чем-либо» (*take up*), они представляют собой неспецифические единицы.

Некоторые ЛСВ одного ГНС с достаточно высокой представленностью (реализацией в исследованных подязыках) являются специфичными для одного или более подязыков, тогда как другие ЛСВ этого же ГНС не проявляют специфичности для определённых подязыков. Например, ЛСВ «рассмотреть (вопрос и т.п.)» глагольно-наречного сочетания *take up* тяготеет к подязыку прессы и права, т.е. достаточно специфичен для данных подязыков, в то время как для подязыков авторской и диалогической речи, информационных технологий и медицины он не характерен.

Известно, что словарный состав языка постоянно пополняется в связи с изменениями, происходящими в научно-технической, экономической, политической и других сферах общественной жизни. Так, например, с развитием компьютерных технологий в XX веке появились значения следующих ГНС: *back up* – «резервировать (данные)», *pop up* – «высвечиваться на экране», *write out* – «выполнять контрольное считывание». Наблюдения показывают, что происходит и обратный процесс, когда некоторые ЛСВ глагольно-наречных сочетаний утрачиваются. Отмеченные в текстах XIX века словозначения «отклонять (парл.)» (*throw out*), «подхватить (мотив, лозунг)» (*take up*), «улучшаться (о делах, деловой конъюнктуре)» (*look up*) не наблюдаются в текстах XX века.

Результаты, полученные в ходе нашего исследования, позволяют сделать вывод о том, что степень реализации семантической структуры глагольно-наречных сочетаний в языке вообще и в том или ином подязыке в разные исторические эпохи может быть различной, что может выражаться в её сужении, т.е. реализации ограниченного набора словозначений, сохранении семантической структуры в полном объёме или расширении, т.е. появлении новых лексико-семантических вариантов или новых оттенков уже существующих ЛСВ.

Список литературы

1. Аллендорф, К. А. Значение и изменение значений слов. Учён. зап. Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков им. М.Тореза. Т. 32. М., 1963. С. 3–171.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
3. Баханская, Т. А. Развитие подсистем английских префиксальных глаголов и глагольно-наречных сочетаний типа *to overcome* – *to come over* : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2001. 183 с.
4. Виноградов, В. В. О формах слова. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Вып. I. Т. 3. М., 1944. С. 31-44.
5. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы её описания. М., 1980. 253 с.
6. Долгина, Е. А. Фразовые глаголы в языке и речи : дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 147 с.
7. Ивашкин, М. П. Переходные процессы и зоны в сфере функционирования глагольно-наречных сочетаний типа *come up*, *rule in* в современном английском языке : дис. ... докт. филол. наук. Горький, 1988. 506 с.
8. Ивашкин, М. П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке. М., 1988. 171 с.
9. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. 229 с.
10. Кубрякова, Е. А. О понятиях языковой системы и структуры

List of literature

1. Allendorf, K. A. Znachenie i izmenenie znachenij slov. Uchjon. zap. Mosk. gos. ped. in-ta inostr. jazykov im. M.Toreza. T. 32. M., 1963. S. 3–171.
2. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka. M., 1999. 896 s.
3. Bahanskaja, T. A. Razvitie podsystem anglijskich prefiksalnyh glagolov i glagol'no-narechnyh sochetanij tipa *to overcome* – *to come over* : dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2001. 183 s.
4. Vinogradov, V. V. O formah slova. Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jaz. Vyp. I. T. 3. M., 1944. S. 31-44.
5. Denisov, P. N. Leksika russkogo jazyka i principy ejo opisanija. M., 1980. 253 s.
6. Dolgina, E. A. Frazovye glagoly v jazyke i rechi : dis. ... kand. filol. nauk. M., 1991. 147 s.
7. Ivashkin, M. P. Perekhodnye processy i zony v sfere funkcionirovanija glagol'no-narechnyh sochetanij tipa *come up*, *rule in* v sovremennom anglijskom jazyke : dis. ... dokt. filol. nauk. Gor'kij, 1988. 506 s.
8. Ivashkin, M. P. Sinhronno-diahronicheskiy analiz perehodnyh processov v anglijskom jazyke. M., 1988. 171 s.
9. Kolshanskij, G. V. Sootnoshenie sub#ektivnyh i ob#ektivnyh faktorov v jazyke. M., 1975. 229 s.
10. Kubrjakova, E. A. O ponjatijah jazykovoju sistemy i struktury jazy-

языка. / В кн.: Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 8–116.

11. Потарчук, Г. Я. Семантическая структура английских существительных в подъязыках техники : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1989. 16 с.

12. Уфимцева, А. А. Семантика слова (особенности глагольной номинации) / Аспекты семантических исследований / Отв. ред. В.А.Звегинцев. М., 1981. С. 369–495.

13. Hiltunen, R. The Decline of the Prefixes and the Beginning of the English Phrasal Verb. Turku, 1983. 251 p.

14. Leech, G. N. Semantics. London : Penguin Books, 1974. 386 p.

15. Lyons, J. Semantics. London, 1977. 371 p.

16. Ullmann, S. The Principles of Semantics. Oxford, 1959. 346 p.

ka. / V kn.: Obwee jazykoznanie: Vnutrennjaja struktura jazyka. M., 1972. S. 8–116.

11. Potarchuk, G. Ja. Semanticheskaia struktura anglijskih suwestvitel'nyh v pod#jazykah tehniki : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Odessa, 1989. 16 s.

12. Ufimceva, A. A. Semantika slova (osobennosti glagol'noj nominacii) / Aspekty semanticheskikh issledovanij / Otv. red. V.A.Zvegincev. M., 1981. S. 369–495.

13. Hiltunen, R. The Decline of the Prefixes and the Beginning of the English Phrasal Verb. Turku, 1983. 251 p.

14. Leech, G. N. Semantics. London : Penguin Books, 1974. 386 p.

15. Lyons, J. Semantics. London, 1977. 371 p.

16. Ullmann, S. The Principles of Semantics. Oxford, 1959. 346 p.

КАВЫЧКИ КАК СРЕДСТВО КОННОТИРОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ

Т. Р. Ходжаян

В статье рассматриваются случаи неконвенционального модализирующего использования кавычек, которое имеет место для выражения стилистических оттенков значения; в тех случаях, когда пишущий хочет выразить определенное мнение, свое отношение; когда кавычки служат сигналом для изменения коммуникативного статуса.

Ключевые слова: пунктуация, (не)конвенциональное использование кавычек, модализирующие кавычки, смысловое наполнение, эмоциональное наполнение, оценка, коннотативное значение, стиль, окказионализмы.

Самое раннее использование кавычек (лат. *signum citationis*; нем. *Anführungszeichen, Hasenöhrchen, Gänseaugen, Gänsefüsschen*) приписывается гуманисту эпохи Ренессанса из Майленда Франческо Филелфо, который в *Orationes et opuscula* Аристотеля, изданного им приблизительно в 1484 году, использовал для выделения цитат наклонно расположенные двойные штрихи с левой стороны каждой строчки. Затем кавычки использовались для обозначения прямой речи и цитирования, но вначале скорее нерегулярно и наряду с альтернативными средствами, такими как двоеточие и курсив. Лишь начиная с 18-го века Петер фон Поленц¹ констатирует регулярное, а с 19-го века их нормативное использование в качестве средств пунктуации и соответственно как средство отметки особых замечок, видимо потому что кавычки в этой своей функции появились вначале именно в литературоведческих трудах в части, отведенной для особых замечок. Однако уже в литературе Барокко кавычки стали употребляться и для других целей. Они уже выделяли особо важные пассажи в тексте, даже если это не были цитаты. С тех пор, как первая функция кавычек стала конвенциональной и нормативной, они стали широко использоваться в письменной речи.

Известно, что в настоящее время кавычки употребляются для передачи прямой речи и при цитировании, для выделения заголовков и

названий произведений, названий газет и пр., а также идиоматических выражений и пословиц. В подобных случаях кавычки не имеют дополнительных значений. Использование конвенциональных кавычек подчиняется нормативным предписаниям. Отсутствие кавычек при передаче чужой речи рассматривается как орфографическая ошибка или как плагиат.

Однако имеют также место случаи неконвенционального использования кавычек, когда с их помощью выражаются дополнительные смыслы. В. Клемперер и Теодор В. Адорно характеризуют кавычки, не имеющие отношения к нормам пунктуации, как «иронические кавычки»². П. Поленц отмечает, что использование кавычек не носило вначале систематически кодифицированного характера и не заключало в себе многообразных прагматических функций, которые имеют кавычки в настоящее время³.

Мотивом и целью применения модализирующих кавычек является невербализованный сигнал (Клокоу называет его *Remedium*), который воздействует в следующих направлениях:

1. Пишущий указывает на то, что он использует выражение в критическом и небуквальном смысле. Он считает маркирование выражения важным в информационном плане и заключает его для читателя в кавычки;

2. Посредством кавычек он склоняет читателя не делать тех выводов, которые он сделал бы из немаркированного выражения;

3. Взятое в кавычки выражение, маркированное необычным образом, соответственно оказывается использованным необычным образом⁴.

Следует добавить, что маркирование выражения является всегда временным, часто индивидуальным, и как правило, не фиксировано в словарях в таком виде и значении⁵.

При помощи кавычек можно выделять, подчеркивать слова из текста или части текста и в определенных случаях дать понять, что в отношении них пишущий имеет определенное мнение, свое отношение или, что он на них ссылается, например:

- Fast jeder gegnerischen Mannschaft unterstellt Hoeneß in den Wochen der Vorbereitung, sie wolle seine Stars kaputttreten. Und der Vorstandsvorsitzende Karl-Heinz-Rummenigge machte sogar eine „Hassstimmung“ gegen den Club aus⁶.

Кавычки указывают в данном контексте прежде всего на дистанцирование пишущего от цитируемого слова или выражения, а также

на то, что слово в этом контексте выделяется, поскольку для пишущего оно ввиду каких-то обстоятельств показалось особенно важными. Человек, выбравший для оценки создавшейся ситуации слово *Hassstimmung*, явно возмущен и не скрывает своих чувств, и реципиент улавливает это настроение, поскольку пишущий взял это слово в кавычки, и тем самым выделил его. Слово, взятое в кавычки, выделяется и получает особенно сильное эмоциональное наполнение, поскольку сам пишущий выступает в роли стороннего наблюдателя. Это противопоставление, с одной стороны, эмоционального отношения (в вышеприведенном случае – гнева) того, кто употребил вначале слово *Hassstimmung*, и, с другой стороны, трезвого отношения к происходящему пишущего, способствует наращиванию смысла у слова *Hassstimmung*, взятого в кавычки. Наращивание смысла происходит на основе таких компонентов коннотативного значения как эмотивность, оценочность, образность, экспрессивность.

Часто при помощи кавычек выражается явная ложь и неверие в правдивость высказывания, вследствие чего возникает коннотативное значение ««гнев», «возмущение», например в следующем контексте:

- Die Chinesen sind höflich, immer versichern sie ihren guten Willen, versprechen, dass alles besser werde. Sie versprechen es nicht einfach so, nein, Ministerpräsident Wen Jiabao legte vor Angela Merkel sogleich ein „feierliches Versprechen“ ab, die Rechte am geistigen Eigentum zu schützen. [...] Sehr schön und beeindruckend soll auch die Rede der chinesischen Vizehandelsministerin Ma Xiuhong im Berliner Wirtschaftsministerium am 12. März gewesen sein. [...] und selbst Doris Möller, Leiterin der Anti-Piraterie-Stelle des deutschen Handels, dachte danach: toll, was die so vorhaben.

Wenn sie es denn wirklich tun⁷.

Кавычки в выражении *feierliches Versprechen* указывают на то, что данное обещание было с самого начала ложью и выражают коннотативное значение «гнев, возмущение».

В отличие от конвенциональных кавычек использование модализирующих кавычек не предписано никакими правилами. Маркировка модализирующими кавычками полностью зависит от автора и является сигналом для изменения коммуникативного статуса и коннотативной значимости выделенного слова или выражения, например:

- Dann wäre dem bestimmt vielbeschäftigten „Chef“ des ältesten katholischen Ordens auch nicht entgangen, dass gerade seine Ordensbrüder in Deutschland überhaupt keine Berührungängste mit dem Buddhismus

haben. Benediktische Ordensbrüder lassen sich zu autorisierten Zen-Meistern ausbilden und lehren in eigenen Meditationszentren⁸.

Слово *Chef*, взятое в кавычки, указывает на негативное отношение автора этих строк к работе главы католического ордена, члены которого изучают буддизм и даже перенимают некоторые его элементы. При помощи кавычек автор дистанцирует себя от конвенционального значения использованного им слова *Chef*, подталкивает читателя на то, чтобы он воспринял дополнительное модализирующее значение, которое он вложил в него. Таким образом, происходит наращивание дополнительного смысла для использованного слова или выражения, взятого в кавычки. Нарращивание смысла, достигаемое при помощи использования кавычек, мы имеем и в следующем контексте:

- Doch, was ist ein Strafraumen von fünf bis acht Jahren Haft für Massenmörder im Vergleich mit einer Höchststrafe von zehn Jahren für deren Strohmänner, wenn sie sich „nur“ der Geldwäsche schuldig gemacht haben? Warum hat die kolumbianische Justiz mehr als vier Jahre benötigt, ehe Mitte März ein erster Paramilitär mit dem Nom de guerre „El loro“ (Der Papagei) verurteilt wurde?⁹

Кавычки в слове *nur* выполняют в данном контексте две функции. Во-первых они указывают на дистанцированность автора от аргумента, приводимого защитой преступников, виновных в массовых убийствах, о том, что их подзащитные виновны лишь в отмывании денег, но никак не в убийствах. Во-вторых, при помощи кавычек производится модализация приводимого аргумента, выражается отрицательное отношение автора статьи к подсудимым.

Кавычками маркируются также необычные для данного функционального стиля слова и выражения, используемые для воссоздания соответствующей повествованию атмосферы, например:

- Das Verfahren lief zwar perfekt, brachte 15 Millionen Euro ein, doch Proyer will sie „inständig gebeten“ haben, so etwas nie wieder zu tun; das sei die letzte Ermahnung¹⁰.

Выражение „inständig gebeten“ является отклонением от нормы использования лексических единиц в функциональном стиле прессы. В подобных случаях имеет место стилистическая коннотация.

При помощи кавычек можно выразить и ироническое отношение к высказываемому, например:

- Professionell wie nie zuvor schlagen die Israelis die Medienschlacht. Sie wissen: Die angereiste Weltpresse braucht Stoff. Den erhalten sie in Sderot, wo das Außenministerium ein „Mediumzentrum“ eröffnet hat.

Dort warten Kaffee und Kuchen und die israelischen Opfer der palästinensischen Raketenangriffe. Minister stehen bereit, sprechen Kommentare in die Kameras. Zwischendurch flüchtet man gemeinsam in den Schutzraum¹¹.

Автор статьи выражает иронию по поводу созданного информационного центра для журналистов, поскольку он не служит своему предназначению – дать наиболее полную картину происходящего. Здесь, по мнению автора статьи, делается все, чтобы отвлечь внимание журналистов и не дать им те сведения, ради которых они прибыли на место военных действий. Чтобы выразить иронию, автор использует кавычки в слове *Mediumzentrum*.

Рассмотрим другой контекст:

- Seit Kriegsausbruch wirkt Israels Presse erstaunlich zahm. Patriotismus scheint auch für Reporter die erste Bürgerpflicht zu sein. Da wird sich um „unsere Helden“ gesorgt, die in den kalten Nächten frieren könnten, das Fernsehen zeigt Militärvideos. Der Zuschauer blickt durch Nachsichtgeräte und Zielfernrohre¹².

В данном случае выражение *unsere Helden*, взятое в кавычки, указывает на то, что автор дистанцирует себя от такой положительной оценки, которую дают солдатам израильской армии и их действиям израильские средства массовой информации, более того, он весьма скептически относится к этой оценке.

Иноязычные слова не всегда берутся в кавычки, а лишь в тех случаях, когда их иноязычное происхождение очевидно и особенно, если они не имеют эквивалента в немецком языке. Например:

- Unterdessen wächst die Wut der in Israel wartenden Journalisten. Vergangene Woche gab Israel ein wenig nach und ließ wenigstens einen Reporter der BBC nach Gaza. Natürlich nur als „embedded journalist“, also begleitet von der israelischen Armee. Sie wird aufpassen, was der Reporter zu sehen bekommt, und was nicht¹³.

- Ein-, zwei-, dreimal sagst du nein, aber dann nicht mehr, und schon bist du drin im Spiel des „fancazzismo“ – in etwa: des allgemeinen Wahnsinns¹⁴.

Выражение *embedded journalist* и слово *fancazzismo* взяты в приведенных контекстах в кавычки, поскольку здесь нет даже первой ступени ассимиляции, это выражение и слово, которые не имеют эквивалента в немецком языке, поэтому за ними часто следует толкование (например, для „*embedded journalist*¹⁵“ – *also begleitet von der israelischen Armee*). То же самое относится к слову *fancazzismo* (с

толкованием: *in etwa: des allgemeinen Wahnsinns*). В подобных случаях слово берется в кавычки не только потому что оно не имеет эквивалента в языке, на который переводится. Кавычки выражают здесь коннотативное значение «престижность», они являются возможностью для пишущего проявить свою «эрудицию». Англицизмы в немецком языке выделяются по степени их известности для носителя языка. Поскольку степень известности англицизма *sexu* в нижеприведенном тексте выше, он не выделяется кавычками, а *cool*, как видимо менее известный, маркируются кавычками.

• Dass Berlin nicht zu den „coolen“ Städten gehört, überrascht nicht; die Gründe dafür sind vielfältig und weitgehend bekannt (zwar sexy, aber leider arm)¹⁶.

Часто пишущий при помощи кавычек подает читателю сигнал тогда, когда он оставляет избранный им стиль – в основном стандартизированный, нейтральный – и переходит к другому стилю, переходит от литературного языка к молодежному жаргону или к диалекту, например:

• Es gibt alles, aber wenn man einen Berliner fragt, ob die Friedrichstraße eine Einkaufsstraße ist, sagt er vermutlich: „Nee, dat's der Ku'damm.“ Ein Ostberliner wird widersprechen, und sagt: „Nee, der Alexanderplatz, da jibbet allet.“¹⁷

В приведенном контексте кавычки одновременно маркируют и прямую речь, которая относится к конвенциональному использованию кавычек, и переход от литературного языка к диалекту, который уже является метакоммуникативным сигналом, указывающим на смену варьирования.

Часто в кавычки берутся слова и выражения, связанные с фоновыми знаниями читателя, ассоциируемые в сознании читателя с определенными понятиями или событиями, например:

• Die Olympia-Attentäter vom „Schwarzen-September“, 1972 in München, hatten sich hier auf den Einsatz vorbereitet¹⁸.

Выражение «Черный сентябрь» связано с похищением спортсменов во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году. Выражение *schwarzer September*, в котором имеются такие компоненты коннотативного значения как эмотивность, оценочность, образность и экспрессивность, коннотативно заряжено, поскольку события, происшедшие в Мюнхене во время Олимпийских игр широко освещались в прессе, живы еще в памяти людей и вызывают соответствующие эмоции и оценки.

С фоновыми знаниями связано и употребление метонимии, части словосочетаний и предложений в эллиптической форме, которые часто также берутся в кавычки. Например, вместо *Verfassungsgericht* достаточно назвать город, в котором находится Конституционный суд Германии (Карлсруе) и взять эту метонимию в кавычки, вместо *lebenslängliche Freiheitsstrafe* – взять первое слово коллокации в кавычки, и читатель уже знает о чем идет речь.

- Man kann sagen, dass sich Deutschland in den fast zwanzig Jahren nach dem Mauerfall ganz gut nicht geschlagen hat.

Wehrlos ist es deshalb nicht. Wenn es darauf ankommt, werden die Geschütze der „Karlsruhe“ feuern, aber eben erst nach einer gründlichen Abwägung und Beratung. Vielleicht fliegt dann hinterher ein Staatsanwalt ein, der untersucht, ob alles seine Richtigkeit hatte¹⁹.

- Seine Anwälte empfehlen ihm, sich auf ein abgekürztes Gerichtsverfahren einzulassen, um das Lebenslänglich zu vermeiden – „lebenslänglich“ kann in der italienischen Rechtsprechung wirklich lebenslange Haft bedeuten²⁰.

В подобных случаях эллипсы, взятые в кавычки, используются в целях языковой экономии и указывает в некоторой степени на некоторую неофициальность, разговорность стиля и имеют скорее стилистическую коннотацию.

В кавычки берутся и многие инновации. В подавляющем большинстве случаев окказионализмы, взятые в кавычки, выступают в виде когнитивных метафор и обладают коннотативным значением, поскольку имеют такие его компоненты как эмотивность, оценочность, образность, экспрессивность, например:

- All diesen „Sozialschädlingen“ wollte sie abnehmen, was sie dem Staat und seinen Bedürftigen schuldig waren, und mehr²¹.

Иногда в кавычки берутся окказионализмы, которые без толкования или объяснения в контексте не совсем понятны, например:

- Für die „Ausschaffungsinitiative“ hängen jetzt im ganzen Land Plakate; sie zeigen drei weiße Schafe, die auf einer Schweizerfahne stehen, und ein viertes, ein schwarzes Schaf, wegkicken. Die politische Auseinandersetzung ist in der Schweiz selten besonders korrekt; aber gegen dieses Plakat hat der Uno-Sondersterberichterstatte gegen Rassismus offiziell bei der Regierung protestiert²².

- Merckle sei ein „Kutschertyp“ gewesen. Einer, der führte und andere für sich einzuspannen wusste²³.

В приведенных примерах только контекст указывает на то, что,

например, окказионализм *Ausschaffungsinitiative* не имеет отношения к глаголу *schaffen*, или на то, какое свойство кучера выдвигается на первый план в метафоре *Kutschertyp*. В этих случаях кавычки служат для того, чтобы зафиксировать внимание читателя на слове, взятом в кавычки, с целью дальнейшего раскрытия его значения, во избежание неадекватного восприятия его значения читателем. На наш взгляд, и в этих случаях окказионализмы получают коннотативное значение благодаря таким компонентам коннотативного значения как оценочность, образность и экспрессивность.

Таким образом, кавычки сигнализируют о стилистических особенностях и/или о смысловых оговорках (понимаемых как наличие имплицитного отрицания, соответственно частичного или полного дистанцирования). На основании вышеизложенного можно выделить несколько случаев неконвенционального модализирующего использования кавычек для маркирования слов: в кавычки берутся слова из текста или части текста, в отношении которых пишущий имеет определенное мнение, свое отношение. Часто при помощи кавычек выражается неверие в правдивость высказывания, вследствие чего возникает коннотативное значение. Кавычки могут выражать и коннотативное значение «престижность», они являются возможностью для пишущего проявить свою эрудицию. При помощи кавычек можно выразить не только оценочное значение, но и стилистические оттенки значения, например, ироническое отношение к высказываемому; кавычки используются при переходе от стандартизированного, нейтрального стиля к другому стилю или при переходе от литературного языка к диалекту; в кавычки берутся усеченные части коллокаций, при этом указывается на некоторую неофициальность, разговорность стиля.

В перечисленных случаях неконвенционального модализирующего использования кавычек мы имеем дело с дополнительной функцией кавычек как средств коннотирования.

Примечания

¹ von Polenz P. (1999) *Deutsche Sprachgeschichte*. Berlin, New York.

² Klemperer V. (1985) *LTI. Notizbuch eines Philologen*. Leipzig, S. 78; Adorno T.W. (1963) *Noten zur Literatur I.*, Frankfurt a.M., C. 167.

³ cp.: Polenz 1999. C. 363.

⁴ cp.: Klockow R. (1980) *Linguistik der Gänsefüßchen. Untersuchung zum Gebrauch der Anführungszeichen im gegenwärtigen Deutsch*. Frank-

furt a.M., С.121.

⁵ ср.: Kremer, U. (2002) Striche mit Wirkung: Markierung und Konnotation durch Anführungszeichen. In: Die Rolle der Sprache im Wandel der Gesellschaft. Matti Luukkainen/Riitta Pyykkö (Hrsg.), Vantaa. С. 169.

⁶ Der Spiegel 32/2007. С. 118.

⁷ Der Spiegel 35/2007. С. 29–30.

⁸ Der Spiegel 30/2007. С. 6.

⁹ Frankfurter Allgemeine, 14. April 2009, Nr.86. С. 5.

¹⁰ Der Spiegel 3/2009. С. 33.

¹¹ Der Spiegel 3/2009. С. 55.

¹² Там же.

¹³ Der Spiegel 3/2009. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 101.

¹⁵ **embedded journalist** - прикреплённый, прикомандированный к военной части (о журналисте). Прикомандированные журналисты – это корреспонденты, которые прикрепляются к той или иной воинской части на время военной командировки, и делают репортажи о том, что видят, находясь в подразделении.

¹⁶ Der Spiegel 35/2007. С. 10.

¹⁷ Süddeutsche Zeitung vom 5.Februar №30/2008. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 100.

¹⁹ Там же.

²⁰ Der Spiegel 35/2007. С. 102.

²¹ Der Spiegel 3/2009. С. 31.

²² Der Spiegel 42/2007. С. 133.

²³ Der Spiegel 3/2009. С. 64.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

УПРАВЛЕНИЕ МОТИВАЦИЕЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е. Н. Деулина, Т. А. Танцура

В данной статье речь идет об управлении мотивацией в обучении иностранному языку. Проанализировав отечественную и зарубежную литературу, можно выделить несколько видов мотивов, движущих человеком в процессе изучения иностранного языка. Рассмотрев сложную структуру мотивации, авторы приходят к выводу о необходимости согласованности содержания обучения и способов его подачи с познавательными потребностями учащихся, а также останавливаются на некоторых приемах формирования и поддержания мотивации к изучению иностранного языка.

Ключевые слова: мотивация, мотивы обучения, мотивирующая роль, методика преподавания, учебный процесс, содержание обучения.

Каждому преподавателю хочется сделать свое занятие интересным и увлекательным, добиться того, чтобы развивался познавательный интерес учащихся, их творческая мыслительная активность. Часто ученики и студенты спрашивают: «А зачем учить язык?» Вопрос для них совершенно естественный и простой, но очень трудный для того, кому его задают. Ответ на него должен давать урок. Не видя цели своих действий на занятиях, учащиеся воспринимают иностранный язык как некую вещь в себе, до тех пор, пока для каждого речевого или языкового действия, для выполнения упражнения или задания у них не появится мотив. Практический опыт убеждает в том, что самое главное в обучении иностранному языку – это мотивация учащихся. Поэтому управление мотивацией в изучении иностранного языка является одной из центральных проблем методики преподавания. Подтверждение этой мысли и интересные рекомендации можно найти в работах по проблеме мотивации Б.М. Теплова, А.Н. Леонтьева, В.П. Кузовлева, Е.И. Пассова и многих других.

Следовательно, для оптимальной организации учебного процесса важно, в первую очередь, глубокое знание мотивов обучения, и,

во-вторых, умение правильно выявлять их и разумно ими управлять. В связи с этим необходимо обратиться к теоретическим исследованиям по проблемам мотивации, а также определить ее связь с содержанием обучения иностранному языку.

Анализ имеющейся отечественной и зарубежной литературы показывает, что на данный момент нет однозначного мнения, что такое мотивация в целом и мотивация учебной деятельности в частности. Взяв за основу работы А.А. Алхазишвили, И.А. Зимней, А.А. Леонтьева, Н.М. Симоновой, занимавшихся психологическими аспектами мотивации, можно определить мотивацию как систему побуждающих импульсов, направляющих учебную деятельность, в случае положительной установки, на более глубокое изучение иностранного языка, его совершенствование и стремление развивать потребности познания иноязычной речевой деятельности.

Какие же мотивы движут человеком, изучающим иностранный язык? Мотивация обучения может определяться внешними и внутренними мотивами. Внешние мотивы не связаны с содержанием учебного материала. Это может быть широкая социальная мотивация (например, каждый образованный человек должен знать английский язык для общего развития; его необходимо знать как самый распространённый в мире) и узколичная социальная мотивация (например, язык знают мои родители, а я хочу быть как они; изучаю как программный предмет, хочу иметь хорошую отметку; не хочу быть хуже товарищей; не хочется огорчать уважаемого мной учителя; без знания английского невозможно прочесть ни одной иностранной вывески, рекламы и так далее). Внутренняя мотивация, напротив, связана с содержанием учебного материала и может включать в себя мотивы, связанные с перспективным развитием личности (изучаю язык, так как это обязательно пригодится в жизни; язык может пригодиться в институте, в работе, может стать предметом гордости), коммуникативные мотивы (нравится общение в классе на языке; на уроке иностранного языка интересно; иностранный язык служит средством удовлетворения моих внеурочных интересов: компьютер, Интернет, современная музыка, видео), а также мотивы, порождаемые самой учебной деятельностью, или, другими словами, познавательные мотивы (интересуюсь иностранным языком как предметом: нравится переводить тексты, изучать новые слова, выполнять упражнения, ощущать успех в учении; нравится, когда мы играем; мне легко запоминаются английские слова; нравится учить стихи; люблю готовить карточки к уроку, рисунки).

Внешняя мотивация, как правило, нацеливает учащихся на достижение конечного результата учения. Внутренняя мотивация имеет сильное стимулирующее воздействие на сам процесс обучения. Как утверждают Г.В. Рогова и З.Н. Никитенко, интерес к процессу изучения иностранного языка держится прежде всего на внутренних мотивах, которые исходят из самой иноязычной деятельности. Таким образом, в целях поддержания интереса к предмету преподаватель иностранного языка должен развивать у учащихся внутренние мотивы. А для этого необходимо строить процесс учения таким образом, чтобы обучаемые на каждом его этапе ощущали продвижение к поставленной цели.

Мотивацию можно также разделить на логическую и эмоциональную. Примером общих мотивов на логическом уровне могут быть такие – желание переписываться со сверстниками – иностранцами, возможность использования компьютера и сети Интернет и другие. Примером мотива на эмоциональном уровне может быть боязнь выглядеть смешным перед одноклассниками из-за незнания. Кажется целесообразным подробнее остановиться на эмоциональном компоненте, так как мотивация тесно и непосредственно сопряжена с эмоциями и эмоциональными состояниями. Именно эмоции обуславливают наше стремление или отвращение к любой деятельности, включают активность. Именно в эмоциях в конечном итоге проявляются все внутренние мотивы, и именно они являются спусковым механизмом для действий. С точки зрения эмоций мотивацию можно подразделить на позитивную и негативную (не стоит путать с антимотивацией). Позитивная мотивация накапливает позитивные эмоции, и, когда их интенсивность становится большой (индивидуальный порог для каждого человека), люди переходят к действиям. Например, внутренний механизм следующий: вижу себя на международной конференции, говорящего на английском, испытываю позитивные чувства, говорю себе, что это здорово и пора начать обучение, представляю, как читаю учебник, иду к книжному шкафу и беру книгу. Негативная мотивация обычно организована по той же схеме с той лишь разницей, что человек рисует в своем воображении негативные картинки будущих событий, которые расстраивают его до тех пор, пока он больше не сможет их выносить. Например, в упрощенном виде это выглядит так: вижу, как смешно и глупо выгляжу на международной конференции без знания языка, говорю себе, что это ужасно, чувствую, что это меня расстраивает еще боль-

ше, и терпеть больше не могу, иду за книгой. Несколько слов об антимотивации. До действий позитивной и негативной мотивации вообще дело может не дойти, если человек накапливает множество негативных эмоций различного рода о предмете деятельности. Например, после конфликта с преподавателем негативные эмоции переносятся на само обучение и предмет «иностранный язык». Сюда относятся эмоции от неудач, насмешек друзей и коллег относительно произношения и т.п. Подобные эмоциональные состояния могут быть сильнейшим источником отвращения к обучению!

Поскольку мотивация – явление многогранное, то содержание обучения должно включать в себя целый комплекс средств для ее поддержания. В общей структуре мотивации доминирующим является основной мотив, определяющий учебную деятельность и формирование отношения к ней – это познавательный мотив, так как в его основе заложено постоянное стремление к познанию, а также имеет место связь с содержательной и организационной стороной самой учебной деятельности. В процессе учебной деятельности начинают действовать и возникающие частные мотивы, руководящие постановкой, принятием и решением отдельных задач для достижения конкретных целей обучения иноязычному речевому общению. Познавательные мотивы в овладении иностранным языком дифференцируются следующим образом: интерес к иностранному языку как таковому способствует формированию мотивов к анализу языковых явлений, всевозможным по форме и содержанию занятиям с иностранным языком, к развитию лингвистического мышления; возможность использования иностранного языка как средства обмена информацией, получения знаний с его помощью, изучение культуры, истории, развития и действительности страны изучаемого языка, расширение кругозора формирует мотив отношения к иностранному языку как необходимому средству познавательной деятельности. [1,6]

Поскольку обучение иноязычному общению происходит посредством общения, которое является сугубо личностным процессом, в котором осуществляется обмен идеями, интересами, передача черт характера, то «первостепенную значимость при обучении имеет также учет личностных свойств учащихся» [6]. Без этого речевые действия учащихся отрываются от их реальных чувств, мыслей, интересов, то есть теряется источник, питающий речевую деятельность. Именно «учет личностных свойств приводит к возникновению ситуационной коммуникативной мотивации, то есть обеспечивает ини-

циативное участие обучающегося в учебном или реальном общении» [6]. Из всего многообразия свойств личностная индивидуализация, обеспечивающая вызов коммуникативной мотивации, традиционно предлагает учет шести методически наиболее значимых свойств обучающегося как личности: контекста деятельности; личного опыта; сферы желаний, интересов, склонностей; эмоционально-чувственной сферы; мировоззрения; статус студента в группе. Всё это побуждает учащихся к обучению. «Успешность овладения иностранным языком в его когнитивной функции способствует формированию языкового чутья; удовлетворение собственно познавательных мотивов при изучении иностранного языка формирует устойчивую мотивацию постоянной работы с ним; использование иностранного языка для получения определенной информации (чтение журналов, газет и тому подобное) делает данный язык незаменимым в познавательной деятельности обучающегося, вместе с тем сам ИЯ усиливает общую познавательную деятельность обучающихся, следовательно, повышается и мотивация изучения языка» [1,б].

Кроме того, представляется важным рассмотреть мотивацию в свете обращения к проблеме языка как части иноязычной культуры. В этом случае мы можем выделить совершенно особый, присущий только обучению иностранному языку вид мотивации - это страноведческая мотивация, которая позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для них действительностью. «Такой подход к обучению иностранному языку во многом обеспечивает не только более эффективное решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, но и содержит огромные возможности для вызова и дальнейшего поддержания мотивации учения» [7]. При этом основной задачей является «изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих особенности культуры народа - носителя языка и среды его существования» [8]. Базой для этого может стать лингвострановедение, прочно вошедшее в практику преподавания иностранного языка благодаря исследованиям Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [2]. Именно выход на уровень возможного расширения страноведческого материала может позволить логично и эффективно решить задачи по усилению социокультурной ориентации иноязычного образования в целом, расширению фоновых знаний, модернизации лексической базы и естественно

усилению мотивационного аспекта обучения иностранному языку. Практика преподавания иностранного языка показывает, что учащиеся с интересом относятся к истории, культуре, искусству, обычаям, традициям, укладу повседневной жизни народа, увлечениям сверстников и т. п. При этом необходимо тщательно отбирать материал, т. к. перед системой образования встает задача подготовки обучающихся к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественным устройством и языковой культурой.

Признавая ведущую роль мотивации в обучении иностранному языку, преподавателю необходимо представлять себе способы и приёмы её формирования в условиях школы или вуза. При рассмотрении проблемы мотивации и поиске путей её формирования недопустимо упрощение её понимания. Формирование мотивации – это не перекладывание преподавателем в голову учеников уже готовых, извне задаваемых мотивов и целей учения. Формирование мотивов – это прежде всего создание условий для проявления внутренних побуждений к учению, осознания их самими учащимися и дальнейшего саморазвития мотивационной сферы.

На наш взгляд, самым эффективным в обучающем и мотивирующем планах является погружение учащихся в реальную ситуацию и предоставление им возможности самостоятельно достойно выйти из неё. Кроме учебной, данный приём имеет огромную мотивационную роль. Поэтому на занятиях можно создавать такие ситуации и учить выходу из них. Практика показала жизненную актуальность данного метода, хотя очень часто звучат обвинения в неклассичности результата. При таком подходе, ученик порой даже не знает, как переводится та или иная фраза, но он точно знает, что именно она уместна в данной ситуации. Именно этим способом изучения языка, конечно на интуитивном уровне, пользуются новоиспечённые иммигранты. Погруженные в языковую среду, они достаточно быстро овладевают необходимым им уровнем. Создать в наших условиях среду невозможно, но ситуативный метод работает и здесь. Конечно же, ситуации, применяемые на занятиях, должны быть вариативны и учитывать особенности группы.

Большую мотивирующую роль играет чередование разнообразных видов интересной деятельности, разнообразных уроков. В своей практике преподавателю нужно использовать уроки-общение, уроки-фантазии, уроки-драматизации, уроки поэзии, видеоуроки,

уроки-игры, уроки-тесты. Немаловажна и роль просмотра видеofilмов без перевода.

Мотивирующее значение имеет и проведение различных мероприятий по предмету: вечера, посвящённые праздникам англоязычных стран, конкурсы песен на языке и другие. Так завязываются знакомства, так познаётся культура другого народа, так вырабатывается дополнительный стимул к учёбе.

Одним из самых необходимых в жизни умений является способность человека плодотворно общаться с другими людьми. Активизация коммуникативных возможностей учащегося, подготовка его к жизни в обществе - вот основная развивающая цель всех языковых предметов. Но при изучении иностранного языка, кроме цели, это ещё и метод. Научить ученика общаться общением с ним, стараться ставить перед ним максимальное количество жизненных ситуаций и учить находить оптимальные решения – это задача преподавателя.

Согласованность содержания обучения и способов его подачи с познавательными потребностями и интересами учащихся противодействует образованию отрицательной установки. Оптимально отобранный материал укрепляет все составляющие мотивации: потребности, интересы, эмоции, сами мотивы. Формирование устойчивого уровня мотивации учения обязывает преподавателя подбирать соответствующие учебные материалы, которые представляли бы собой когнитивную, коммуникативную, профессиональную ценности, носящие творческий характер, стимулировали бы мыслительную активность учащихся. Использование в учебно-воспитательном процессе по иностранному языку культурологического материала создает условия, мотивирующие учебный процесс, а также способствует углублению и расширению сферы познавательной деятельности учащихся.

Список литературы

1. Мотивационные аспекты профессионально - ориентированного обучения иностранному языку в вузе. Межвузовский сб. науч. тр. а) О повышении мотивации обучения иноязычному речевому общению на начальном этапе языкового пед. вуза. Н. А. Кача-

List of literature

1. Motivacionnye aspekty professional'no - orientirovannogo obuchenija inostrannomu jazyku v vuze. Mezhvuzovskij sb. nauch. tr. а) О povыshenii motivacii obuchenija inozazychnomu rechevomu obweniju na nachal'nom jetape jazykovogo ped. vuza. N. A.

- лов. б) Маслыко Е. А. Пути формирования мотивации овладения студентами иностранного языка.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. М. : Русский язык, 1983.
3. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М. : Просвещение, 1978.
4. Леонтьев, А. А. Потребности, мотивы, эмоции. Конспект лекций. М. : изд-во МГУ, 1971.
5. Пассов, Е. И. Кузовлев В. П. Коростелев В. С. Цель обучения иностранному языку на современном этапе развития общества // ИЯШ. 1987. №
6. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М. : Просвещение, 1991.
7. Томахин, Г. Д. Лингвострановедение. Что это такое? // ИЯШ. 1996. № 6.
- Kachalov. b) Maslyko E. A. Puti formirovaniya motivacii ovladenija studentami inostrannogo jazyka.
2. Verewagin, E. M. Jazyk i kul'tura : lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. Metodicheskoe rukovodstvo. M. : Russkij jazyk, 1983.
3. Zimnjaja, I. A. Psihologicheskie aspekty obuchenija govoreniju na inostrannom jazyke. M. : Prosve- wenie, 1978.
4. Leont'ev, A. A. Potrebnosti, mo- tivny, jemocii. Konspekt lekcij. M. : izd-vo MGU, 1971.
5. Passov, E. I. Kuzovlev V. P. Ko- rostelev V. S. Cel' obuchenija inos- trannomu jazyku na sovremennom jetape razvitija obwestva // IJaSh. 1987. № 6.
6. Passov, E. I. Kommunikativnyj metod obuchenija inojazychnomu govoreniju. M. : Prosve wenie, 1991.
7. Tomahin, G. D. Lingvostrano- vedenie. Chto jeto takoe? // IJaSh. 1996. № 6.

**ТЕСТИРОВАНИЕ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ:
ЗА И ПРОТИВ**

М. И. Мятлева

В данной статье рассматриваются вопросы тестирования знаний, умений и навыков в процессе обучения иностранному языку на современном этапе. В статье также представлена классификация тестов и приводится ряд аргументов в защиту и против чрезмерного увеличения тестовыми методиками на занятиях по языковой подготовке будущих инженеров – механиков.

Ключевые слова: контроль знаний, умений и навыков, тестовые методики, тест для проверки уровня коммуникативной компетенции, тест на овладение конкретным языковым материалом и отдельными речевыми умениями, эффективность учебного процесса, достоинства и недостатки процесса тестирования.

Контроль является, как известно, важнейшим фактором в процессе обучения любому учебному предмету, в том числе и иностранному языку. Он позволяет не только установить уровень успешности обучения, но и выявить недостатки в знаниях, умениях и навыках учащихся и тем самым определить необходимые изменения, которые следует внести в методику работы [1]. В отечественной методике контроль рассматривается как система, которая всесторонне охватывает весь процесс обучения иностранному языку. Контроль, по мнению ряда ведущих отечественных методистов, выполняет следующие функции: обучающую, диагностическую, корректирующую, управленческую, оценочную, стимулирующую, развивающую и воспитывающую. Вопросы использования современных средств контроля в процессе обучения иностранному языку являются актуальными и для высшего профессионального образования.

В неязыковом вузе изучение иностранных языков является компонентом подготовки специалиста и обеспечивает выпускнику вуза достижение коммуникативной компетенции, которая позволяет практически использовать иностранный язык в профессиональной деятельности. Педагогическая цепь обучения студентов в техниче-

ском вузе – иноязычная профессионально-ориентированная компетенция, в которую входят: коммуникативная, информативная, лингвистическая и социально-культурная компетенции. Знание иностранных языков, как и любое другое знание, нуждается в четкой системе контроля и оценки. Система контроля и оценки знаний постоянно совершенствуется. Одним из направлений ее развития на современном этапе является внедрение тестирования в учебный процесс. Тесты – это стандартизированные знания. Результат выполнения тестов позволяет измерить личностные характеристики испытуемого, а также сформированные у него в процессе обучения знания, умения и навыки. Таким образом, по мнению ряда ученых, тест – наиболее корректный из известных методов измерения знаний.

Тестирование позволяет оценить уровень достигнутого в обучении, выразить его в числовой форме. В свою очередь, это дает возможность отследить изменения на тех или иных этапах обучения, выявить пробелы в знаниях в текущей или итоговой подготовке будущего специалиста, а также индивидуальных тем обучения.

В современном учебном процессе тесты отчетливо выполняют две функции: контролирующую и обучающую. К контрольным относятся те, основной целью которых является установление факта знания / незнания или владения / невладения обучаемыми тем или иным материалом, умением, деятельностью и, соответственно, его оценка. Цель обучающих тестов – обеспечить усвоение изучаемого материала, овладение тем или иным умением, деятельностью, а контроль их выполнения выступает для преподавателя как средство управления этим процессом.

В своей практической деятельности автор статьи предпочитает использовать тесты, выполняющие контролирующую функцию. Как известно, к ним относятся два основных вида: тесты, проверяющие наличие у обучаемых определенного уровня коммуникативной компетенции (*proficiency tests*) и тесты на овладение ими конкретным языковым материалом и отдельными речевыми умениями за определенный период обучения (*achievement tests*). Первый вид теста можно соотнести с итоговым контролем, проводимым в конце курса обучения; второй вид – с промежуточным итоговым контролем, осуществляемым по окончании определенного цикла занятий [2].

Из опыта работы со студентами машиностроительного факультета следует отметить, что использование тестов в процессе обучения профессионально-ориентированному языку делает более мобиль-

ным процессом контроля за формированием знаний, навыков и умений и значительно повышает эффективность учебного процесса в целом.

Формирование коммуникативной компетенции в сфере профессионально-ориентированного общения у будущих инженеров-механиков начинается со второй половины первого года обучения в процессе работы над темами, относящимися к разделу «Материаловедение». По окончании работы над каждой из тем степень усвоения языкового материала и формирование навыка перевода технических текстов по специальности проверяются с помощью промежуточных тестов по изученной тематике, включающих небольшой по объему текст и ряд тестовых заданий к нему. На зачете в конце семестра в качестве суммарной формы контроля знаний студентам предлагается итоговый тест, задания которого охватывают весь пройденный в семестре лексико-грамматический материал. Аналогично строится учебный процесс и при изучении в дальнейшем тем разделов «Детали машин» и «Металлорежущие станки и инструменты». Тестовые задания предполагают выбор одного правильного ответа из четырех предложенных, а по итогам их выполнения можно судить о наличии у студентов определенного уровня коммуникативной компетенции. Следует заметить, что вышеуказанные виды контроля взаимосвязаны между собой, а именно промежуточный контроль как бы готовит учащихся к итоговому, результаты выполнения которого дают основание судить о степени овладения ими конкретным языковым материалом и отдельными речевыми умениями и за определенный период обучения.

Популярность методики тестирования знаний, навыков и умений в практике обучения иностранным языкам на современном этапе в том числе и в условиях высшей школы, можно объяснить рядом существенных преимуществ, таких как: объективность результатов, независимость оценки от личных симпатий преподавателя, экономичность во времени при проведении и проверке тестов, одновременный охват всех учащихся, создание одинаковых условий контроля для всех тестируемых. При выполнении теста все учащиеся группы работают в одно и то же время с одинаковым по объему и сложности материалом, что исключает влияние на оценку их ответов такого фактора, как везение – невезение. Кроме того, тест дает возможность включать большой выбор материала и контролировать не только его усвоение, но и отдельные навыки и умения пользоваться им. Одна-

ко, несмотря на все достоинства тестовой методики, тест, безусловно, не может считаться полностью адекватным способом контроля и пока еще не может заменить такую, например, форму итогового контроля, как экзамен. Более того, тестам зачастую приписываются качества, которыми они не обладают, а именно: наличие немедленной обратной связи, стимулирование интеллектуальной активности учащихся, способность выявлять качество и степень сформированности того или иного вида речевой деятельности, объективность оценки знаний учащихся. Излишняя увлеченность тестированием знаний на занятиях по иностранному языку может отрицательно сказаться на развитии у учащихся способности логически мыслить, сопоставлять, делать выводы, устанавливать причинно-следственные связи. Поэтому применять тестовые методики в учебном процессе следует с осторожностью и только в тех случаях, когда это способствует улучшению качества подготовки будущих специалистов и повышению эффективности учебного процесса в целом. Использование тестов в практике преподавания иностранного языка оправданно и обусловлено поиском эффективных форм контроля, так как традиционные приемы проверки знаний, навыков и умений учащихся, применяемые в учебном процессе, не всегда отвечают требованиям, предъявляемым к рациональному контролю.

Список литературы

1. Цветкова, З. М. «Некоторые вопросы контроля и учета». М. : Иностранный язык в школе. 1957. №4.
2. Brown, J. D. Testing in Language Programs: a Comprehensive Guide to English Language Assessment. № 4: McGraw-Hill, 2005.

List of literature

1. Cvetkova, Z. M. «Nekotorye voprosy kontrolja i ucheta». M. : Inostrannyj jazyk v shkole. 1957. №4.
2. Brown, J. D. Testing in Language Programs: a Comprehensive Guide to English Language Assessment. № 4: McGraw-Hill, 2005.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ
С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ
В УЧЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Н. М. Рахимова

В каждой культуре формируется свой корпус прецедентных текстов, которые вызывают определенные ассоциации у представителей данной культуры, но могут быть неизвестны в другой. Это следует учитывать во избежание коммуникативных неудач при межкультурном общении. Восприятие и понимание прецедентных текстов важно для адекватной интерпретации художественных произведений, которые являются базовым материалом при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: художественный текст, прецедентный текст, межкультурная коммуникация, обучение иностранному языку.

Ю.Н. Караулов, который ввел термин «прецедентные тексты» в научную практику, относит к ним тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3. С. 216]. Как лингвокультурологическое явление прецедентные тексты – неотъемлемая часть структуры языковой личности [2; 3; 4].

В каждой культуре формируется свой корпус прецедентных текстов, которые вызывают определенные ассоциации у представителей данной культуры, но могут быть неизвестны в другой. Это следует учитывать во избежание коммуникативных неудач при межкультурном общении, особенно при обучении иноязычной речи.

В настоящее время, когда поставлена задача подготовки студентов, не просто владеющих лексико-грамматическим составом изучаемого иностранного языка, но и ориентирующихся в культуре, ментальности другого народа, прецедентные тексты не могут остаться без внимания. Более того, прецедентные тексты и феномены (высказывания, ситуации, имена) являются частью художествен-

ных произведений, а их понимание – условие адекватной интерпретации художественных текстов, выступающих базовым материалом при обучении иностранному языку. Студентам, изучающим язык как специальность, предлагаются аутентичные тексты, не подвергнутые адаптации, следовательно, прецедентные феномены, изначально присутствующие в этих текстах, должны вызывать у студента ассоциации, аналогичные тем, которые возникают в сознании носителя языка. Занятие строится так, чтобы обратить внимание студентов на осложненную структуру текста и «заставить» их не только узнать, но и адекватно интерпретировать прецедентный феномен в контексте всего художественного произведения.

В статье предлагается организация работы с художественным текстом с прецедентными феноменами на примере повести У. Пленцдорфа «Новые страдания юного В.». Повесть будет интересна для чтения на младших курсах, так как она посвящена проблемам молодых людей, которые независимо от эпохи и времени, переживают свой период «штурма и дранга».

Главный герой, 17-летний Эдгар Вибо, учился в училище, пока не уехал из провинциального Миттенберга в Берлин. Оттуда он посылал своему другу Вилли записанные на магнитофон монологи. Эдгар любил романы «Робинзон Крузо», «Страдания юного Вертера» и «Над пропастью во ржи».

Студенты должны не только *узнать*, но и *знать* эти произведения, чтобы провести параллели, и лучше понять главного героя. Эдгар, как и герой романа Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», откровенно рассказывает о своем неприятии морали современного общества. Знание культового романа Сэлинджера позволяет глубже представить образ Эдгара: он раним, трудно находит общий язык с окружающими, не любит фальшь. Упоминание известного романа Д. Дефо усиливает такую трактовку – одиночество героя.

Сюжет, персонажи и целый ряд деталей ассоциативно связаны с романом И. В. Гёте. Необходимо обратить внимание студентов, что в повести повторяется ситуация, описанная в свое время в романе Гёте.

Перед чтением повести предлагаем проанализировать названия произведений: Гёте «Страдания юного Вертера» и Пленцдорф «Новые страдания юного В.». «В содержательной структуре произведения заголовку принадлежит существенная роль: он передает в концентрированной форме основную его тему и идею» [1. С. 43]. Из

заголовка становится понятным, что в обоих произведениях описаны страдания молодого человека, но у Пленцдорфа – это новые, современные страдания. В названии романа Гете герой назван полным именем «Вертер», а в заголовке повести – сокращенное имя, начинающееся с той же буквы. Вероятно, сокращение фамилии важно для переноса действия в современность, для которого характерны ускорение темпа жизни и краткость речи. Вызывая у читателя ассоциации с прецедентным текстом, автор задает новое восприятие старого сюжета.

Кроме того, очевидны параллельность сюжетов и схожесть композиционных структур. Пленцдорф представляет во вступлении финал, роман Гете начинается с финала: автор-издатель вводит нас в суть дела.

Повествование в романе Гете построено в форме писем главного героя Вертера к своему другу. В повести Пленцдорфа информация передается через магнитофонные записи, воспоминания и комментарии самого Эдгара.

Рекомендуется сравнить имена героев, ведь «выбор имени персонажа <...> актуализирует и авторскую модальность, и перспективность, и прагматическую направленность текста на читательское соучастие» [5. С. 104]. Сравним имена возлюбленных Шарлотта и Шерли. Можно предположить, что Шерли – это американизированный вариант имени Шарлотта. Кроме того, бросается в глаза сходство имен: Вилли и Вильгельм.

В обоих произведениях решающими являются три дня до Рождества. Вертер решил в это время сознательно уйти из жизни, а Эдгар должен за три дня покинуть жилище, предназначенное на снос, что и происходит, погибает.

Эдгар безуспешно пытался наладить нормальный контакт с окружающими людьми. Вертер также не смог найти себя в условиях равнодушия к духовному содержанию личности. Оба героя уходят из жизни, не реализовав своих возможностей в полной мере.

Мы предлагаем следующие задания. Для начала выделим компетенции, которые необходимо сформировать у студентов.

Die Studentinnen und Studenten sollen

- eine Ganzschrift lesen und deren Inhalt kurz zusammenfassen.
- die literarischen Figuren charakterisieren.
- die im Roman verwendete Sprache und ihre Wirkung analysieren.
- selbstständig ein gewähltes Thema textnah und zugleich kreativ bearbeiten.

- Plenzdorfs Werk im Vergleich zu Goethes Werther betrachten.
- historische Aspekte des Romans verstehen.
- Arbeitsaufträge in einem Textverarbeitungsprogramm erhalten und bearbeiten.
- Informationen mithilfe von angegebenen und selbst zu recherchierenden Websites suchen und finden.

На заключительных занятиях студенты могут работать индивидуально или в группах, задания предлагается использовать полностью или выборочно.

1. Wie kann Edgar Wibeau charakterisiert werden?
2. Wie können Charlie und Dieter beschrieben werden?
3. Welche Personen spielen eine Rolle im Leben Edgars?

Кроме того, рекомендуется проанализировать композицию и язык повести, с этой целью предлагаем следующие задания с краткими ответами:

1. Wie ist der Roman aufgebaut?

Die Handlung spielt auf drei Zeitebenen. Das Leben Edgars wird in der Rückblende erzählt. Aus dem „Jenseits“ kommentiert er die einzelnen Szenen. Gegenwart – Recherchen des Vaters. Das Werk ist ohne Gliederung in Kapitel, geschrieben.

2. Wie können Erzählverfahren und Sprache beschrieben werden?

Es wird in mehreren Zeitebenen erzählt, beginnend mit Zeitungsartikeln über Tod. Edgars Vater „recherchiert“, um seinen Sohn im Nachhinein „kennen zu lernen“. Von Zeit zu Zeit „schaltet“ sich der tote Edgar ein und kommentiert das Geschehen aus seiner Sicht. Edgar spricht den lockeren und saloppen Jargon der Jugendlichen. Sehr oft wird der Leser direkt angesprochen. Man liest auch viele englische Ausdrücke, z.B. „high“, „jump“, hält eine „Speech“ oder trägt seinen „Bluejeans-Song“ vor.

Ключевым является соотнесение повести с романом Гете, поэтому важным будет установление параллели между героями.

1. Welcher Bezug besteht zu Goethes «Werther»?

Edgar fühlt sich, genau wie Werther, von den Zwängen und Normen der Gesellschaft eingeengt und kann seine Fähigkeiten nicht entfalten. Werther schreibt einem fiktiven Freund. Edgar spricht auf Tonbänder und schickt sie seinem Freund. Edgar verliebt sich, ebenso wie Werther, in eine verheiratete Frau. Nach und nach ziehen sich Edgar wie auch Werther in sich selbst zurück, weil sie mit der Gesellschaft nicht mehr zu Rande kommen. Am Ende sterben beide. Die offensichtlichen Parallelen beider Romanfiguren werden gegenüber gestellt:

<i>Goethes Werther</i>	<i>Plenzdorfs Edgar Wibeau</i>
Verlässt seine Heimat wegen eines Mädchens	Verlässt seine Heimat wegen Problemen
Schilderung des neuen Ortes als locus amoenus	Laube als lieblicher Ort trotz aller Trostlosigkeit
Briefe an seinen Freund	Tonbandkassetten an seinen Freund
Verliebt sich in eine verlobte Frau, die später heiratet	
Verzweiflung bei Ankunft des Verlobten	
Gönnerhafte Freundschaft des Ehemannes	
Misserfolg außerhalb der neuen Welt	Misserfolg in der Malerkolonie
Wahrung des Anstands trotz Koketterie	Untreue bzw. Ehebruch
Selbstmord/Verzweiflung	Unfalltod

Можно предложить написать эссе «**Wie wirkt das Werk auf Sie persönlich? Wie würden Sie es deuten?**»

В заключении предлагаются групповые творческие задания:

1. Erarbeiten Sie ein Merkblatt zum Autor Ulrich Plenzdorf!

Darauf sollen neben einem Foto des Autors biografische Angaben zu seinem Leben und eine Liste seiner bedeutendsten Werke enthalten sein. Nutzen Sie die Linktipps:

<http://www.dhm.de/lemo/html/biografien/PlenzdorfUlrich> /Eine Biografie mit einigen Querverweisen. Die Wikipedia-Biografie liefert viele Zusatzinformationen.

2. (Streit-)Gespräch Goethe versus Plenzdorf Formulieren Sie ein (Streit-)Gespräch zwischen dem jungen Goethe, dem Dichter des "Original-Werther", und dem Autor Ulrich Plenzdorf. Themen könnten Fragen des Urheberrechts (Stichwort „Ideenklau“), der immer gleichen Probleme Jugendlicher, der veränderten gesellschaftlichen Umstände, der in den Texten verwendeten Sprache, der unterschiedlichen Wirkung beider Texte auf das Publikum sein.

3. E-Mail von Willi an Edgar Formulieren Sie einen Brief Willis an Edgar, in dem Willi auf eines der Tonbänder antwortet. Könnte der Freund Edgar zu etwas raten, was könnte er ihm von Zuhause erzählen, was könnte er ihm schicken, was könnte er von Edgars Situation halten?

4. Grabrede Formulieren Sie eine Rede an Edgars Grab. Angenommen, alle Personen sind zur Beerdigung erschienen, so könnten verschiedene Menschen das Wort ergreifen.

5. Totengespräch **Verfassen Sie, ganz im Stil Edgars/Plenzdorfs, einen Kommentar** Edgars zu seinem eigenen Begräbnis oder zu einer der Grabreden. Versuchen Sie dabei, die sprachlichen Eigentümlichkeiten Edgars zu imitieren.

6. Buchkritik **Schreiben Sie eine Buchkritik. Geben Sie eine begründete Empfehlung** darüber ab, ob Plenzdorfs Erzählung als private Lektüre geeignet ist.

При работе с текстами, включающими прецедентные феномены, необходимо обобщение прочитанного, задания должны быть сформулированы так, чтобы студенты, после обнаружения прецедентного текста, соотнесли его с текстом основного произведения и адекватно интерпретировали.

Список литературы

1. Домашнев, А.И. Интерпретация художественного текста. Л. : Просвещение, 1986. 194с.
2. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 356 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 263 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Ком-Книга, 2006. 261 с.
5. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста. М. : Просвещение, 1988. 192 с.

List of literature

1. Domashnev, A.I. Interpretacija hudozhestvennogo teksta. L. : Prosvewenie, 1986. 194s.
2. Karaulov, Ju. N. Obwaja i russkaja ideografija. M. : Nauka, 1976. 356 s.
3. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M. : Nauka, 1987. 263 s.
4. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M. : Kom-Kniga, 2006. 261 s.
5. Kuharenko, V. A. Interpretacija teksta. M. : Prosvewenie, 1988. 192 с.

ABSRTACTS

Aitkalieva A. S. Polycultural Person in Intercultural Communication.

In this article there are observed the topical problems of polycultural personality's upbringing. A great attention is paid to the necessity of co-studying a language as the main factor of and culture of polycultural personality in the sphere of intercultural communication.

Keywords: polycultural personality, intercultural communication, patriotic feelings, international consciousness, international fellowship, good social conditions, multilinguism, жайлау, кыстау, киз үй, шаңырақ, кереге, босаға, үлкен үй, отау, friendship, unity, respect, national culture, spiritual heritage, way of world cognition, intercultural dialogue.

Anisimova I. N. The Characteristic of the Nouns Presented in Landscape Descriptions of Lyric Genres.

The article contains the analysis of semantics of the nouns, components landscape description of lyric genres is given. Association of the given lexemes in lexico-semantic groups is made, the semantic transformed units and expressive means are named. Research is executed on a material of texts of Russian classical poetry. The undertaken analysis allows revealing some features of Russian national comprehension concerning natural objects.

Keywords: semantics «nature», noun, literary text, expressive means.

Anokhina M. A. Peculiarities of Adverbial Verb Usage in Poly-analytical Construction Complexes of “to Give a Glance” Type in English.

The article reveals the peculiarities of some adverbial verbs and their use in the construction “to give a glance”. This construction is considered to be widely spread in the English language.

Keywords: adverbial verbs, construction, the qualitative characteristic of action

Arinina M. V. Linguistic Analyses of Ways of Welding Production Terms Formation in English.

The article deals with the semantic, morphological and syntactical methods of term formation in welding terminological system in the

English language. The most productive syntactical and morphological models of term formation in the terminological system under consideration are presented.

Keywords: term, term formation, welding terminology.

Atzhanova N. E. Droplets with Meaning “от”, “ошақ” in Intercultural Communication.

In this article there is an analysis of disseminations that present a unit of intercultural communication. The meaning of the following Kazakh disseminations «от», «ошақ» is observed in the phraseological units, proverbs and sayings.

Keywords: material culture, spiritual culture, common human values, folk wisdom, respect for culture, words-realities, отанасы, отағасы, ошақ, отбасы ошақ қасы, Otan, love and respect for own fireplace.

Bazhalkina N. S. Thematic Group “Power” in Political Aphorisms of the English and Russian Languages.

The thematic group “power” is one of the most important in the political aphorisms of the English and Russian languages. The article shows aphorisms with the lexical and semantic content “power” divided into several groups. The article also studies the attitude of the authors of aphorisms to power.

Keywords: political aphorisms, political discourse, linguoculturology.

Bakeeva D. A. Color in History: Cultural and Symbolic Aspects.

The article discusses the meaning and significance of color in the history of the world culture. Since ancient times, the culture of all peoples and societies began to form a definite range of favorite colors. The author supposes that the aesthetics of color throughout the creative process is organic and derived from a thin understanding of human reality, first of all nature, which is the storeroom of color combinations.

Keywords: culture, semantics, symbol, color, color test, color phenomenon.

Burkova O. M. Feature-artistic Role of Blue and Light Blue Colors in Poetry by S. Esenin and Its Translations into Belarussian.

Article analyzes the role of “blue color” in original and translated poetry written by S. Esenin. It discovered specifics in translation of words meaning “color” in Belarussian language.

Keywords: “blue color”, original and translated poetry, S. Esenin, Belarusian language.

Vaganova I. Y. “Outland” Languages in Works of Feature Fantasy: Linguicreative Aspect.

This article is devoted to a lingvocreative activity as a modeling technique of mental spaces of literary text. The author analyzes “extraterrestrial” languages as occasional linguistic systems constructed in the science fiction.

Keywords: mental spaces, language game, literary text.

Vlavatskaya M. V. Collocations Dictionary as Resource of Sintagmatic Potential of Words.

In article the concept of a collocation is considered, the linguistic and psycholo-pedagogical importance of collocations as language units reveals and English dictionaries of collocations are analyzed from the point of view of lexicographic interpretation of word collocability.

Keywords: collocation, lexicography, syntagmatics, corpus linguistics.

Volkova V. B. Associative Representations of Concept „Water“ in the Novel “Beast’s Sign” by O.N.Ermakov.

The issue about the functioning of the concept “Water” in the fiction text is considered in this article. The given concept has a complicated structure as various and often associative meanings are included into its framework. The lingvocultural approach selected to be the main one allows to reveal the peculiarities of the associative representations of the concept “Water” and to discover the parallels with the concept “Fish”. The novel after O.N. Ermakov “Beast Sign” is taken as the material for the research.

Keywords: the concept “Water”, the concept “Fish”, the novel after O.N. Ermakov “Beast Sign”, the associative representations.

Voronina L. V. Genre Dependence of Functioning of Purpose and Destination Semantics Constructions in the Language of Contemporary Mass Media.

The article deals with functional semantics and exhibits current trends in semantics of purpose in mass media.

Keywords: Semantics of purpose, components of semantic structure, semantics trends, sphere of function.

Voronova V. V. Ecotext as the Object of Lexical Stylistic Analyses.

The article considers the ecological texts as the examples of scientific prose. Lexical and stylistic peculiarities of given texts are analysed.

Keywords: ecotext, lexical and stylistic peculiarities, ecological terms, scientific prose, the logic of the text, impersonality of scientific writings.

Davidova S. V. Language of Mass Media.

The language of mass media plays a great role in the development of language. The influence of mass media on our modern speech needs the through study. In this article firstly three the most widespread meanings of the language of mass media are given. Secondly different types of language of mass media are studied. Thirdly democratization of mass media is considered at present days. As a result, on one hand all latest language changes are reflected in mass media; on the other hand mass media affects language changes and development.

Keywords: language of mass media, media speech, media text, speech usage, radio language, TV language, Internet language, language of printed mass media, mass media democratization.

Dementyeva K. V. Process of Saving and Reduplication as the Method of Press Influence on the Mass Opinion.

Human memory is selective in nature, manifested in better remembrance of the information that interests the individual. In analysis of newspaper texts we found that it is better to remember emotionally charged material than emotionally neutral, but in some cases it will be better remembered pleasant, in others – unpleasant, depending on the fact which in this case is more significant. The information that appears in the press many times has especially an active influence on public opinion.

Keywords: newspaper text, process of remembering, formation of mass opinion.

Demidova T. V. Concept “Motherland” in Speech Representations of Secondary Professional Education (SPE).

The paper is devoted to conceptual analysis of the speech representations of students obtained in the course of association experiment in the frame of aggregate linguistic personality’s researches.

Keywords: concept, nominative field of concept, key lexeme, stimulus-word, nomination.

Deulina E. N., Tantsura T. A. The Motivation Control in Foreign Language Teaching.

This article is devoted to the problem of motivation control in foreign language teaching. Having analyzed home and foreign literature, the authors point out several types of motives that promote a person in the course of studying a foreign language. The consideration of the complex structure of motivation leads the authors to the conclusion about the necessity to coordinate the contents of teaching and the ways of its presentation with the cognitive needs of students. Besides, the authors dwell on some methods which help to form and maintain motives for studying a foreign language.

Keywords: motivation, motives of studying, a motivating role, methods of teaching, educational process, contents of teaching.

Dubrovchenko E. M. Specifics of Metacommunication as a Special Type of Fellowship.

The work deals with the theoretical foundation of metacommunication: the definition of the given phenomena, its constituent components, as well as such characteristics as the motive, the object and the subject of metacommunication. The main differences between metacommunication and communication are given, the notion of metamessage is considered and the basic constitutive features of metacommunication which define its specificity are characterized in this work.

Keywords: metacommunication, communication, communicational model, metamessage, motive, object, subject of metacommunication, analytical character, asymmetrical character, subjective character, processual character, reflexive character, integral character.

Dyakova T. V. Basic Principles and Structure of News Messages.

The questions carried out by this article deal with the main issues of the news item. The news itself is a complex unit based on such principles as accuracy, precision, justice, credibility. The structure according to which the news is built possesses the following items: slugline, dateline, headline, lead and background.

Keywords: news messages, periodical press, mass media.

Maletina O. A. Comparative Analyses of Descriptiveness and Narrativity.

This article is devoted to the analyses of description and narration. We try to analyse the differences of two types of speech forms in the text.

Description objects are different things, processes etc. Description fixes features of objects and subjects, and it is static. Narration describes the sequence of actions, and it is dynamic. There are different lexical, grammatical and syntactic means which help to create narration and description.

Keywords: descriptiveness, narrativity, description, narrative, linguistic explicators

Morozova E. N. Peculiarities of Common Language and Sub-language Actualization of Verb-Adverb Complexes' Semantics in the English Language.

The article is devoted to the problem of semantics of phrasal verbs in the English language. Peculiarities of their lexical-semantic variants in the language and some sublanguages are considered. The results of the research of the verb lexical-semantic variants found in the sublanguages of fiction, medicine, computer and information technologies, law, press are also presented.

Keywords: phrasal verb, semantics, lexical unit, lexical-semantic variant, sublanguage.

Myatleva M. I. Tests at Foreign Language Lessons in Non-Linguistic University: For and Against.

This article deals with the problems of testing knowledge and skills of learners in the present-day language teaching process. Classification of tests and the arguments for and against their using during the work with future mechanical engineers are also presented.

Keywords: knowledge and skills monitoring, testing techniques, proficiency test, achievement test, teaching process efficiency, merits and shortcomings of testing process.

Rakhimova N. M. Feature Texts with Precedent Phenomenon in Educational Communication.

In every culture a body of precedent texts is formed that evoke specific associations with the representatives of this culture, but may be unknown in another. This should be considered in order to avoid communication failures in intercultural communication. Perception and understanding of precedent texts are important for adequate interpretation of artistic works, which are the basic material for teaching a foreign language.

Keywords: feature text, precedent text, intercultural communication, foreign language teaching

Smeuha V. V. The First Woman Magazine of our Country: History and Typology.

The article is devoted to the first woman magazine. The author considers the reasons, conditions of its occurrence, reveals typological, thematic aspects of the edition

Keywords: woman press, literary magazine, history of development of the press, typological characteristics, edition type, magazine structure, sentimentalism.

Trofimova P. V. Detail as the Means of Multi-Aspect Creation of Emotional-Feeling World and Man's Richness in the Novel "Tikhly Don" by M.A.Sholokhov.

In the novel, the epic „Silent Don“ the writer seeks to portray life in its fullness of its colors, sounds, smells, to demonstrate the complexity of life conflicts, to provide the reader the diversity of its colorful characters. Sholokhov uses various means of communication of their inner world. Given the artistic experience of their predecessors, MA Sholokhov is actively developing psychological poetics of „internal action“.

Keywords: Sholokhov M.A., novel "Tikhly Don", detail, psychologism, synesthetism.

Khodgayan T. R. Quotation Marks as the Means of Connotation in German Written Text.

The article studies the non-conventional modal usage of the inverted commas. The inverted commas' additional function, as the means of the connotating process is found: if there are stylistic shades of the meaning; if the writer has his personal attitude to what has been written; if the inverted commas are considered to be signal for communicative status change.

Keywords: punctuation, non-conventional usage of quotation marks, modalizing quotation marks, sense content, emotional content, evaluation, connotative meaning, style, occasionalisms

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айткалиева Алмагуль Сальковна – преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

Анисимова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова.

anirin82@mail.ru

Анохина Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Алтайской государственной педагогической академии.

656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55.

marisha1980@mail.ru

Аринина Марина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волжского государственного инженерно-педагогического университета.

404111, Волжский, ул. Советская, 6.

arimari@rambler.ru

Атжанова Найля Ерденовна – преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

Бажалкина Наталья Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета.

105005, Москва, ул. Радио, д. 10.

stnatik@rambler.ru

Бакеева Диана Анваровна – аспирант кафедры современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева.

430005, Респ. Мордовия, Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

swanny11@rambler.ru

Буркова Ольга Михайловна – преподаватель кафедры языков Белорусской государственной академии музыки.

220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 30.
bo2004@tut.by

Ваганова Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета.

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
igenavag@mail.ru

Влавацкая Марина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета.

630073, г. Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20.
vlavatskaya@list.ru

Волкова Виктория Борисовна – кандидат филологических наук доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

VBL2004@bk.ru

Воронина Любовь Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, Рязанского военного воздушно-десантного училища (военный институт) им. генерала армии Маргелова.

LV-Voronina@gambler.ru

Воронова Валентина Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Муромского института (филиал) Владимирского государственного университета.

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
inyaz@yandex.ru

Давыдова Светлана Викторовна – учитель иностранного языка средней общеобразовательной школы №40.

svet429@mail.ru

Дементьева Ксения Владимировна – преподаватель кафедры современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

430005, Респ. Мордовия, Саранск, ул. Большевистская, д. 68.
ksseniya@bk.ru

Демидова Татьяна Валериевна – методист Краснодарского архитектурно-строительного техникума
tatdemidova2@rambler.ru

Деулина Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.
432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
deulina-elena@mail.ru

Дубровченко Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
dalexel@mail.ru

Дьякова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
tatyana_dyakova@yahoo.com

Малетина Оксана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
okmaletina@yandex.ru

Морозова Евгения Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Муромского института (филиал) Владимирского государственного университета.
600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
inyaz@yandex.ru

Мятлева Марина Игнатьевна старший преподаватель кафедры иностранных языков Муромского института (филиал) Владимирского государственного университета.
600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
inyaz@yandex.ru

Рахимова Нурия Мухаметовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Магнитогорского государственного университета.

Магнитогорск, пр. Ленина, 114.
nuria_rahimova@list.ru

Смеюха Виктория Вячеславовна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры средств массовых коммуникаций Южного Федерального университета.

344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.
smeyha@yandex.ru

Танцура Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.

432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
ttancurga@yandex.ru

Трофимова Полина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Рязанского высшего воздушно-десантного училища (военный институт) им. генерала армии Маргелова.

Polina-t@inbox.ru

Ходжаян Тагуи Рафаеловна – кандидат филологических наук, доцент Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Я. Брюсова.

taguhikhojayan@mail.ru